

ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне приятно представлять читателям этот сборник В.А. Ерёмкина, автора книги стихов «Пройду по улицам промзинским». Коренной промзинец, «технарь» по образованию и роду деятельности и лирик в душе, Валерий Александрович очень любит свой край. Воспоминания о минувшем, какая-то особая «память рода», житейские наблюдения, раздумья о современных проблемах подтолкнули его к творчеству. Возникли картины присурской природы, оживило прошлое - драматические события и курьёзные случаи, зазвучали голоса односельчан, проявились по-настоящему народные характеры.

И всё это сложилось в яркую мозаику, в разноцветные «камешки», определяя структуру книги и давая второй смысл её названию (сборник озаглавлен по одному из её рассказов «Камешки» - место на реке Суре, где рыбачит герой).

Герои рассказов, очерков, повести «Вовкин фронт» - люди сурских мест, Промзина и Барышской Слободы, добрые, смешные, сильные духом и такие родные и близкие со своими печалью и радостями. Сильная сторона творчества В.А. Ерёмкина - «абсолютный слух» на живую разговорную речь. Так и кажется, что слова своих героев он не реконструировал в процессе работы, а дословно записал с диктофона. Русская речь, её мелодия в рассказах и очерках Ерёмкина В.А. - живая, многозвучная, как песнь воды на быстринах Суры, на «камешках»!

**Ответственный секретарь газеты «Сурская правда»,
секретарь районного литературного объединения
«Промзинские слог»
К.А. Ерёмкина**

«КАМЕШКИ»

Рассказ-воспоминание

Посвящается памяти моего отца Ерёмина Александра Афанасьевича, который говаривал, бывало: «Ну что мы прожили жизнь? Ни сказок про нас не расскажут, ни песен про нас не споют...».

Я сидел под небольшой кручей у реки. В заводи передо мной было три удочки. Леска уходила в воду, поплавки словно замерли. Да и вокруг всё замерло. Было тёплое летнее утро. Воздух остановился. Движение воды в Суре было едва заметным. И нежный туман стоял без движения, как будто чего-то ждал. Даже солнце, появившееся над лесом, словно раздумывало: а стоит ли продолжать своё движение? Ему казалось, наверное, достаточным, что оно осветило вершину Никольской горы, гору Кубышку и покрывающий её лес. Оно само любовалось нежными утренними красками. Отблески застыли на куполах и крестах восстановленной часовни на Никольской горе, которая сказочно парила в утреннем небе, встречая рассвет.

Место, на котором я расположился, в народе называют «Камешки». Здесь Сура делает поворот. В этом месте она за

многие-многие сотни лет близко подошла к одной из жемчужин православной Руси - Никольской горе, подмыв берег и образовав оползни. Здесь, у Никольской и Белой гор, был когда-то монастырь.

Мой старший брат при встрече на Сурской земле, после выпитой рюмки ударяясь в воспоминания, часто спрашивает меня: «Послушай, брательник, а мы вот в детстве в этих местах видели огромный металлический крест. Где он сейчас? Говоришь, ты его не видел? А я видел. Слушай, а вот если его поискать по-лучше, ну с какими-нибудь приборами? Я думаю, можно найти. Я точно помню, с друзьями в детстве я его видел. Был. Постой, а вот ещё, когда мы там, напротив этого места, с другом, ну с Лёнкой, в Суре бреднем бродили, знаешь, сколько в бредень человеческих костей попадало? Ты знаешь об этом?! Говорили, что где-то на берегу были древние захоронения и умерших хоронили в гробах, выдолбленных из стволов деревьев, колоды их называли, кажется. Ты про это слышал?». Вот так об этих местах вспоминает мой старший брат.

...Поплавки моих удочек по-прежнему покоились на воде. Не клевало. Я посмотрел вверх по течению реки. Там, на повороте, на круче, прижавшись к косогору, начинались строения. Вот первый дом на пригорке. Постой-постой, так это же бывший «Умрек» - так, по-моему, его называли. Как же это расшифровывалось? Ах да, вспомнил - «Управление малых рек». Да! Когда-то Сура была судоходной. Бурлаки на Суре. Женщины-бурлачки. Это история. А во времена моей молодости по Суре ходили катера, они таскали баржи с лесом, бутовым камнем, зерном, керосином, бензином, соляжкой. Ходили и самоходные баржи. По Суре перевозили и пассажиров на речных судах, даже на судах на воздушной подушке.

А вот здесь был соляной склад. В него складывали соль, которую завозили по Суре на баржах. Соли скопилось до самого потолка, и она превратилась в огромный кристалл-монолит. Здесь её пилили ручными пилами, кололи ломami, рубили топорами, отправляли молоть и затем продавали. В России при-

нято запастись хлебом, соль, спички и керосин.

Здесь, возле соляного склада, особенно весной, после разлива, под кручей всегда толпились маленькие катерки и баржи. Это был речной порт. На картах советских времён у населённого пункта Сурское можно было видеть изображение маленького якорька. Это говорило о том, что река судоходна.

И где-то в этих местах река, возможно, хранит свои сокровища. Да, если верить публикации в одной из газет, рассказывающей о местах Ульяновской области, где могут быть спрятаны клады, именно здесь некогда (в царские времена) переправляли на лодке драгоценности, и лодка затонула... Пытались якобы найти эти драгоценности, но Сура не отдала их.

Кто плавал по Суре, тот помнит, что на ней стояли бакены, указывающие фарватер, работали бакенщики, на берегах были специальные мачты. Хорошо помню: на Сурском участке долгое время работала бакенщицей женщина. В её обязанности входило весной устанавливать бакены, когда спадала вода, после ледохода, разлива (о ледоходе и разливах, о большой воде на Суре, об этой красоте, когда вся пойма, весь лес до Ключёвской горы стоял в воде, надо говорить отдельно) следить за бакенами и переставлять их, если менялся фарватер. Осенью, перед ледоставом, эта женщина снимала бакены на берег. Труд нелёгкий. Но в России так бывает часто - где трудно, там женщины.

Чтобы поддержать судоходство, на Суре работали земснаряды, углубляя в нужных местах русло реки. Работали специальные баржи - коряжницы - убирали со дна реки мешающие судоходству затонувшие стволы деревьев. Некоторые из этих стволов сотни лет пролежали на дне реки, в иле, без доступа воздуха, имели чёрный цвет, стали очень твёрдыми. Называли такие коряги чернотубом - очень красивый отделочный материал для мебели и кабинетов; в своё время ходили слухи, что кабинет председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина в Кремле был отделан чернотубом, поднятым со дна Суры.

А ещё я помню на Суре плетни. Забивали в дно колья и из ивняка плели плетни, чтобы увеличить скорость течения, чтобы

река сама промывала и углубляла себе русло. У плетней можно было видеть рыбаков с удочками, подкарауливающих свою добычу.

Выше «Умрека» и соляного склада было устье Промзы. Там, где заканчивался золотой песок сурского пляжа и начиналась круча, Промза впадала в Суру. Между Промзой и ныне обмелевшим озером Петелькой располагалась Сурская нефтебаза. Наливные баржи весной, после ледохода, по большой воде заходили в устье Промзы, к нефтебазе, и перекачивали содержимое своих трюмов в ёмкости. Так создавался стратегический запас нефтепродуктов района, а это был хлеб, это была жизнь.

Помню эти места зимой. Около соляного склада в круче был вырыт спуск к реке, по нему можно было спускаться на лёд. Здесь проходила зимняя дорога (зимник) на Полянки, Барслободу, Засарье, Сару и далее - на Алатырь. Дорога шла по льду мимо складов «Заготзерна», до начала Зачёрного яра, точнее, до коровьего пляжа, затем по поляне уходила в лес. А там - по старицам Суры, озёрам Долгому, Дубовенькому далее выходило к Полянкам. В особо же суровые и снежные зимы дорога до города Алатыря полностью проходила по льду замёрзшей Суры. Так получалось вдвое длиннее, но другого пути не было.

Таким вот образом мои мысли обратились к прошедшим временам. Воспоминания навяли эти с детства близкие, до боли родные места.

Солнце тем временем заметно поднялось над лесом. Сталось теплее. Туман стал лёгким и устремился в небо, растворяясь в его далях. Всё говорило о том, что погода будет хорошей. По-прежнему поплавки удочек замерли на воде.

Я посмотрел вниз по течению реки. Там, ниже «Камешек», на берегу когда-то стояли склады «Заготзерна». Вновь явились воспоминания. Отсюда зерно баржами сплавлялось по Суре. В прежние времена через Промзино шёл большой зерновой поток со всей округи. И не зря именно в Промзине появилась одна из лучших в России зерносушилок, изобретённая местным талантливим мастером-купцом Расстригиным и выпускавшаяся

его кустарным заводом, который в 1925 году был преобразован в артель «Молот».

Я слышал от старых промзинцев, что Расстригин хотел построить мастерские по выпуску своих зерносушилок в овраге, недалеко от Суры и Промзы, сделать настил и устройство для перемещения сушилок к берегу Суры, а там грузить их на баржи и сплавлять по реке. Но из-за революционных событий не смог осуществить задуманное.

...Мысли мои вновь вернулись к удочкам, и я в душе начал поругивать себя за то, что сижу так долго без клёва, за своё пристрастие, за своё увлечение. Я прекрасно понимал, что всё в жизни изменилось, что Сура - уже не та большая река жизни, которая раньше кормила и поила людей (ведь до прокладки в посёлке водопроводных сетей люди брали воду для питья, приготовления пищи из Суры).

Да, раньше Сура была судоходной, в Сурском действовал рыбколхоз, и в каждом населённом пункте на берегу реки была бригада рыбаков. Рыбу ловили неводами и приволоками, сдавали на продажу, и всем-то её хватало. И можно было очень хорошо поймать на удочки, поплавочные или закидные, или на так называемые «подпуска» - это когда на реке ставится кол, к нему привязывается основная леска, а на неё - «поводки» с наживой. И какая ловилась рыба! Та, которую царю на стол подавали, - стерлядь. Была в Суре ещё знаменитая рыба, о которой сейчас почти никто не помнит, - это белорыбца. Вес её доходил до 20 - 25 килограммов. Похожа на огромного язя, только плавники белые. Но техническое развитие, промышленность сделали своё дело. После строительства в Пензе заводов и сброса в Суру неочищенных сточных вод белорыбца, любившая чистые и глубокие воды Суры, полностью была уничтожена.

Старший брат рассказывал, как они с дядей, ходившим по Суре на катере, руками ловили на отмелях белорыбицу, которая, задыхаясь в загрязнённой воде, поднималась на поверхность. С детства у брата остался в памяти вкус этой рыбы, её нежно-розового мяса, таявшего во рту. Да, всё это было, где-то

там - далеко-далеко в прошлом, как будто на другой планете. И никак не укладывается в голове: неужели человек появился на Земле, чтобы уничтожить её красоту? Являясь частью живой природы, уничтожить живое!

...Вдруг поплавок одной из удочек сделал движение. От него пошли круги. Ещё раз, ещё. Да это поклёвка! Поплавок резко пошёл вниз, под воду. Я сделал подсечку, и на крючке, блестя чешуйками, затрепетал хозяин Суры - пескарь.

Мне вспомнилась моя первая рыбалка, которую я запомнил на всю жизнь и часто рассказываю о ней друзьям.

Я ещё даже не ходил в то время в школу. Частенько летом, играя возле дома, я видел идущего вдоль порядка старика в старом выгоревшем картузе, латаном пиджаке и штанах, заправленных в поношенные кирзовые сапоги. Появлялся он как-то неожиданно из-за кирпичного дома в начале «Мёртвой» улицы (ул. Воровского). «Мёртвой» называли нашу улицу за то, что с незапамятных времён, когда была построена красавица Промзинская церковь и православные жители села смогли получать в ней все положенные обряды, после отпевания в церкви усопший совершал свой последний путь на кладбище именно по этой улице. Церковь стояла недалеко от дома, где прошло моё детство, напротив неё были дома священнослужителей. За церковью находилось церковное кладбище. На колокольне церкви был большой колокол весом восемь тонн. А внутри находилась явленная икона Николая Чудотворца. Всё это было...

Так вот, старик появлялся из-за кирпичного дома в начале улицы. Этот дом смотрел на мир окнами без рам. Здесь когда-то была жизнь, хозяин занимался извозом, жил состоятельно, за что и был после революции сослан. Старик шёл медленно, но уверенно, с достоинством. У него была аккуратная белая борода, усы, ворот косоворотки всегда расстегнут. На правом плече он нёс удочки, за спиной - небольшой кошель, перекинутый через левое плечо, на правом боку висел «барабан» с рыбой. «Барабан» - это садок для рыбы, сделан он был из тонких реечек с дверкой и всегда вызывал у меня страшное любопытство.

Увидев старика, я бросал игру и, когда он подходил близко, здоровался с ним. Он медленно поднимал свободную руку, слегка касался козырька картуза и молча следовал дальше. Жил он недалеко от нас, звали его дядя Коля, но чаще на улице я слышал, как его называли Кулак. Я тогда несильно вдавался в значение этого слова.

Однажды всё изменилось. После того как я поздоровался, старик вдруг остановился, посмотрел на меня умными глазами и спросил:

- А ты на рыбалку ходишь?

Я от растерянности не сразу нашёлся что сказать, потом ответил:

- Нет, не хожу, да и удочек у меня нет.

На это старик сказал:

- А отец что?

- Отец всё на работе, ему некогда.

- Если надумаете, приходите, я удочки дам. Хочешь посмотреть, что я сегодня поймал?

Это было верхом моих желаний. Старик открыл дверцу «барабана», и я увидел: там лежали переложённые крапивой довольно-таки крупные рыбины.

- Вот это язи, а это подусты, - сказал он, закрывая дверку «барабана». И пошагал домой.

Я с нетерпением стал ждать отца. Он был на руководящей работе в райкоме партии, часто задерживался. К счастью, в тот вечер он появился довольно скоро. Я бросился к нему, отец подхватил меня на руки, подбросил вверх, поставил на землю и, взяв за руку, сказал: «Пойдём домой».

- Постой, постой, что скажу! Сегодня с рыбалки шёл Кулак...

- И я тут же замолк, увидев серьёзное, строгое лицо отца.

- Ты что, не знаешь, как его зовут?

- Знаю, дядя Коля...

- В чём же дело? Это кто тебя научил?

- Никто, я на улице слышал.

- Мало ли что ты услышишь! Самому надо думать, что гово-

ришь. Понял? Больше чтобы не было такого!

Немного подобрев, отец сказал:

- Он же старый человек, и у него имя есть.

- Давай на рыбалку пойдём, - сказал я, - удочки дядя Коля обещал дать.

- Ладно, как-нибудь выберу время и сходим, - пообещал отец. И он вскоре выполнил своё обещание.

Как летний ливень, нахлынули на меня воспоминания об отце. Из разговоров дома я слышал, что в 37-м году, когда моему старшему брату было пять лет, отца забрали и посадили. Якобы на торговой базе, где он работал, в ящиках с продовольствием обнаружили гвозди и стекло. Посадили тогда несколько человек - они стали «врагами народа». Мать ездила к отцу на свидания в тюрьму, возила передачи, друзья советовали ей, что можно везти, что нет. Можно было передавать сухари и папиросы или махорку. Около тюрьмы выстраивалась огромная очередь, вдоль которой иногда проходила охрана, внимательно осматривая собравшихся людей.

Однажды мать забрали в комендатуру, стали допрашивать, затем сказали, что на неё есть материалы, якобы она является спекулянткой и её могут посадить так же, как мужа. Склоняли оговорить отца. Но, ничего не добившись, отпустили.

Через год с небольшим отца и ещё несколько человек выпустили, другие остались сидеть, им дали большие сроки, несколько человек расстреляли, в том числе и друга отца. Но, не смотря ни на что, отец не ожесточился, верил в идеалы, верил в добро и красоту. Верил в людей.

О кулаках, о раскулачивании отец знал не понаслышке. Будучи коммунистом, сам принимал участие в раскулачивании. Прекрасно видел, кто был ярым эксплуататором, жившим за счёт чужого труда, а кто сам трудился и давал работу другим. Но власть требовала жёстких мер. Власть во все времена, как ей кажется, делает всё необходимое на данный момент, и только время ставит всё на свои места.

Участвовал отец и в строительстве новой жизни на селе. В

Барышской Слободе был организован колхоз. Назвали его «Заветы Ильича». Организатором был двадцатипятилетний, рабочий из Питера. Колхоз был организован, что называется, на бумаге, работа не шла. Председатель не знал людей, не знал тонкостей, особенностей сельского труда. Тогда на работу председателем этого колхоза поставили моего отца. Он стал вовлекать в колхозную жизнь в первую очередь тех, кто вел своё хозяйство, считая: тот, кто не может работать на себя, не много пользы принесёт и в колхозе. Не только работу нашёл здесь молодой председатель, но и свою судьбу... Влюбился в молодую девушку, сыграли свадьбу, а в 32-м году родился мой старший брат.

Колхоз за год наладил работу, были успехи. Положенное количество зерна сдали государству, заложили семена, всё остальное председатель разделил между колхозниками по справедливости - то есть каждому по труду. А оказалось, что этого делать нельзя. Нужно было по указанию свыше почти подчистую сдать всё зерно государству, а колхозникам «лишнего» не давать. Отец потом говорил, что от отсутствия материальной заинтересованности пострадала сама по себе неплохая форма собственности - колхозная, которая, кстати, сохранилась, например, в Израиле до сегодняшнего времени.

...Ну вот, надо же какие времена вспомнил. Всё-таки человек так устроен - не может без воспоминаний. Хотя, если бы рыба клевала по-настоящему, я уверен: некогда было бы заниматься размышлениями. Я снял пескаря с крючка и опустил его в садок. Он какое-то время стоял в воде неподвижно, часто двигая жабрами, но осознав, что находится в своей стихии, стремительно рванул по воде в садке и, ударившись о стенку, недоумённо остановился. Я смотрел на него и невольно думал: «Да, вот так случается порой в жизни и с человеком».

Между прочим, когда хорошо клюёт, не философствуешь. Когда же здесь хорошо клевало-то? Да лет пятнадцать назад, даже больше. Стерлядь клевала - на закидушки. Нигде не клевала, а здесь клевала. Святые места... Вода здесь свежая, родни-

ки. Да и овсяник водится - отличный корм для стерляди.

Овсяник - это бабочка-однодневка. И сама бабочка, и её личинки, живущие в илистом дне, - настоящее лакомство для рыбы. Особенно её любит стерлядь и подстерегает в тех местах, где быстрые воды, размывая грунт, вымывают из него личинки. Стерлядь своим твердым и острым носом иногда даже помогает воде.

В первых числах августа, когда личинка превращается в бабочку, она покидает илистое дно реки, всплывает на поверхность воды и отправляется в свой первый и последний в жизни полёт. Происходит это ночью. Когда плывёшь в это время на лодке по Суре, кругом тихая тёплая летняя ночь, притаившийся лес, молчаливый, таинственный, и только над водой шелест, и перед тобой, вокруг тебя настоящая живая белая метель. Миллионы бабочек как будто поют гимн жизни завершающейся и жизни, вновь зарождающейся, откладывая в воду миллиарды «икринок». Позабывшись о потомстве, бабочка погибает. И в это время вода в Суре оживает, слышатся многочисленные всплески, вся рыба рать пирует, пожирая лёгкую добычу. Как рыбаки говорили: «Рыба вышла на жор». В это время она сама становится лёгкой добычей рыбаков.

В детстве мы, ребяташки, запасшись хлебом, картошкой, солью и спичками, вечером шли на чистые золотые пески красавицы Суры. Готовили дрова для костра. А когда начинало темнеть и начинал летать овсяник, разводили костёр, клали в него картошку и рассаживались у огня.

Территория вокруг костра была строго поделена между нами. На свет костра со звёздного тёмного неба белоснежным дождём падали, обгорая на костре и устилая песок вокруг, бабочки с нежными прозрачными крылышками. Мы быстро собирали их (каждый со своего участка) в приготовленную заранее посуду. Потом доставали из костра печёную картошку - вкуснее картошки я никогда в жизни больше не ел... Поев, мы шли домой - надо было как можно лучше сохранить впрок добытую

наживку. Клали её за неимением в ту пору холодильников в погреб, на заготовленный зимой снег или лёд. А рыба в Суре после такого пиршества на удочки совсем не хотела клевать!

«Камешки»... Вспомнились мне три случая, которые произошли в один и тот же день на этом месте. Один парень доставал из воды овсяник для наживки и на быстрине среди камней заметил стерлядь. Схватил камень покрупнее, с силой бросил его в воду и оглушил рыбу. Схватил её руками, обезумев от радости, выбрался на берег и долго не мог прийти в себя, растерянно твердил: «Надо же - попал!».

Почти в то же самое время чуть выше этого места, рассказывали, сидел дед за закидными удочками. Вдруг начал чертыхаться: «Коряга, что ли, какая по дну прёт? Смотри, леску к берегу тащит. Надо же - только ведь закинул!». Дед стал выбирать леску из воды, она подавалась с трудом, а когда он потянул её сильнее, то рыбаки, сидевшие рядом, увидели на поверхности воды огромную стерлядь, свернувшуюся кольцом.

Дед подтянул её к берегу, с трудом веря в происходящее. Стерлядь ни разу не шелохнулась. За всем этим следил, оставившись за спиной деда, мужик, тоже заядлый рыбак. В этот день по случаю приезда гостей он был «при параде» и навеселе. Сам не рыбачил, пришёл просто посмотреть. Но сердце рыбака не выдержало:

- Слушай, Петрович, давай поддержи, а ты - в воду, руками её на берег выбрасывай, очень уж большая.

- Держи, Василич, только, смотри, аккуратней, а то ведь ты - того...

- Да не бойся, давай!

Петрович, не раздеваясь, ловко смызнул в воду и, быстро подведя руки под рыбину, выбросил её на берег. Сбежалась толпа. Все с завистью рассматривали стерлядь.

- Килов шесть будет, а может, больше, - сказал кто-то.

- Слушай, дед, как же ты её поймал? Крючок вон лежит, насадка целая.

- Да она же в леске запуталась! Видите, одна петля под жабрами, а другая на хвосте. Ну ты, дед, даёшь! Ну хитёр - в дугу согнул. Потому она у тебя и не брыкалась!

А дед тем временем быстро закутал рыбину в одежду - в рюкзак она не помещалась - и чуть не бегом рванул домой. Рыбаки разошлись по своим местам под большим впечатлением. Такие моменты - редкость, и запоминаются они надолго.

Но на этом чудеса в тот день не закончились. На берегу появился запоздавший рыбак со снастями. Он остановился на том месте, где сидел до этого дед.

- Мужики, здесь свободно?

- Садись, свободно, - ответил кто-то по соседству.

- Только тут уже всё выловили.

Рыбак всё же пристроился, забросил снасти. Прошло немного времени. Рыбак стал жалобно вопрошать, обращаясь ко всем сразу:

- Слушайте, мужики, что делать? Клюнула, стал вытаскивать, за что-то зацепилась, но, чую по леске, там сидит. А, мужики?

Василич, совершив обход рыбаков и ещё «в настроении», вновь оказался на знакомом месте.

- Давай поддержи. А ты - в воду, иди по леске, повезёт - отцепишь, а я вытащу.

Рыбак быстро разделся, прыгнул в воду и, осторожно держась за леску, стал медленно продвигаться вглубь. Как только вода дошла ему до груди, он нащупал камень, за который зацепилось грузило, наклонился, чтобы его отцепить, и в это время, сорвавшись с крючка, свечкой взметнулась вверх стерлядь. Все, кто видел это, ахнули. Рыбина развернулась в воздухе и, чуть не задев рыбака, вошла в воду. Рыбак сделал какие-то невероятные движения руками и скрылся под водой. С минуту или чуть больше, но всем показалось, что очень долго, его не было видно, но вот, вынырнув, он заорал на всю Суру: «Поймал!».

Он медленно шел к берегу, сильно прижимая стерлядь к го-

лому животу. И когда вышел на берег, все увидели, что живот рыбака окровавлен, пораненный острыми шипами стерляди. Но добыча стоила того.

Такая фантастическая рыбалка, я думаю, не повторится уже никогда. Сети, оханы, жаки, а особенно варварские электроудочки, а также и загрязнение Суры, похоже, скоро вообще могут сделать рыбалку мечтой.

...Мои мысли вновь возвратились в детство. Первая рыбалка с отцом... Отец взял у дяди Коли две удочки и, к большой моей радости, в воскресенье мы пришли вот сюда, на «Камешки». Одну удочку отец взял себе, другую отдал мне, показал, как надо забрасывать леску в воду. Я обратил внимание, что удочки у нас разные. Отец пояснил, что у его удочки леса сделана из конского волоса, а у меня из обычной белой нитки.

Мы начали рыбачить. Отец насадил червяков, помог мне и забросил удочки. Вскоре он уже снимал с крючка пойманную рыбу и сажал её на кулан, у меня же не получалось. Я с завистью смотрел на отца - он поймал уже несколько штук. Я вначале притих, потом засопел и, не выдержав, сказал:

- Да, хитрый ты - себе-то вон какую удочку хорошую взял, поэтому и ловишь. А мне что дал? Давай мне твою, а этой лови сам.

- Ну ладно, давай, - сказал отец, и мы поменялись удочками.

Я обрадовался. Ну, думаю, сейчас у меня тоже будет клевать. Я неумело забрасывал удочку, не мог подсечь, когда клевала рыба, как ни старался. Отец успокаивал меня, подсказывал, учил, но ничего не получалось. А в это время у отца ловилась одна рыба за другой. И тут я не выдержал, разревелся. Бросил удочку и, обливаясь слезами, пошёл домой.

Только в поселке отец догнал меня, успокоил, обещал купить хорошую бамбуковую удочку.

- Слушай, ведь никто не видел, поймал ты или нет. А рыба - вот она у нас, на кулане. И друзьям можем рассказать, что мы

вместе ловили.

Наконец-то успокоившись, я гордо зашагал рядом с отцом, неся кукан с рыбой. И когда мы шли по нашей улице, я чувствовал завистливые взгляды друзей. Так я стал рыбаком. Отец выполнил обещание - купил мне бамбуковую удочку, я увлёкся рыбалкой, и до сих пор ловля на поплавную осталась моим любимым занятием...

Солнце поднялось совсем высоко. Ветерок погнал волну. Я собрал снасти, взял добычу - ладно, хоть коту в глаза смотреть нестыдно будет - и направился домой тем же путём, как тогда - много лет назад. Ах, «Камешки», любимые «Камешки»!..

Излучина здесь
сурная,
Реки крутой поворот.
Нежно берег лаская,
Сура свои воды несёт.
Родник здесь в речку
впадает,
Слышится песня воды.
Камни земля обнажает,
На склонах трепещут
сады,
Здесь воздух стрижи
взрезают,
А ночью поют соловьи,
За речкою филин
вздыхает,
Думая думы свои.
На солнце ужи

свернулись,
Чёрные греют бока.
Ромашки чуть
колыхнулись
От лёгкого ветерка.
Пчела деловито присела
На самый край лепестка,
Она отдохнуть захотела -
Далек её путь до летка.
Вдруг сон наяву я вижу:
На «Камешках»
с удочкой я,
Голос отца я слышу,
Детство вернулось,
друзья.
Родные и милые звуки
Душу мою бережат.
Помню отцовские руки,
Добрый родительский
взгляд.
Будто рядом он снова -
Рыбу мы ловим вдвоём.
Сына он учит малого,
Волнуясь, поклёвки
мы ждём.
Я никогда не забуду
Чуткость, заботу его.
И тоже рыбачить буду
И сына учить своего...

ПОД НОВЫЙ ГОД

...И такое бывает

Какой тогда встречали год, я не знаю, эту давнюю историю рассказал мне мой знакомый. Дело происходило в школе. В актовом зале шла ёлка для старшеклассников, играла музыка, было шумно и весело. Всё шло своим чередом. Учителя внимательно

присматривали за учениками. Они и в праздничные дни стойко несли свой воспитательский крест. Но они тоже были людьми, и им хотелось неформального общения. И они подумывали о том, что вот пройдёт ёлка, разойдутся ученики, и, ненадолго забыв о тетрадках и оценках, все сядут за наспех собранный импровизированный стол, поздравят друг друга с Новым годом да просто свободно поговорят, пошутят друг с другом. И вот такой момент настал. Они шумно, как ученики в классе, разместились в учительской, попутно обсуждая прошедший бал. Директору пришлось наводить порядок. Он предложил поднять бокалы за Новый год, за новые успехи в работе, за здоровье, за счастье. Все дружно поддержали, и в учительской стало шумно, весело и уютно. Всем хотелось сказать друзьям-коллегам что-то хорошее, приятное, хотелось обратить на себя хоть капельку внимания. Шум нарастал. И вдруг громко: «Товарищи!». Все услышали голос Геннадия Ивановича, учителя физкультуры, все знали, что он мог выдать такое - ого-го! И иногда за глаза называли его Мюнхгаузенom. В учительской стало тихо-тихо.

- Товарищи, вы вот всё про новый год, да про новый год. А вот скажите, что у вас было такого в старом году, чтобы ну ни у кого не было и на всю жизнь запомнилось?

Учителя переглянулись.

- А у вас, Геннадий Иванович, было?

- Было, да ещё как было.

И как большой артист своего жанра он сделал многозначительную паузу. И кто-то уже не выдержал:

- Ну что же вы, Геннадий Иванович, расскажите!

И он начал:

- Было это летом. Сами помните, какое оно было тёплое, с частыми дождями, в общем, грибов было предостаточно. Ну знаете, люблю природу, лес, грибы. Дай, думаю, схожу. Собрался в Зачёрное. Давно там не был. Вышел пораньше, чтоб другие грибники не опередили. Грибов - тьма, хоть косой коси,

и всё белые. Я один мешок набрал, припрятал, второй добираю, сам думаю: как донести? И выхожу я так на поляну, смотрю и даже мешок выронил, грибы рассыпал. И что, вы думаете, я вижу?

Опять пауза.

- Мамонта!

Тишина. Кто-то поперхнулся едой. Закашлялся. Василий Петрович, физик, не выдержал, в другой бы раз промолчал, но сейчас...

- Кого, говоришь, видел?

- Говорю тебе, мамонта, в Зачёрном так спокойно пасётся на поляне, траву жуёт, здоровый, как слон, только шерсть какая-то серая с коричневым. Ещё бивни, два, здоровые. Траву жуёт и хвостом помахивает.

- Кого, говоришь, видел? Кто помахивает? - Василий Петрович встал и направился к коллеге.

- Мамонта.

- Болтун! Я покажу тебе сейчас бивни!

До конкретного выяснения, был ли в Зачёрном мамонт, видел ли его Геннадий Иванович, оставались считанные секунды. Но все дружно среагировали и развели спорщиков в разные углы. Откуда ещё долго доносилось - из одного угла:

- Ну я же говорю, видел!

Из другого:

- Мюнхгаузен!

- Да видел же я!

- Во сне ты видел!

Но появился баянист, и вскоре все дружно запели «Маленькой ёлочке холодно зимой...», оставляя в старом году все споры и недоразумения. Не зря говорят: как встретишь новый год, так его и проживёшь.

Ну а что мамонты? Как показали недавние находки, жили они в наших местах. Но очень давно - десять тысяч лет назад.

«ЛЕОНТЬЕВ ДОМ»

Там, где улица
Вальковка
К погосту сурскому
ведёт,
Жил в былые дни
когда-то
«Вальковских
глинников» народ.
Под самой
«Стрелкою» лопатой
Старался, глину
добывал
И на лошадке тощей,
хилой
Месить в заводик
доставлял.
А замесив её покруче,

Чтоб получилось всё
путём
И выходил кирпич
хороший,
Он уплотнял её лаптём.
Отформовав кирпич,
как надо,
В тени легонечко
сушил
И, помарив его немного,
В печи для обжига
грузил.
Тепло для случая

такого
Давали жаркие дрова,
И память о «глинниках
вальковских»
Доносит улицы молва.

Была в старом Промзине улица Вальковка, затем она стала называться Трудовой, а сейчас - улица Жигарина. На этой улице жил мой дед, жил в доме, который в народе или, как говорили, «по-улишному» назывался «Леонтьев дом». У этого названия - своя история.

Дед был старым солдатом царской армии, защищавшим царя и отечество на просторах Дальнего Востока. Звали его красивейшим старинным именем Афанасий. Этот седоволосый, постриженный «под кружало», с бородкой и усами, высокий, стройный, сухопарый старик и в преклонном возрасте сохранил солдатскую выправку. Много лет отдал он службе, тогда долго служили. Бог миловал, с войны пришёл живой.

Служба наложила на него свой отпечаток, выработала особые привычки. Дед и не курил, и не пил лишнего, хотя пережил все тяжёлые моменты дальневосточной кампании, поражение царской армии под Порт-Артуром.

- Таво ты говоришь, всё это ерунда. Вредно. И ни к чему, - говаривал он частенько.

И что также удивительно, он никогда не ругался «чёрными» словами. Самое сильное и страшное его ругательство было «ечмёна мышь».

- Вот ты, ечмёна мышь! Да стой, говорю! - хлопотал он, собираясь за хворостом и запрягая в сани корову. Жил-то бедно.

Итак, в употреблении спиртного дед Афанасий знал норму. Как, кто установил ему её, то ли сам, то ли армейский лекарь - никто не знал этого. Бывало, дед возвращался в воскресный зимний день с базара, замёрзший, снимал с себя кирзовые сапоги, как он говорил, «сорок последнего» размера и, ступая босы-

ми ногами, проходил к столу: «Таво ты говоришь, на портянки не лезут, а валенки проносились, вот и надел эти. Застыл маленько». Подавая отцу обувь, сын спрашивал:

- Тятя, погреешься? Налью? Закусишь? Сегодня пироги пекли.

- Таво ты, Шурка, говоришь - погреться можно, наливай. Только немного.

Сын доставал запечатанную белым сургучом бутылку водки, как раньше говорили, «под белой головкой», гранёные стаканы, открывал и начинал разливать.

Дед внимательно следил:

-Таво ты, стой, погоди, хватит, лишка будет.

Они выпивали граммов по сто пятьдесят, закусывали пирогами. Через некоторое время сын вновь брался за бутылку:

- Тять, ну давай ещё понемногу.

- Нет, Шурка, всё, таво ты говоришь, это уже вредно будет.

- Тять, чуть-чуть...

- Нет, - твёрдо говорил дед. - Вот чаю бы, это другое дело - можно. Да если ещё вода с Суры.

Чай дед любил больше водки. Был у него тульский ведёрный самовар со множеством отчеканенных на нём медалей. В особо торжественные дни дед чистил самовар красным кирпичом, и он горел, как солнце. После бани, вдоволь напарившись (а в парилку он мог заходить не по одному разу), дед выпивал чуть ли не весь самовар вприкуску с любимым лакомством, заменявшим сахар: сушёной тыквой - «курягой».

Хозяйствовать деду Афанасию приходилось одному. Почти тридцать лет прожил он, как раньше говорили, бобылём. После смерти жены, красавицы-крестьянки Аннушки, белолицей, голубоглазой, с огромной косой до пояса, никто не мог завоевать сердце старого солдата.

Но, несмотря на тяжёлую жизнь, дед ни разу не болел и жил долго...

Их было два брата - Афанасий и Леонтий. Жили они в пя-

тистенном доме - каждый занимал половину. Улица Вальковка начиналась от Купеческой улицы (сейчас улица Хазова) и шла вдоль оврага к кладбищам параллельно «Мёртвой» улице (Воровского). Вверху, недалеко от кладбища, был небольшой кирпичный заводик, где производили ручным способом красный кирпич из местной глины. Часть проживающих на этой улице людей работала на заводе, и поэтому их называли «вальковскими глинниками».

Братья жили недалеко от переулка, который назывался Заглядовкой. По-уличному братьев называли Леонтьевы. А дом, в котором жили, - «Леонтьев дом». Видимо, потому, что брат Леонтий был знаменит на всю округу. Это был двухметрового роста крестьянин с могучими плечами - «косая сажень», с грубоватыми чертами лица, густыми бровями, большим мясистым носом и добрыми глазами. Из всего его облика особенно выделялись руки - с огромными кулачищами, они доходили почти до колен.

Леонтий обладал могучей силой. Конечно, не такой, как знаменитый промзинский силач, который мог ставить гружёные зерном возы один на другой. Но и Леонтия бог не обидел, и поэтому в хозяйстве он выполнял «лошадиную» работу. Когда в полях созревал урожай, хлеба косили, вязали в снопы и грузили на Леонтия - лошадей в хозяйстве не было, и он носил снопы на себе.

Но не этим был особенно знаменит Леонтий. Он был кулачник - дрался «на кулачках». И дрался здорово. Не было равных ему в округе. Богатые промзинцы подыскивали для него бойцов, организовывали бои, делали ставки, платили ему деньги и поили водкой.

На Масленицу по русскому обычаю устраивались кулачные бои - тогда дрались улица на улицу, как говорили, «стенка на стенку», начиная с малых ребятишек. И когда доходило до мужиков, то в самую трудную минуту, когда для вальковских дело могло обернуться поражением, бежали за Леонтием. Он

был дома, ждал. Подбегая к дому, кричали: «Дядя Леонтий, наших сейчас погонят!».

Леонтий надевал кожушок, подпоясывался кушаком, брал рукавицы и спешил на выручку. Сходу врезался в толпу дерущихся, раздавая страшные удары по сторонам. Какое-то время противники терпели, потом начинали пятиться, всё быстрее и быстрее. Тогда Леонтий прекращал бой, выходил из толпы дерущихся, говоря: «Ну, теперь сами управитесь». Смотревшие на драку подходили к нему, одобрительно похлопывали по могучим плечам. Хвалили, появлялась водка, Леонтия угощали, и он, разгорячённый дракой и водкой, был горд и за себя, и за свою улицу Вальковку. Ему подносили ещё... И этот добрый боец, богатырь безбожно напивался.

Всё это прекрасно помнил Афанасий.

- Таво ты, Шурка, говоришь: «Давай, выпьем ещё!» Ты что, забыл дядю Леонтия? Царство ему небесное. Что? Вино его сгубило и драки. А какой мужик был! А? Богатырь!

- Тять, а правда, дядя Леонтий двух человек убил?

- Таво ты говоришь, Шурка, был грех великий. Загубил две души.

- Тять, как было-то, за что?

- За што, за што... Вино! Так-то он добрый был... Первый раз на Купеческой улице - там питейный дом был, нумера - друга его, таво ты говоришь, крепко обидели, избили, стало быть, мужики, а он - в защиту. Да так одного ударил - тот перила у лестницы сломал, упал и разбился насмерть.

- Тять, а что дядя Леонтий?

- Што Леонтий? В бега. Правда, его потом особо-то никто и не искал. Времена такие были. Убег он на Волгу, в артель крючником. Надо же, и там с ним беда приключилась. Как-то получили они деньги за работу. Вся артель загуляла прямо на берегу. Напились, утром проснулись - денег ни у кого нет, обворовали. Оказалось, свой, артельный крючник. Далеко не ушёл, поймали. Деньги отобрали. Стали в круг и «подушками», кото-

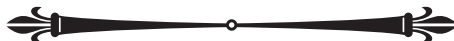
рые крепились на спине для переноски грузов, стали «учить» обидчика. После удара он отлетал к кому-то и попадал под новый удар. И когда он попал под удар Леонтия, он уже не встал. Артель в испуге разбежалась. Вот такие, ечмёна мышь, дела.

А Леонтий поскитался - поскитался по разным местам и вернулся домой, на родину - в Промзино. И всё пошло своим чередом. Кулачные бои продолжались. Был март месяц, Масленица. Леонтий, сильно напившись, однажды не смог дойти до дома, свалился в снег и уснул. Никто этого не видел, а когда нашли его, привели домой, оказалось, что он сильно застудился. Заболел Леонтий и вскоре умер.

- Вот, таво ты говоришь, что делает вино-то! Да. Нет тово молодца, чтоб поборол винца, - рассуждал дед Афанасий...

Давно это было. Ушли в мир иной братья Леонтий и Афанасий. Простые русские мужики, каких миллионы было на Руси, на ком стояла и будет стоять русская земля. Каждый из них шёл в жизни дорогой своей судьбы.

Прошли годы. Время изменило всё. Изменился и «Леонтьев дом», но он до сих пор по-прежнему смотрит на мир своими окнами и хранит в себе память прошедших лет.

И БЫЛ-ТО ВСЕГО ОДИН РАЗ...

- Вот ты говоришь, рыбалка. Я ведь зимой - нет, не на удочки, никак. Да я разве мотыля на мормышку насажу?

- И он показывал огромные руки, сжимал пальцы в кулаки, и они превращались в пудовые гири. - И на блесну - баловство.

- Ну а на сгар? У вас там места хорошие, озёр много. Можно хорошо поймать, если удачно попадётся. Майна для тебя - не проблема, любой лёд пробьёшь.

- Ба! Сказал! На минуту. Ну, понимаешь, не в этом дело. Не люблю.

Как все большие люди, он был добродушным. Я слышал о нём историю от рыбаков и ждал: расскажет или нет? И надежды мои оправдались.

- Ты понимаешь, это надо постоянно караулить, ездить, днём, ночью - когда он будет, сгар-то. Правда, и черпало, пешня, и даже острога где-то валяются. Был я, будь оно неладно, всего один раз, и после сказал: всё: хорош, никогда больше не пойду. Она хоть там на лёд пусть вылезит, рыба, не пойду.

- А что?

- Что-что? Ну сделал как-то я все эти прибабасы для ловли. А у меня сосед, Колька, баламут, говорит: «Сашка, там, на Большом озере, рыба начала подниматься». «Что, говорю, горит, что ли?» - «Да не знаю, гореть, может, и не горит, март уже. Но я сегодня ходил, пару щук заколол. Собираюсь опять. Пошли». - «Хм. Из-за двух щук переться? Нет». - «Смотри, я пойду». Ну ушёл он один, баламут. И надо же, мне тоже в душу запало. Начал подумывать, а не сходить ли? Ну хоть в разведку. Собрался, надел новые резиновые сапоги. Только купил для весны. Думал, малы будут. Нет, даже свободны. Бросил в рюкзак острогу, топорик, фонарик. Пошёл. Прихожу на озеро и напрямиком к соседу, к Кольке, баламуту. «Ну что?». - «Да вот, одну заколол. А ты что безо всего?» - «Да у меня острога в

рюкзаке и топор. Щас палку вырублю, насажу». «Давай-давай. Иди, у меня вон там под деревом ещё одна майна, иди давай, лови». Ну я пошёл, вырубил палку побольше, насадил острогу. Встал у Колькиной майны. Смотрю в воду, жду. Мужики узнали, кричат. «Чо, Санёк, рыбки захотел? Ну давай, давай. Ты тока лёд смотри не провали, а то вон какой. И острога у тебя подходящая. А черенто! Жердь, что ли, приспособил?» - «Да ему тока китов колоть. А, Санёк?». - «Да пошли вы все собакам сена давать». Ну кое-что ещё добавил. И понимаешь, вдруг в майне появляется щука, килограмма, чай, на три. Я про всё забыл. Ну, думаю, щас я её. Ну и размахиваюсь острогой, да с силой! А она вместо того, чтобы туда, в майну, в щуку, бьёт мне в носок сапога. Ладно, в самый край. Пробивает подошву и врезается в лёд, да так глубоко! А я поначалу думал, в ногу. Как заору. Потом говорили, в посёлке было слышно. Врут, чай. Но мужик у соседней майны, точно помню, упал. Говорил потом, что споткнулся. Минут пять, помню, тишина. Потом все ринулись ко мне:

- Ты чо орал? В ногу, што ли, саданул?

Тут я опомнился. И дальше Сашка рассказал, как повёл на всех каким-то звериным взглядом и просвистел на выдохе: «Нет, вроде в сапог только». - «А ты пошевели ногой, пошевели. Крови вроде нет». Санёк попытался освободить ногу, потерял равновесие и упал на спину. Нога каким-то образом выскользнула из сапога, и он всей тушей оказался на спине на снегу с высоко поднятыми ногами, правая была голой. А у майны стоял новый сапог, пробитый мощной острогой, она вошла глубоко в лёд.

И ты представляешь, что тут было!? Н-да. Потом успокоились. Выдолбили острогу из льда. Потом острогу вырезали из сапога: «Сашка, надо же, как ты метко в сапог, а нога цела?» Как-как... Щуку увидел, замахнулся, а черен здоровый. Оттого что длинный, за куст задел. Вот тебе и «как». На этом я свою зимнюю рыбалку и закончил. А этот Коля-сосед, баламут, нет-нет да спросит: «Ну, Санёк, когда ещё на сгар пойдём?» А сам лыбится. А я зимой - нет. Вот летом бредешком - другое дело!

ВОЙНА И ВРЕМЯ

Фантастическая это штука - время. Никто не знает, не ведаёт, что это такое. Иногда кажется, что его так много и оно так медленно течёт, хочется, чтобы оно быстрее прошло. А в другой раз хочется, чтобы оно шло медленно и даже, может быть, совсем остановилось. Порой так хочется вернуть его назад. Но нет. Нет силы над временем. Время само - сила, летящая куда-то в бесконечность и сметающая всё на своём пути. Говорят, время лечит. Со временем утихает боль. Со временем многое забывается. Может быть, это и так. Но, несмотря на стремительный бег времени, люди многое помнят.

Они помнят, когда на Суре возникли военные поселения. Эти русские городища и крепости сыграли в дальнейшем огромную роль. В то время война прошла по этим местам. Эта земля, эти леса, эти реки, озёра помнят многочисленные набеги кочевников. Эта земля помнит кровь и слёзы людей, дым и огонь пепелищ. Помнит сабельный звон, свист и полёт стрел, жуткую кандальную, рабскую песнь цепей. Вся историю человечества война и время неразделимы. Они идут вместе по земле, изменяя на своём пути страны, города, народы. Несут страдание и горе

людям и, как всегда, самым бедным. И удивительно, что среди этого хаоса войны, среди этой жестокости расцветает чувство любви, простой человеческой любви к своему народу, к своей земле. И остаются на земле святые храмы, красивые города и сёла, и, пока Создателю нужна любовь на земле, будет так.

Русь. Россия. Посурский край. Промзинский край. Всё ты делишь со своей страной. И время, и войны, и историю. Всё прошло через тебя, через душу простого народа. Ты был маленькой крупинкой, ты был большой опорой, когда собиралось могучее российское государство.

Слобода Барышская. Бобыльская гора. Цыповский курган. Баранчеево городище. Никольская Борковская пустынь. Речка Барыш. Слобода - поселение свободных людей.

История.

Крепостное право. Земля и люди, как обыденная вещь, переходящие из рук в руки. Помещичий гнёт. Время крестьянских войн. Насилие и унижение время всегда превращает в войну. В войну жестокую, которую можно и нужно избегать. Восстание - это тоже война, война народа. Ужасная, кровавая война.

Восстания Разина и Пугачёва также коснулись этой земли, этих мест.

Каждому времени - своя война, а каждой войне - своё время. Уничтожая сотни тысяч, миллионы людей, война предавала их земле и в большинстве своём безвестности. В то же время оставляла после себя бессмертные, вечно живущие имена.

Отмена крепостного права. Чахлое развитие капитализма в России. Новое время, новые войны. Победоносные, позорные, проигрышные. И все войны коснулись самых далёких деревень России. Не обходили они и Барышскую Слободу. Первая мировая война. Никто не знает, сколько слободчан отдали свои жизни в той войне.

Новое время. Время революций. Гражданские войны. Вторая мировая война. Самое страшное время. Самая страшная война...

СЛОБОДА

Слобода моя родная,
Где родилась моя
мать,
Я с любовью её буду
В своей жизни
вспоминать.
Никогда я не забуду
Распрекрасные места,
На пригорке где
пригелась
Над Сурою Слобода.
Где Барыш так
торопливо
К Суре-матери
спешит.

И воды прозрачной
струи
С любовью ласково
дарит.
Где леса так
величаво
Обнимают гладь
воды.
И луга цветут,
бушуют,
Словно райские
сады.

Барышская Слобода - родина моей покойной, царство ей небесное, матери. Там прошли её детство и юность. Они у каждого незабываемы и удивительны, на какое бы время ни пришлись. Те годы были не из лёгких, мама родилась за четыре года до Октябрьской революции. Она с каким-то особым чувством вспоминала родных и близких (но своего деда по отцу всегда почему-то называла Степаном Васильевичем, а бабушку просто Матреной), вспоминала, как выпекала с тёткой хлеб, стоя у русской печи на подставке и еле справляясь с деревянной лопатой. Училась мало, два или три класса. Отец её, мой дед Иван Степанович Баранов, женился рано. Матрёна часто болела, и в семнадцать лет связал Иван свою судьбу с бедной крестьянкой, односельчанкой, ровесницей, ни писать, ни читать не умевшей, - Александрой Павловной Раскатовой, проще - Сашкой. Только впряглись в тяжёлый крестьянский труд, только родилась дочь, поди ж ты - Ивану служить царю и отечеству. Призвали Ивана во флот, на Балтику. Любил царский флот слободских парней, то ли за то, что они были с красавицы-речки Суры, сестры могучей Волги, то ли за то, что могли мастерить речные суда-расшивы, то ли за то, что сами были крепкие, статные и, как все выросшие на реке, умели плавать, Бог его знает. И стал Иван Баранов канониром на крейсере «Павел I».

В моей памяти с раннего детства навсегда о Слободе остались самые приятные воспоминания, волнующие мою душу. Большое село со сбегаящими к Суре домами, улицы и улочки с простыми, на первый взгляд, но вместе с тем мудрёными названиями, сама речка Сура с впадающим в неё Барышом. Мост, перекинутый через Суру к золотому песку, а далее - мост через Барыш, слева - красный каменный дом, справа - ГЭС, а дальше - мельница за Барышом... Две церкви, музыкой колоколов заполнявшие когда-то округу.

Но самое удивительное - это люди. И сейчас не могу понять, почему ко мне, мальчишке, относились с такой лаской. Наверное, это заслуга моих дедушки и бабушки, матери и всей моей

родни. Такое уважение у своих односельчан надо было заслужить. Тогда в народе в большой цене были честность, смелость и настоящая человеческая дружба.

Я любил это село, любил этих людей, сильно налегающих в разговоре на «о», их «зогони коров». Любил свою бабушку, которая не умела писать и читать, с трудом могла считать, но была такой доброй, такой спокойной и обладала каким-то особым складом ума, способным расположить к себе любого. Была она небольшого роста, полная, круглолицая, с правильными чертами лица, испещрённого сеткой морщин. Вся какая-

то светлая, мягкая. Трудно было представить, что эта женщина родила и воспитала семерых детей.

Я также любил своего деда и немного даже побаивался этого большеголового, с огромной лысиной, седоволосого старика. Чуть выше среднего роста, костистый, чувствовалось, в молодости он был не слабак. На немного скуластом лице выделялись тёмные строгие глаза и волевой подбородок. Помню, у него сильно не побалуешь. Его глаза становились строже, он сжимал пальцы, превращая их в огромный кулак, говорил: «Кувалду видишь?». Конечно, всё это была шутка, но действовало.

Дед любил внучат и, как мне казалось, особенно мальчишек. Дед плотничал и столярничал, делал всё медленно и аккуратно. Не забыть лыжи, качели, «кобылки», ледянки, разные коляски, которые мастерил нам дед. «Кобылка» представляла собой скамейку с прибитым к ней широким полозом, который заливался водой и замораживался, ледянки были круглые, они делались часто даже из старого решета, снизу также залитого и замороженного, для прочности ледяного покрытия, бывало, добавляли навоз.

В памяти остались дом деда в Барском проулке, под тесовой крышей, сарай, крытый соломой, конюшня, хлев, двор, во всём - простая крестьянская аккуратность, гармония и красота. Огород, обнесённый плетнём, напоминающим косу русской красавицы. Русская банька по-чёрному, колодец в прогале с покосившимся срубом, помятое ведро на цепи - всё излучало тепло русского духа. В этом неподражаемом русском быте - душа людей, их спокойная сила, сила жизни на земле.

Дед, что-то мастеря, часто подтрунивал надо мной: «Ну, скажи мне, кто ты - Фома или Ерёма?» Я злился: «Какой я тебе Фома? Фома это Фома. Я Ерёма, понял?» Дед улыбался. «Понял, как не понять». Иногда, думая о чём-то о своём, вдруг говорил: «А на кресте-то напишите: покойный водочку любил!» К старости дед стал выпивать. Я слышал, как бабушка жаловалась матери:

- Райка, ну што ты с ним будешь делать. Посылаю его за хлебом, не идёт. Баит: што я за одним хлебом попрусь в такую даль. Давай, чего-нибудь ещё куплю. Ну там сахара, песка, крупы, масла. Дам денег, правда, всё принесёт. Я считаю, считаю, никак не могу сосчитать. Он меня, старый, обманет да обманет. Вина купит и в дрова спрячет. И бегат. Спрошу: «Ты што? Ты што мотаешься?» Говорит: «Живот што-то прихватило». Пойду, Райка, искать, не найду. Хитрый, упрячет. А сама если я спрячу, обязательно найдёт. Как-то дров надо было, купила мужикам бутылку, думаю: спорет, спрячу. В этот день тесто ставила, в квашню спрятала. И што ты думаешь? Нашёл и вылопал. А?

Иногда дед вспоминал службу во флоте. «Знаешь, как муштровали? А если што не так, можно было в зубы получить. «Ваш броть» всякий был, то есть «ваше благородие». Я вроде молодой, и сила была, и всякие там упражнения с тяжестями. А што сделаешь? Ничего. Командир корабля, правда, мужик хороший был. Особо в обиду не давал. А время смутное. В один момент чую, что кораблём кроме командира стал командовать ещё кто-то. И вскоре, а это, стало быть, перед революцией, у нас на крейсере, на «Павле», бунт, восстание. Это токо говорили, что вроде на «Авроре» началось, нет, у нас на «Павле». На пожарных щитах все топорики, все багорики расхватили, и началось. Всех офицеров, кто издевался, кто злобствовал, - по голове - и за борт. Может, оно слишком жестоко, но што поделаешь, время такое было. Оказывается, на корабле судовой революционный комитет был. Всех на верхней палубе построили. Объявили, что власть на корабле перешла к судовому комитету. Командира и несколько человек, в том числе и меня, ввели в состав комитета. За што- про што не знаю, может за то, што грамоту знал и две специальности - канонир и писарь. А может, за дисциплину. Не знай».

Отшумели Февральская, а за ней Октябрьская революции. Команда крейсера «Павел I» перешла на сторону большевиков. Как рассказывала моя мать, после Октябрьской революции

Ивана Степановича Баранова, бывшего крестьянина, матроса перевели на службу в адмиралтейство, в Питер. Он приехал в Барышскую Слободу и забрал в Питер семью. Иногда дед ходил по Балтике даже на подводной лодке. Бывал в Финляндии и частенько в разговоре вставлял финские словечки.

Мать вспоминала, как она пошла в Питере в школу. Но что-то не заладилось, дед затосковал по родной земле, и они вернулись в Барышскую Слободу. Его как бывшего балтийского матроса, в какой-то мере участника революций, советская власть

направляла на различные должности. Был он председателем совета в Слободе, председателем колхозов в Выползове, в Саре, в Акнееве. Везде старался работать добросовестно. Хотя было нелегко. Семья быстро росла: Раиса, Марина, Анатолий, Борис, Юрий, Таисия, Владимир - вот такая гвардия была у Ивана Степановича и Александры Павловны. Семейство было дружное, работающее. Все учились. Марина поступила в Казанский медицинский институт, Анатолий - в военное училище. Он был очень талантлив, учился легко и свободно, всё усваивал на лету, уроков дома почти не учил. Хорошо играл на гитаре. Из училища родителям шли благодарности. Борис был серьёзным не по годам, страшно деловым, всегда что-нибудь мастерил. Говорили, в отца. Друзья и звали его за глаза в шутку «Иваном Степановичем» - по отцу.

Жизнь в стране налаживалась, люди стремились к новому, хотя было нелегко. Однако надеялись на хорошее и светлое. Но... Война. Вторая мировая - самая чудовищная. Она не обошла стороной ни один город, ни одно село страны, ни одну семью. Первой в сорок первом уходит на фронт медицинским военврачом Марина. На всю войну. На долгие, ох какие долгие военные годы! За ней - Анатолий, окончивший военное училище, лейтенант Советской армии.

В это время семья Ивана Степановича Баранова жила в селе Акнеево. Он - председатель колхоза, уже непризывного возраста. Но всюду возил с собой новую морскую форму как память о военных, революционных годах. Как видно, чувствовал Иван Степанович, что и ему придётся ещё повоевать.

Если вернуться на поколение назад, то у бедного крестьянина Степана Васильевича Баранова кроме Ивана были ещё сын Дмитрий и дочь Пелагея. Детей у Дмитрия было тоже трое: два сына, Александр и Виктор, и дочь Клавдия. Когда началась Великая Отечественная, Дмитрия Степановича призвали в начале войны, и всю войну он воевал в Саперных войсках. Строил мосты, наводил переправы, слава Богу, вернулся живой. А воевал

и он и в эту войну почти всей семьёй.

Вот что вспоминает его сын Виктор Дмитриевич, мой двоюродный дядя, бывший военный, которому сейчас за восемьдесят. Его лицо ещё сохранило былую мужскую красоту. Несмотря на седую шевелюру, выглядит моложе своих лет. Живёт он в областном центре. Наезжает с женой к её родне. Мы иногда встречаемся, как водится, по русскому обычаю за рюмкой водки, вспоминаем, говорим. А вспомнить и поговорить есть о чём. Рассматриваем старые фотографии, родные и знакомые лица. И вот что он мне поведал однажды:

- Мне вручили повестку пятого ноября сорок третьего года. Одиннадцатого приехали в Сурский военкомат. Нас направили на железнодорожную станцию Вешкайма. Добирались туда пешком. Котомки наши везли на лошадях, а мы рядом шли. Со мной в один день призвали и моего дядю, Ивана. Куда его отправили, я не знаю. А нас отправили в город Барыш. Посадили на платформы, гружённые углём. А холодно, ноябрь. Приехали в Барыш, слезли с платформ и не узнали друг друга. Все в угольной пыли, чёрные, как негры. Нас отправили в учебный пункт. Месяц ходили в своей одежде, и целый месяц нас ни разу не мыли в бане. Но занятия проводили регулярно, строевые, как положено, изучали оружие, пулемёт «Максим». Сразу приучали к полевым условиям. Потом повели в баню. Мы помылись, и нас обмундировали. Затем нас перевели в Суслонг. Там учили на младший командный состав, сержантов. Но мы курс не прошли, однажды по тревоге нас отправили на фронт.

Уже на фронте я получил звание младшего сержанта, а потом сержанта. Воевал на Втором Белорусском, Первом Прибалтийском фронтах, в армии генерала Баграмяна - это потом ему маршала присвоили. Участвовал я во взятии Риги. Там река Даугава протекает. Она город надвое рассекает. Мы взяли восточную часть. Форсировали реку, и там меня ранило. Мина рядом разорвалась. Осколочное ранение, кости, правда, не задело. И меня отправили в госпиталь в город Сигулда, киломе-

тров семьдесят от Риги. Подлечили немного, а осколки не стали удалять - некогда было. Воевать надо было, наступать. Потом опять ранило. Опять осколочное под левую лопатку и в руку. И опять осколки не вынули, так до сих пор таскаю. Теперь дают о себе знать. Ну а потом в Восточной Пруссии воевал. Здесь и победу встретил. А после войны направили в военное училище. Я не хотел. У меня и образование-то небольшое. Но заставили. После войны-то только стариков демобилизовали. Отца моего да дядю. А нам сказали: «Служить надо». Окончил Свердловское общевойсковое училище. Присвоили звание лейтенанта и направили служить в Германию, в третью армию Рыбалко, в город Ютерборг. Прослужил три года, затем в Союз. В общем, тридцать три года отслужил, потом демобилизация. Который год уже на пенсии.

Вот так просто, коротко, по-военному о войне... Мы выпили. Закусили. Виктор Дмитриевич вспомнил своего старшего брата, Александра. Он до войны отслужил действительную службу на Дальнем Востоке. Пришёл из армии перед войной домой. А вскоре уехал в Ленинград. Стал строителем. Перед началом войны его призвали на переподготовку. И народ чувствовал, что бы ни говорили: будет война. Александр погиб в первый, самый трудный, месяц войны.

- А у нас и Клавдия-то, сестра моя, тоже на фронте была. Девушек призывали во время войны кого в зенитные войска, кого на охрану объектов, кого санитарками, кого поварами. Вот она как раз окончила курсы в Саратове на повара в сорок третьем - и на фронт. Дошла до Берлина. Да, я тебе не сказал, я тоже в Берлине был. Погоди-ка, смотри: а ведь это на фотографии Борис Баранов, брат двоюродный! На все руки был мастер. Когда в Слободе жили, построил в огороде кузню и что только не делал там. Музыку любил, сам балалайки делал, а на мандолине как играл! На отца, на дядю Ваню, на деда твоего, был похож. По всем статьям. В начале сорок третьего его призвали в феврале или в марте, а вот когда погиб, я не знаю, сам в это время на

фронте был. А вот брат-то его Анатолий - про этого как сейчас помню. Красивый был, на мать похожий - на бабушку твою. Перед войной после семилетки пошёл в военное училище, по моему в Ульяновск, в связь, и оттуда сразу на фронт. Погиб в сорок втором в Калининградской области, там и похоронен на Мантуровских хуторах, это я точно знаю. Я сам лично из Слободы на него похоронку в Акнеево относил. Они там жили в то время, Иван Степанович председателем колхоза работал. Вот я туда пешком к ним ходил. Пришёл, помню, и сразу прямо в правление. Думаю, тётке говорить не буду. Дядю нашёл, он сразу почувствовал неладное. «Ты што, Витька?» - «Дядя Ваня, я принёс плохие вести». - «Што? Анатолий? Да? Ой! Ты домой-то не заходил?» - «Нет, я сразу к тебе». - «Правильно сделал. Ты матери не говори». Дело было в субботу, пришёл к тётке домой. Тётка меня сразу: «Ты зачем, Виктор, пришёл?» Да вот, говорю, к братьям, к Борису с Юрием надо. «Нет, што-то не так. Говори». Ну я, конечно, ей ничего не сказал. Но разве обманешь материнское сердце. Вечером пошли в баню, и я всё рассказал братьям и предупредил их, что отец не велел говорить матери, что он выберет момент и скажет сам. После этого всё время мы молчали. Говорить было не о чем. Я переночевал и утром рано ушёл в Слободу. Надо было не опоздать в колхоз на работу. Мы, парни да женщины, были в колхозе основными работниками. Всё делали: пахали, сеяли, косили, убирали. Горевать некогда было.

Иван Степанович с сыновьями Борисом, Юрием, Владимиром по-мужски стойко старались переносить гибель Анатолия, а вот мать, Александра Павловна, с дочерьми Раисой и Таисией - те давали волю слезам, и мужикам, хоть и самим было тяжело, приходилось их успокаивать.

А вскоре ушёл на фронт и Борис. Вся большая семья провожала его до Алатыря. Все плакали, видно, чувствовали, что расстаются с Борисом навсегда. И Иван Степанович как будто знал, что придётся ему ещё повоевать - не зря он так бережно

хранил матросскую форму. Трудные были годы. В деревенской жизни многое зависит от Бога, от погоды, от случая - вырастет, не вырастет, уберёшь, не уберёшь. А в войну? Вот и случись в Акнеевском колхозе - не успели просяное поле убрать. Все говорили - рано, он возьми, поднимись ветер, и часть проса выколотил. Кто виноват? Председатель Иван Баранов. Из партии исключили. Под суд! Решили не сажать. Хотя возраст непризывной, пусть ещё повоюет, опыт есть. На фронт отправляли их в один день с племянником Виктором. В Вешкайме их пути разошлись. И попал Иван Степанович прямоком в штрафбат. Тогда - это не сейчас: за горсть зерна, за несобранные колоски надо было отвечать, платить, иногда кровью или жизнью. Но повезло Ивану - не убило, не ранило. Контузило, правда, сильно, долго не слышал, не говорил. Как говорят, судьба. Оправился от контузии - и вновь воевать. Но теперь в обычных войсках, до окончания войны. К этому времени погиб второй сын Борис. Затем в сорок четвёртом взяли на фронт третьего, Юрия. Попал он на флот и воевал на Севере. А Владимир не воевал, но зато, как отец и брат, служил во флоте, только на Дальнем Востоке.

Дед не любил говорить о войне. Но любовь к флоту, к «братишкам» с тех молодых лет в нём осталась навсегда. И как завещал старый моряк, похоронили его в родной земле в морской форме, что возил он за собой.

Война и время на сегодня пощадили только трёх потомков Баранова Степана Васильевича и Матрёны. В Москве здравствует Марина Ивановна, а в Ульяновске - Виктор Дмитриевич и Клавдия Дмитриевна, все участники Великой Отечественной войны.

Война и время. Жестокая война - сколько страданий и боли! Сколько перемолола она человеческих жизней! Но на войне человек может стать победителем, может победить войну. А время, оно перемалывает всё - и войны, и жизни побеждённых и победителей. И только память замедляет время.

ВОЛК

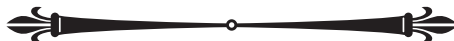
На всю жизнь я запомнил встречу с волком, мою первую встречу. Очень давно это было, ещё и не учился, да, в школу точно не ходил. Мы с друзьями на улице во что-то играли. Было начало зимы, и было так приятно валяться в белом-белом снегу, наваливать с удовольствием друга, который был послабее или терпеть прелести снежной «бани» от кого-то, кто был посильнее и половчее тебя. И вдруг: «Эй, вы! Там волка привезли!» - «Брось, откуда взял? Што врёшь?». - «Нет, не вру! Щас вот мужики шли, говорили. Там, у агрошколы, у маленького домишка, ну где охотники собираются». Все ринулись вниз по улице. От парка было бежать недалеко. Мы сразу увидели толпу людей, окруживших что-то. Раздавались возгласы: «Здоровый!», «Матёрый!», «А на лапе капкан видел?». Кто-то пришёл с собаками, и те, ещё не понимая, что происходит, старались пробраться к центру круга. Но вдруг, как ошпаренные, с диким визгом, поджав хвосты, неслись прочь в паническом страхе.

Подталкивая друг друга, мы просачивались сквозь толпу, и когда оказались вблизи от центра круга, я увидел большого красивого зверя, что не вязалось с моим воображением, возникшим под впечатлением от сказок и рассказов. Несмотря на шумящую вокруг толпу, волк внутренне был напряжён, но на вид спокоен. Это был крупный зрелый самец, переживший разные повороты судьбы. Плотная шерсть серого окраса порой волновалась на его спине, на крупной голове выдавался выпуклый лоб. Треугольные остроконечные уши были в постоянном напряжении и улавливали каждый звук. Виднелась заострённая передняя часть морды. Пасть была приоткрыта, и оттуда торчал обрубок палки, ловко чем-то привязанный к мощной шее, были видны крупные белые зубы и окровавленные дёсны. Сильные ноги, которые когда-то легко и стремительно переносили это красивое и умное хищное создание природы по простору мира, были крепко связаны верёвками. На правой передней ноге был капкан с цепью, так безжалостно захлопнувший его свободу.

На железных створках капкана были видны глубокие следы от зубов и когтей, да и сама лапа была сильно покусана. Было ясно, что этот красавец природы, её покоритель не мог просто так отдать свободу и жизнь, и он боролся как только мог.

Но больше всего меня поразили глаза, полные опыта и ума, накопленного природой. Зелёно-желтоватые глаза с металлическим холодным блеском твёрдо и спокойно смотрели на этот мир. В них не было страха, испуга, несмотря на то, что некоторые люди норовили бросить в него кто снегом, кто палкой. В его глазах, казалось, стоял вопрос: за что его, охотника, которого создала и отшлифовала природа, который ежедневным трудом, своим умом, своими ногами и зубами добывал пищу, лишили свободы?

Более сорока лет я охочусь. Конечно, я не профессионал. Я любитель. Охотился на многих животных, в том числе и на волков, разными способами: с флажками, с засидками, загоны устраивали, и ни разу с моим участием мы не убили ни одного волка. Всегда что-то не получалось. Может, это не случайно? Мне кажется, что жизнь настойчиво хотела показать, что такое природа, что такое в ней волки и что такое в ней люди.

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА

Школа. Класс. Математика. У доски ученица решает задачу, по ходу делая пояснения. Класс работает. Попробуй не поработай, Татьяна Ивановна - серьезная, строгая, принципиальная. Сама математику любит всей душой. И если ты у неё на уроке, то тоже люби математику, и даже если не любишь - решай, работай, работай, и ещё раз работай. И откуда у неё эта строгость

берётся? Сама маленькая, всегда куда-то спешит, всегда-то ей времени не хватает. Худенькая, светловолосая, с хорошо сохранившейся спортивной фигурой - когда она бежит по школьному коридору, её с трудом можно отличить от учениц. Только находясь рядом, видишь её уставшее от школьных и семейных забот лицо, на котором стали появляться предательские морщинки, а в короткой стрижке замечаешь седые волосы. Видишь зеленые глаза, тёмные брови, а между ними - волевая складка, говорящая об упорстве характера.

Родилась она на Волге, в одном из красивейших мест Ульяновской области. Крутые песчаные берега - шагнувшие к воде, поющие на ветру сосновые леса, и Волга - душа русского народа. Острова с сенокосными лугами и рыбацкими станами. Лодки, катера, баржи, белые пароходы - всё это двигалось по

волжской глади от восхода до захода солнца, а после захода светилось разноцветными огнями в коротких тёплых летних ночах. Пристань, куда она любила бегать с друзьями встречать и провожать пароходы...

Дед по отцу, Матвей, был плотник, строил дома. Бабушка, Татьяна, в честь неё и назвали, хлопотала с многочисленным семейством по хозяйству. Их старший сын Иван воевал, служил в зенитных войсках. Пришёл с войны и стал работать шофером. Вскоре женился. И родились у Ивана и Анны дочь Татьяна, а за ней Валентина, и наконец сын Александр. Как ни тяжело было после войны, построили свой дом, завели хозяйство.

Время детства. Уличные друзья и подруги, глупые и невинные шалости. Прозрачная морковка с чужого огорода. Зелёные и кислые яблоки из чужого сада. Школа. Она училась хорошо, помогало ей в этом недевичество, упорство, настырность. Боже упаси в школу с невыученными уроками! Да и матушка, Анна Григорьевна, в этом была строга. Сама-то училась немного, жила без матери, да и война... Вот она и хотела, чтобы дети учились, и учились хорошо. Дочка радовала. Не только сама успевала по всем предметам, но вначале сестре, а потом и брату помогала. И не только в учёбе, но и в драке, не смотри, что ростом маленькая, кнопка, а смелости, ловкости и злости хватало, чтобы некоторые мальчишки перед ней пасовали. В то время дрались в основном за честность, за справедливость. Пионерское воспитание, а в общем-то, если бы не перебарщивали, неплохое воспитание. Тане были по душе школьные вечера, она любила читать стихи со сцены. По сердцу была и физкультура, особенно лёгкая атлетика, бег, а зимой - лыжи. А дома - уроки, хозяйство, оно в трудное время всегда было основой жизни.

Она росла и стала замечать внимание ребят, их робкие попытки проводить до дома. Но она на первое место ставила учёбу и мечтала стать врачом или учителем. О её чувствах ведали только звёздное небо, луна и девичья подушка...

Выпускной. В руках аттестат и серебряная медаль об окон-

чании средней школы. Похвальные грамоты за участие в художественной самодеятельности и за спортивные успехи. Рядом - гордые и довольные родители. Весёлые подруги, весёлые, но почему-то иногда вздыхающие друзья. Что впереди? Она решила стать учителем. В педагогический институт. На физмат. Может быть, потому, что половина девчат, и она в том числе, тайно были влюблены в своего молодого учителя физики. Несмотря на конкурс, она довольно легко сдала экзамен и поступила. Сбылась мечта, она студентка. Лекции, поездки на картошку, практика в пионерских лагерях, спорт, занятия в математическом кружке у известного профессора, студенческие вечера - неповторимая жизнь. Общага. К этому времени родители с огромным трудом перебрались в город. Приходилось всем семейством работать дворниками, зарабатывать квартиру и деньги на жизнь и учёбу.

Успешно окончен институт, и молодая учительница математики при распределении не остаётся в городе, а берёт направление в районную школу.

Большой педагогический коллектив школы принял её хорошо, оказывал помощь и внимание. И начался тяжёлый педагогический труд. Уроки, конспекты, тетради, учебники - изо дня в день. Ученики, а они все разные, ох уж такие разные. Но, испытав и приглядевшись, зауважали, а некоторые и полюбили её, несмотря на строгость характера. А секрет был прост: она была, во-первых, требовательна к себе, была справедливой. И ещё. До неё никто из математиков не бегал по утрам с учениками многокилометровый кросс...

Порой она очень скучала по дому, по родителям, сестре и брату, по друзьям, наконец по городу, по более интересной жизни, хотелось бросить всё и уехать. Что крепко удерживало её? То ли эти пары любопытных, живущих надеждой и будущим глаз учеников? То ли коллектив, ставший уже своим, то ли та встреча на школьном осеннем балу? Небольшой актовый зал был украшен осенними листьями. Она - в своём любимом

платье, подчёркивающим её стройную фигуру. В руках - огромное яблоко. Её легко было спутать со старшеклассницей. Она о чём-то весело разговаривала с молодой коллегой. На привлекательном лице время от времени появлялась улыбка. Играла музыка, все танцевали, в дверях толпились ученики и учителя. В зал вошли двое парней и направились к ним. Одного она узнала, а второй был незнаком. Это были местные парни. И что-то легонько ёкнуло в душе. Но только на один миг. Они разговаривали, шутили, танцевали, а после юноши пошли их провожать. Жили тогда молодые учителя в школьном общежитии. Желая быть вежливыми, девочки пригласили парней в гости. Так она познакомилась со своим будущим мужем. Что это было, любовь с первого взгляда? Через год они поженились. Браки совершаются на небесах, что больше скажешь...

Забот прибавилось. На следующий год, как шутили в семье, с математической точностью на день рождения свёкра - всем подарок, первенец, сын Александр. И полетело время. Перешла на новое место работы, в училище. Получила небольшую квартиру. Купили машину. Сын рос, ходил в детский сад. Всем сердцем полюбила сурскую природу. До самой осени, как говорится, не вылезали из леса, собирали дикий лук и щавель за Сурой на заливных лугах, землянику на лесных полянах, лесную малину, клубнику на буграх, грибы и орехи в лесу. Ловили рыбу на озёрах и реках. Спорила с сыном, что «никакая это не верховка, а синтя», так зовут её на Волге. Катались на лыжах с сурских гор. Ездили в город на концерты знаменитостей, отдыхать в дома отдыха и на курорты всей семьёй. Всё это могла себе позволить простая учительница математики. Правда, в училище пошла на повышение, стала заместителем директора. Старший сын рос, учился. Хотелось ещё ребёнка, прибаливала, врачи не рекомендовали. Всё же решилась. И вновь сын, Иван - в честь её отца. Что ж, время, как в песне, «ни на миг не оставишь». Время сменилось, и... не дай Бог никому жить в эпоху больших перемен.

Когда-то она мечтала, строила планы, что будет делать, когда уйдёт на пенсию. Теперь она дважды пенсионерка - по выслуге и по возрасту. И что же она делает? Работает опять в школе. Уроки, конспекты, тетради, учебники, звонки, перемены - изо дня в день. Ученики, а они ох какие разные! Когда человек всю жизнь трудится, не зная передышки, то начинает говорить, что на работе себя чувствует лучше. Может быть, это и называется - «трудоголик». И волнуется больше всего о том, как Ивана на ноги поставить. Выучить хотелось бы, да кругом большие деньги нужны. А мужу тоже скоро на пенсию. И по-прежнему беспокойно на сердце.

...Школа. Класс. Математика. Она привычно вела урок, задавала вопросы ученице, работавшей у доски, делала пояснения, двигаясь по классу, следя за работой учеников. Она подошла к учительскому столу, затем к окну и машинально взглянула в него. Там, за окном школы, была другая жизнь. Она невольно остановилась. Своей жизнью жил посёлок, виднелись его строения. На площадке детского сада, как стайка воробьёв, двигались и щебетали дети. Листья на деревьях стали жёлтые. Лето ушло. Каникулы пролетели. «А я ведь и не отдохнула». Она взглянула на небо, затем посмотрела вдаль. Там осенними красками звал лес, на солнце поблёскивала река, над рекой, обняв её, застыл мост. Она посмотрела на мост и подумала: «А ведь он соединил не только два этих берега, он соединил мою судьбу с судьбой этой земли, судьбой посёлка и его людей». Она, конечно, не помнит, когда впервые сказала: «А у нас в Сурском». Это надо же, тридцать четвёртый учебный год! А кажется, всё было как будто только вчера. Как будто вчера через этот мост по дороге из областного центра после распределения её, молодую учительницу, привёз старенький автобус.

Счастлива ли она? А что такое счастье? Трудно сказать. Но хорошего всё-таки было больше. Вот такая математика.

ГАТЬ

Война - это горе. Война - это смерть, это плен, это тяжёлая работа в неволе. Как это может быть связано с нашей глубиной, с красивейшими местами промзинского края?

Война - Первая мировая, империалистическая. Россия воюет. Её солдаты отдают свои жизни за веру, царя и отечество, попадают в плен. Сами убивают во имя победы, сами берут вражеских солдат в плен.

Однажды в то далёкое время в Промзине на улице Купеческой, за красавицей церковью, где ранее был ресторан «Россия», в двухэтажном каменном здании появились пленные австрийцы и немцы. По воспоминаниям моего отца, их было несколько десятков. Их разместили, выделили транспорт - лошадей, повозки, дали лопаты и другие строительные инструменты. Пленные были разделены на отряды, во главе каждого был назначен старший.

Была определена и работа: строительство дороги в пойме Суры от посёлка Белый Ключ до Промзина и в самом Промзине.

Многие сурчане ещё помнят за Сурой насыпь, мощёную булыжником дорогу, склонившиеся над ней огромные вётлы. Помнят добротные красивые мосты, перешагнувшие через восемь озёр-стариц Суры. Сурчане должны помнить и мост через Промзу, и уходящую вверх по улице Глотовке (Ленина) выложенную камнем дорогу. Она доходила до пересечения Глотовки с улицей Купеческой (Хазова), поднималась на два квартала выше и поворачивала налево, пересекая Щелкан (улицу Петрушенькина) - это была часть Московского тракта. Почти вся дорога, не считая нескольких участков в самом Промзине, была сделана, по словам моего отца, пленными. Промзинцы называли её «большая дорога», или «гать». «Гать», по С.И. Ожёгову, - «настил из брёвен или хвороста для проезда через топкое место». В понятии промзинцев-сурчан - насыпь с настилом из булыжника. Впоследствии чистая ровная дорога стала излюбленным местом гуляния промзинской молодёжи.

Всё время, пока пленные жили и работали в Промзине, они находились без конвоя, без охраны. Куда бежать-то? Несмотря на то, что шла война и много промзинцев воевало, к пленным жители села относились доброжелательно. Население Промзина жило в то время не ахти как богато, но люди делились с пленными чем могли. По субботам их приглашали мыться в банях, чем-то угощали, вели разговор о войне. Отец вспоминал:

«Я был парнишкой, мать напечёт хлеба или пирогов и скажет: «Шурка, отнеси пленным. А то отец, не дай Бог, может, тоже вот так». А был отец, мой дед, в ту пору где-то на краю света, в Маньчжурии.

Вот так жили в плену в наших краях солдаты Первой мировой войны, строили дороги и мосты. К сожалению, не запомнил я из рассказов отца, когда, как и куда уезжали пленные из нашего посёлка.

Всё меняется: нет мощёной дороги, нет мостов, да и в памяти лишь немногих сурчан воспоминания и глубокие чувства вызовут сейчас слова «большая дорога», «гать». А у меня в душе эта память ой как жива. И невольно, как-то сами собой рождаются строки:

Любуясь окрестной
природой,
На реки, озёра смотря,
Большую иду я дорогой
И юным я вижу себя.
Тебя никогда не забуду,
Мощёная сурская гать,
И вечно юным я буду,
Выйдя сюда погулять.
Этой большую дорогой
К речке Суре я бежал,
Вместе с гурьбой
босоногой
О жизни большой
я мечтал.
В эти края дорогие,
К юности милой спешу.
Места до боли родные
В сердце всегда я ношу!

О, РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО!

Он обычно любил ходить по выходным в гости к дочери и зятю. Зять - человек учёный, образованный, красиво излагал про современную жизнь, про политику - чем она сейчас хороша, чем не очень. Угощали его пирогами и чаем. Иногда наливали рюмочку. Вот и сегодня тоже. А что ещё надо старику? Он сидел в тёплой светлой комнате. И вместе с вином тепло вливалось в его душу и немного кружило его седую голову. Он слушал о диковинных вещах и думал. Как хорошо! Он давно за-

метил, что после выпитого вина все житейские проблемы уходят куда-то на второй план и даже вовсе исчезают. И не надо думать о покосившейся избе, протекающей крыше, падающем заборе, об отключающейся временами электроэнергией, куда-то пропадающей в колонке воде, дровах, маленькой пенсии и ценах. Поди ты, вот как действует! Так засиделся он допоздна, заслушался, замечтался. Но надо было идти домой.

Стояла осень. Темнело как-то сразу. Дочь стала оставлять: «Пап, ночуй». Он засуетился. «Нет. Надо добираться. Вишь, на улице похолодало. Сыро. Надо протопить. И кошки, чай, взбесились, жрать хотят. Надо кормить, живая тварь-то». Распрощавшись, с лёгкой душой он вышел на улицу. И всё изменилось. Темень с редкими каплями дождя накрыла его. Сырой ветер стал отбирать такое приятное тепло. Он плотнее застегнулся, поднял воротник куртки и поправил фуражку. Стал всматриваться в темноту. На глазах появились старческие слёзы. Он протёр глаза платком, но мало что мог разглядеть. За последние годы с улиц исчезли куда-то фонари. Их осталось в посёлке раз, два и обчёлся - у некоторых казённых зданий и домов «новых русских». А на этой улице ни тех, ни других не было.

Он вспомнил прошедшие времена. Тогда после лучины, керосиновых ламп пришло в посёлок электричество от колхозной электростанции, построенной на небольшой красивой лесной речке. Тогда появились и уличные фонари. Он вспомнил чудаковатого скандального старика Петра, жившего неподалёку. Днём тот ничего не делал, лежал на лавке, скрестив на груди руки, и сильно стонал. Или ругал своих домочадцев: «Уйдите от меня! Не мешайте! Антихристы! Дайте человеку спокойно помереть! А-а-а-а...». Но к вечеру он оживал. Напяливал на себя одежду по погоде. Брал в руки длинную еловую ровную палку с вбитым на конце гвоздём, как говорил он - «струмент», и важно вышагивал вдоль улицы, ловко включал прибитые к столбам выключатели, зажигая электрические лампочки. Оставивался, здоровался со знакомыми и по-деловому рассу-

ждал, любуясь светом фонарей: «Надо же ведь, а? Кто-то шибко умный придумал. Пустил эту самую искру по проводам, и она в стекляшке светит. Чудо! Ни керосину тебе никакого не надо. Ни копоти, ни запаха. Чик - и готово. У тебя есть, што ли? Аказия-то? Ну да, как щас без её». Завершив работу, долго стоял у своего дома, опираясь на «струмент» и смотря на горящие фонари, покачивал головой и что-то бормотал, оставаясь довольным проделанной работой. Затем шёл во двор, бережно ставил «струмент» и шёл спать. А утром вставал со светом и проделывал обратную процедуру, выключал фонари, приговаривая: «Хороша штука. Надо экономить».

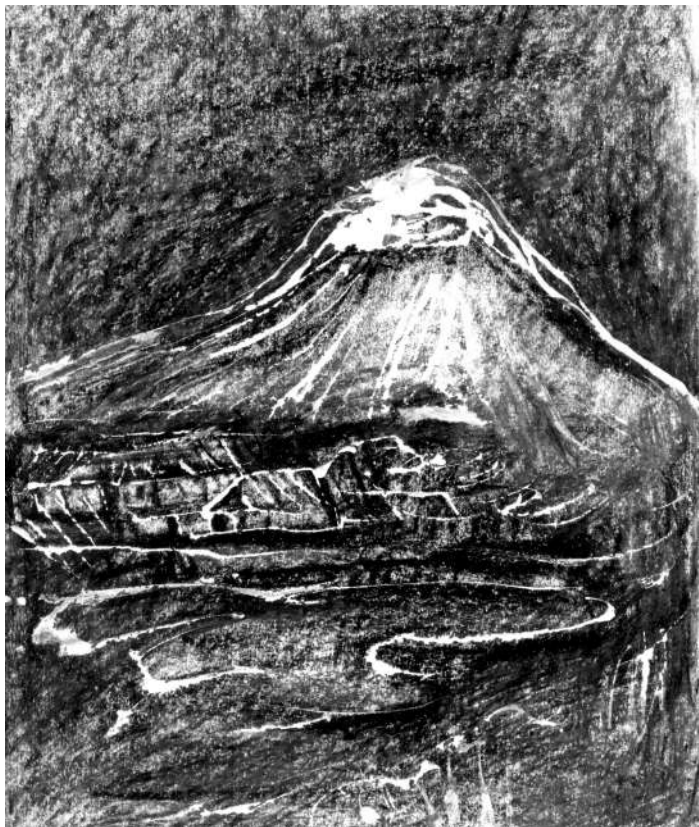
...Порыв ветра прервал воспоминания, освежил мысли, заставил работать в реальном направлении.

Света в окнах домов, можно сказать, не было. В некоторых из них вздрагивали отблески работающих телевизоров. Люди экономят. Лишнюю лампочку не зажгут. Дорого. Всё это ещё больше вдавило старика в темноту и поубавило настроения. Он сделал несколько шагов и почувствовал, что попал в канаву. «Днём-то такого вроде и не было. Да, ядрёна вошь, это те не Москва и не Лагвегес», - внутренне рассмеялся, обрадовавшись такому сравнению. - «И не Рива-де-Жанера. У нас тут свои при-бамбасы. Амстердамовка, Де-Кувейт. Ха-ха-ха... Там, чай, вообще канавы-то выше маво «прибора». Ха-ха-ха... Да что же я. У меня же фонарик. Китайский, правда. Как внук говорит, то потухнет, то погаснет. Щас попробую».

Он нащупал в кармане фонарик. Вдруг из темноты совсем рядом раздался звонкий лай собаки, а за ним женский голос: «Сынок, помоги, подыми, пожалуйста». Как по команде, от соседних дворов набросились ещё две собаки. И вновь нетвёрдый, заплетающийся женский голос: «Ну, доченька, ну пожалуйста. Ну поди, помоги. Ну што ты». Он вынул фонарик. Включил, но тот лишь слабо «коптил». Он никого не увидел. Собаки наседали дружно. Неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не палка, с которой старик ходил. Он с трудом отбивался. «Не-е...

Надо отступать. А баба? Пьяная, стерва. Это ведь она меня звала. И собака её. Не подпустит. В шинок за самогоном ходила, чай. Весь народ издурачился. Ну, хрен с ней». Он с трудом выбрался из канавы, собаки приутихли, лаяли больше для порядка. «Сынок. Дочь, помоги, подыми. Ну, сука. Ну, стерва. Упадёшь, я тоже не подойду».

Старик развернулся и решил пойти другой улицей, через центр: «Там хоть где фонари и асфальт, ловчее будет. Хоть и дальше, ну ничего. Семь вёрст не крюк». Вверху на горе мелькнули красные огни вышек. «Вон та, на которой огней поменьше, телевизионная. По телику, может, опять про деньги про эти, как их, про нефтедоллары передают», - подумал старик. «Нефти много, золота тоже, долларов много, а свету мало, асфальту мало, воды мало, пенсии мало». Ноги ощутили твёрдую дорогу и зашагали веселей. Вскоре он добрался до центра посёлка. На душе стало намного лучше. В голове зазвучала мелодия какой-то песни: «О, Рио-де-Жанейро, чего там...». Сильный порыв ветра с дождём поверг посёлок в темноту. Песня в голове деда оборвалась, как подача электроэнергии: «М-да. Всю жизнь я горбатился. Строил-строил и построил вот эту жизнь хреновую. Орден сутулого заработал. Хе-хе-хе...». Он вынул вновь фонарик, и было видно, как слабое жёлтое пятнышко света металось по улице, ища себе дорогу. В окнах домов заплясали огоньки свечей и керосиновых ламп. «Ну вот, скоро дом. Затоплю печь. Зажгу лампы. Всё, как в старину. А утром в колонку за водой. Эх, надо проверить, есть, што ли?» - он подошёл, нажал ручку, в колонке что-то заиграло и запело, но воды не было. И вдруг деда осенило. Он вспомнил и мелодию, и слова песни. Песни его молодости. Его прорвало, и он громко запел: «Рио-де-Жанейро, чего там только нет, там нет воды ни капли, а ночью света нет». Два парня, идущие по улице навстречу, освещавшие дорогу сотовыми телефонами, от неожиданности шарахнулись в сторону. Потом опомнились: «Дед, ты чо? Крыша поехала?». «Пою, ребята, пою».

ЕГО ЛЮБОВЬ

Что в мире может быть
дороже!
Земли, тебя родившей,
уголок...
Где сердце чувствами
тревожит,
А к горлу подступает
предательски комок.

Где вдруг слеза совсем
невольно
Щеки коснётся, будто
невзначай,
Где душу звоном
колокольным
Зажжёт, как буйным
цветом, май.

Да, он любил, он очень любил эту землю, на которой родился. Любил как-то по-особому, наверное, так любят её перелётные птицы, возвращающиеся в эти края, преодолевая все трудности огромного перелёта, ради мест, где они родились. Эта любовь - от природы, от Бога, от крови предшествующих поколений. Он любил этот маленький уголок огромной страны. Эту пылинку мироздания. Эту землю, бывшую когда-то дном мирового океана, воды которого заложили основы земной карты, создали жизнь на планете.

Он любил речку с чистой, прозрачной, быстрой водой, так загадочно создающей свой неповторимый узор среди холмов, лесов и лугов. Речку, с круч которой любовались своим отражением в воде белые соцветия черёмухи, наполняющие всё вокруг своим дурманящим ароматом. Воду, принимающую нежный белый дождь лепестков. Речку, на крутых берегах которой яркими, нежными розовыми огоньками горел шиповник. Эти берега, кручи, на которых толпились деревья различных пород, создавая нарядный, пестрый хоровод. Иногда, подступив близко к краю кручи, деревья, обнажив свои корни, словно щупальца сказочных, таинственных, живых тварей, делали лёгкий поклон бегущей мимо могучей силе воды. Со временем поклон становился всё ниже и ниже, и в какой-то момент дерево своей роскошной головой-вершиной оказывалось в быстрой воде.

Он любил и золотые, горячие от солнца пески, умытые и обласканные прозрачной водой, на отмелях и косах принимающей цвет песка. Пески обрамляли - с одной стороны гладь воды, а с

другой - белесо-зелёный бархат лопухов, отделяя от шапок застывшего тальника. Любил заводи с резвящимися, сверкающими на солнце, как искры, мальками. Эту гладь воды, отражавшую берега реки, небо и тёплое, ласковое солнце в виде яркой дорожки, соединившей берега, - порой казалось, что вода в реке застыла, замерла, а берега, небо, облака и солнечная дорожка бегут куда-то в неведомую даль навстречу могучей воде.

Его душа трепетала, когда он видел эти холмы, когда-то в далёкие времена белевшие своими склонами, а теперь покрытые затейливыми, замысловатыми зелёными кружевами леса, издали кажущимися складками дорогой одежды сказочного исполина. Когда-то он знал все тропинки этого леса на буграх, часто ходил по ним, вдыхая прелый, пьянящий воздух. На самом высоком бугре он мог долго сидеть и смотреть на прижавшееся к буграм село, на дома и людей, на святую гору, на реку за горой, подкраившуюся к ней от далёкого горизонта, на мост, обнявший реку, на леса и луга за рекой, на поля, соединяющиеся с небом, на гору с сельским погостом, на небо с бегущими по нему лохматыми облаками.

Он видел и чувствовал воздух, его упругое движение. Он обожал своё старинное село. Прижавшись к буграм, спрятавшись от северных ветров, подставив себя солнцу и южным ветрам, оно притаилось, замерло. С южной стороны подступали к нему поля, прорезанные, как натруженная, мозолистая ладонь хлебороба, ручейками и речушками. Они, сливаясь в одну речку, огибая село, несли в большую реку в своих струях запах полевых цветов, шум колосющихся хлебов, пение полевых и луговых птиц.

Он душой принимал и этот изумрудный луг, лежащий в объятиях двух рек, травы которого пили утренние, жемчужные росы. И он безумно любил тёплым летним утром, задрав штаны, бежать по лугу и босыми ногами собирать этот жемчуг с изумрудной травы. Ему нравились мосты, деревянные мосты через реки и озёра там, за большой рекой. И мощёная дорога,

охраняемая огромными вёслами-исполинами, склонившими свои головы-вершины и смотрящими на путника через опускающиеся над дорогой ветки-кудри.

Особенно боготворил он святую гору и святые колодцы с мудрой и красивой легендой. За их огромную энергетически-духовную силу. За то, что эти святые места прославили его маленькую родину. А этого он так хотел, так желал ей! Его душа была душой художника, и поэтому он, остро и ярко ощущая красоту и неповторимость своей родины, хотел, чтобы все во всём мире знали её и тоже любили её красоту.

И где бы он ни был, куда бы ни уезжал, он никогда не забывал своё село с его незатейливыми улицами, простыми русскими избами, среди которых в центре были красивые старинные дома и новые постройки, а на окраинах попадались и маленькие домики, безуспешно пытающиеся бороться со временем. В этих ветхих, покосившихся домиках, порой со свалившимися в заросли кустов заборами он видел неповторимую, таинственную прелесть и жизненную силу - несмотря ни на что.

Он любил жителей своего родного села. Оно рождало и принимало столько прекрасных людей, умных, талантливых, трудолюбивых, от чего жизнь должна была становиться всё лучше и краше! Но жизнь неслась стремительно, не замечая, как казалось, чего-то главного, самого главного. Чего? В чём смысл этого стремительного движения?

Но он был художник, и он любил, любил, несмотря ни на что, хотя всё чаще задумывался, что же такое любовь, его любовь...

КАРНАВАЛЬНЫЙ СТРИПТИЗ

Что вам сейчас! Ничем вас не удивишь. А тогда долго эта история жила.

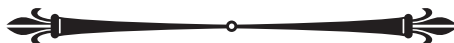
Вот память. Какой был Новый год, не помню. Давно... Дом культуры. Афиша. Новогодний бал. Играет духовой оркестр. Фойе. Буфет с шампанским. Зал, в центре - украшенная ёлка. Вокруг стен - стулья, на них - старшее поколение: смотрит, примечает, оценивает, обсуждает. Дед Мороз. Снегурочка. Вокруг ёлки - пары. Вальс. Весело. Смех. Разговоры. Маски. Костюмы. Порой трудно угадать, кто это и какой у него градус веселья. Оркестр в «ложе», если можно так назвать место, отделённое от сцены небольшим деревянным барьером. Маленькая сцена. Бархатный занавес. На нём: «Поздравляем с Новым 19... годом!» Оркестр сменяют звуки баяна или музыки из железного динамика, «колокола» с присущим ему акцентом. Весело! Как сейчас сказали бы - «клёво».

Среди всего этого появляются двое «зайцев», молодых людей в масках. По движениям «зайцев», по их натурально «коватым» глазам под масками видно было: «зайцы» во хмелю. Они приглашают на танцы молодых девчат. Те отказывают им. Возникает шум. «Зайцы» танцуют вдвоём и вдруг, теряя равновесие, под смех и возгласы падают под самую ёлку. Они долго выбираются из-под неё. Один даже пытается там прилечь отдохнуть. Им помогают - выводят на воздух освежиться. Появляются блюстители порядка. Советуют идти отдохнуть. «Зайцы», не снимая масок, дружно соглашаются и исчезают.

Бал продолжается. Идут конкурсы. Награждают победителей. Оркестр играет туш.

Вдруг бархат на сцене дрогнул и стал медленно раздвигаться. Оркестр хрюкнул. Тромбон дал «петуха». В зале кто-то упал. Раздался пронзительный девичий визг. Кто-то куда-то

побежал. А на сцене с высоко поднятым над головой топором (видно, взломали дверь с чёрного хода), совершенно голый, стоял «заяц» и громко орал залу: «Ну, кто со мной танцевать будет?». К нему, покачиваясь, из-за кулис с бутылкой в руках вышел одетый «заяц» со словами: «Сдаюсь. Бери, я проиграл». Что тут было... Через несколько минут некоторые видели и слышали полёт двух тел с довольно крутого крыльца. Шум отъезжающего «воронка» и два голоса, две песни. Первый пел: «Маленькой ёлочке холодно зимой...». Второй: «Ах, зачем эта ночь так была хороша...».

А НЕ ВРЁШЬ?

Мотор мотоцикла пел свою песню. На душе у Сашки было светло и спокойно. Было утро. Рано. Но село жило уже своей отлаженной временем жизнью. Вовсю орали петухи. Мычали коровы, которых гнали в стадо. Громко, звучно переговаривались бабы. Слышался тихий деловой разговор мужиков, дымивших куревом, и от них проплывал неповторимый аромат махорки. Звенела колодезная цепь. Музыкальной звучала, ударяясь о стенки ведра, прозрачная упругая струя воды. Восходящее солнце меняло на глазах цвет неба и краски окружающего мира. От реки, где с одного берега на другой перекинулся новый мост, шёл серебряный туман, двигаясь с водой по течению в лучах медленно восходящего солнца, он с явной неохотой покидал родившую его стихию. За рекой, обласканный светом нового дня, застыл лес, обняв спящие в лёгкой дымке луга. Среди всего этого царства зародившегося дня он, Сашка, на мотоцикле. Его тело, большое, сильное, мощное, слилось с этим поющим механизмом, движущимся по обросшей высокой травой дороге, и выглядело довольно забавно.

Сашка выехал на мост, посмотрел на реку и подумал: «Эх,

порыбачить бы. Давно не баловал. Всё некогда. Вот опять сенокос. Траву на лугах надо посмотреть. Косить пора, пока погода. А то дождь, и всё». Он прекрасно знал эту крестьянскую мудрость: день год кормит. «Но всё равно надо как-то порыбачить». Любил до смерти рыбачить бреднем, хлебом, как говорить, не корми.

Он всегда любил и ждал весну. Любил ледоход на реке. Много сельчан в это время идут смотреть на плывущие и кружащиеся в весеннем танце льдины и слушать музыку проснувшейся реки. Порой они с интересом и удивлением смотрели на причуду рыбаков, которые на берегу разматывали бредень. Один из них надевал ватные штаны, валенки, а поверх - водонепроницаемый костюм, применяемый для химзащиты. Он должен был идти вдоль берега по мелководью. Никто из сельчан такой рыбалки нигде не видел, да вряд ли больше увидит, ну там, с намёткой - другое дело. Второй рыбак доставал из сумки бутылку водки и закуску. Он быстренько, в два приёма, опустошал бутылку. Потом медленно раздевался, оставался в одних «семейных» трусах и, почувствовав, что кровь «подогрелась» и стала циркулировать быстрее, брал кокшу от бредня и говорил напарнику: «Ну что? Пошли?» - потихоньку заходил в воду, растягивая огромный бредень. И у тех, кто видел, как он шёл в заброд, по телу невольно пробегали мурашки. В это время с берега кто-то кричал: «Санёк, ну как водичка? А?» - «Иди, узнаешь». Там, где было глубоко, он окунался с головой и тянул бредень вплавь, мощно загребая воду сильной рукой. А сила у него была! Он свободно поднимал одной рукой две двухпудовые гири, связанные вместе.

Когда выборазивали, Санёк растирался тряпкой, набрасывал на могучие плечи фуфайку. К нему подбегали ребятишки, спрашивали: «Дядя Саня, не замёрз?» - «Есть маленько. Сейчас погреюсь». И, схватив кого-нибудь из них, начинал высоко подбрасывать над собой в воздух, ловко ловил и нежно ставил на землю. Поднимался писк и визг: «Дядя Саня, а меня!» Затем

Сашка вновь брал кокшу бредня и шёл в заброд. Рыбалка заканчивалась, когда Санёк начинал чувствовать, что «горючее» перестаёт действовать да и рыбы уже достаточно. На рыбу он был нежадный. Тогда он просил принести его сумку. Доставал из неё вторую бутылку водки, с большим удовольствием выпивал её и при этом нисколько не пьянел. Его могучий организм превращал водку в тепло, которое согревало, немного дурманило голову и веселило. «Ну а ты как? Непьющий? Устал? Сейчас немного - и пойдём. Рыбу делить надо», - говорил он тому, с кем рыбачил. И так повторялось которую весну. А что говорить летом!...

...Переехав реку, Сашка оказался в пойменных лугах, в тех местах, где одна река впадает в другую. Много есть превосходных слов, но невозможно найти такие, которые, соединившись вместе, передали бы то, как соединила и смешала природа эти краски, запахи и ароматы приречных лугов. С огромной силой со всех сторон проникают они в человека, заполняя всю его душу и тело, каждую его клетку. И кто хотя бы раз увидел и принял всем сердцем великое чудо родных лугов, тот никогда не сможет предать свою землю и изменить ей. На миг Сашке показалось, что он в сказке, где всё так прекрасно, и нет тебе ни горестей, ни обид, ни забот. «Трава подошла. Надо. Надо косить». Дорога нырнула в осколок леса у речки. Мотоцикл трянуло на ухабе. Сашка сбавил скорость. И вдруг сквозь немногие стихшие выхлопы мотора услышал дикий крик. Отборные мужские слова. Он остановил мотоцикл, заглушил мотор. Слез на землю. Механизм весело и радостно заскрипел, освобождаясь от тяжёлого груза.

Сашка прислушался и начал пробираться на голоса. На небольшой поляне он увидел два мотоцикла, один из которых, нервничая, впопыхах пытался завести Сашкин сосед Колька. Он был так взбудоражен, что мотоцикл у него не заводился. Недалёко на берегу весь мокрый, перепачканный, в тине, с грязным лицом и с огромным синяком под глазом сидел мужик.

Слипшиеся волосы, тоже были мокрые и грязные. Он пытался снять с себя болотные сапоги, но у него ничего не получалось, он ложился на спину и по очереди высоко задирает ноги, в это время из сапог с шумом выливалась грязная вода. При этом он свирепо рычал и злобно орал: «Сволочь, убью! Скотина поганая, зарежу! Сожгу, твою мать! погоди, я сейчас. Башку твою пустую оторву!» Сашка вначале даже не узнал Фёдора, заядлого и удачливого на селе рыбака.

- Э-э-э! Мужики, да вы чо! - закричал Сашка, выходя из кустов.

- А тебе какого... надо?! Тоже получить захотел?! Сейчас, только воду из сапог вылью! - в пылу, в горячках орал Фёдор, не признав Сашку. А когда узнал, то орал уже больше по инерции, для порядка.

- Николай, чего случилось?

- Чево-чево. Спроси у нево.

- Да погоди. Брось ты заводить. Расскажи.

- Чево. Приехал я на рыбалку. Выбрал место. Забросил удочки. Сижу. Тут этот, как с горы на лыжах. У нево, видишь ли, ботник в кустах, - с обидой начал Николай. - Ну посидели. Покурили. Он пошёл, отцепил ботник, поплыл, у нево, видишь ли, тут жаки поставлены. Браконёр хренов.

- Ну...

- Видишь, вон там, у таво берега, ветла склонилась, а сюда ближе коряга из воды торчит. Ну вот. Подымат он жак, еле выволлок, а в нём сом, с тебя, чай, здоровый. Смотрю, Федька его по башке топором несколько раз долбанул, тот притих, и он его в ботник, башкой в корму. Дальше поплыл. Весёлый стал. «Ну, Колянъка, вино будет». Вон туда, чуть выше, у нево там тоже жаки. А я всё наблюдаю. И вижу: Федькина добыча вдруг ожила, да как ево по роже хвостом шарахнет! Ну он-то вместе с ботником кувырк - и вверх дном. Я аж подпрыгнул. Малость погода вынириват и орёт: помоги. Виш, какой он у нас ловкай: сома в воде за жабы ухватил. Ну а я чо, растерялся. Бегаю по

берегу и ничего не соображу. Ни лодки у меня, ничево. А он вынырнет и опять орёт: помоги. Нанырлся и нахлебался, наверно, вдоволь. Я каку-то шелушину схватил на берегу и ему протянул. Он сома-то отпустил и за палку. Я ево на берег еле выволок. А он на меня драться. Да ты, чай, слышал. Обидно, конечно, ему. Сом-то большой был! Подсоби, давай заведём, толкни. Да я домой поеду. Ну её, рыбалку эту.

Долго не мог успокоиться Фёдор после разыгравшейся трагедии. Всё грозил Кольке карой. Долго успокаивал его Сашка: «Да ладно тебе. Посмотри, красотища-то какая! А воздух?! Чо тебе жрать, што ли, нечево? Мы ево как-нибудь бредешком загребём. А синяк у тебя, конечно, шикарный. Не поверил бы. Слышь, Фёдор, давай собирайся домой. У меня бутылка есть, поехали, угощу.

Фёдор встрепенулся: «А не врёшь?!»

КРЕСЛО

- Просыпайся. Вставай. Иди, распишись. Там посыльный из райкома партии. Слышишь, вставай быстрее, - тормозил Герку отец. Он был старый коммунист и знал, что такое большевистская партия и дисциплина в ней. Герка был молод. Накануне он ездил в область по работе. Вернулся поздно. Да ещё в клуб ходил к девушкам и друзьям. В общем, он не мог никак проснуться и вставать не хотел.

- Какой райком? Я же комсомолец.

- Давай, давай, вставай быстрее. Тебе к семи часам.

Герка нехотя встал. Напялил штаны. Протирая глаза и сгоняя сон, расписался в посыльном листе. Мать засуетилась у стола.

- Ты хоть чаю выпей, да вот хлеб с маслом.

Вытираясь полотенцем, Герка куснул пару раз хлеб и выпил чай. Он оделся и вышел на улицу.

Рассвело. Посёлок просыпался и наполнялся живыми звуками. Герка окончательно проснулся и начал думать: зачем в такую рань в райком вызывают? В чём дело? Что-то стало стеснять его душу. Герка заведовал мастерской, где ремонтировали телевизоры и радиоаппаратуру, и никак не мог придумать, зачем был вызван на самый верх районной власти.

Он вошёл в здание райкома. Вокруг была чистота, порядок и витал дух организаций такого типа. Было тихо. Где-то зазвонил телефон. Поднявшись на второй этаж, Герка у двери приёмной первого секретаря увидел Фёдора Александровича, начальника бытового обслуживания района. Тот нервно прохаживался, опираясь на клюшку. У него не было ноги. Протез. Он был офицером - старый вояка, участник Сталинградской битвы. Поднял в бою в атаку солдат, был ранен. Орденоносец. Увидев Герку, остановился.

- Здорово-здорово. Вы чо там натворили?

- Кто?

- Вы.

- Да я вообще в городе был.

- В городе. А Алексей?

- Я его ещё не видел.

- Не видел. Вон идёт. Ты, што ли, там...

В это время дверь в приёмную открылась, и оттуда послышался голос:

- Проходите.

Старый солдат, прерванный на полуслове, первым молча шагнул в приёмную, а затем в кабинет, и было видно: он хорошего не ждал. Его настроение передалось и Герке. Он внутренне насторожился. Напряжение увеличилось, когда он увидел первого секретаря, «хозяина района», небольшого коренастого мужчину средних лет. «Первый» сидел за столом в конце просторного кабинета и оттого казался ещё меньше. К его столу был приставлен большой стол, тянувшийся через весь кабинет. Вокруг него стояли стулья. Стулья были и возле стен. Справа

- наградные знамена, а за спиной над головой, как положено, портрет вождя. Мало что меняется со временем в облике и духе таких кабинетов, где решаются судьбы многих людей или чья-то персональная судьба.

Сопровождавший работник указал места у стены. Доложил и вышел. Образовалась тишина, которая затянулась. Строгое, немного уставшее, круглое лицо секретаря было напряжено. Брови слегка сведены, умные глаза смотрели куда-то в окно, потом скользнули вдаль, как показалось Герке, выше их голов. И он начал, слегка налегая на «о»:

- Федор Александрович, это как же надо понимать?

Старый служака ловко и проворно для его возраста и протеза встал по стойке «смирно».

- Это что же получается? Ваши работники не признают советской власти? Не признают коммунистической партии?

Было видно, что происходило с героем Сталинграда. Он побледнел. На лице выступила лёгкая испарина.

- Виктор Иванович, я не в курсе, - явно дрогнувшим голосом сказал он.

- Вы не в курсе... А вы что расселись? Тоже не в курсе? - и в это время раздался приличный удар кулаком по столу, от которого Герка и Алексей слегка вздрогнули и невольно встали.

- Наслушались там разных голосов. Ну смотрите. Пока я сижу вот в этом кресле, вы у меня места в районе да и в области не найдёте. Наслушались и подчиняться не хотите. Почему приёмник на «Волге» не отремонтировали? Водитель докладывает: им некогда. Подожди да погоди, да очередь у нас. А когда он вам сказал, что это машина первого секретаря? А вы что? «А нам какое дело!» Я покажу вам, какое дело! И пока я сижу в этом кресле...

Герка почему-то стал внимательно рассматривать кресло, оно явно было сделано на заказ под параметры хозяина района и кабинета. Виднелась только выгнутая спинка, переходящая в удобные подлокотники светлого дерева, обнимавшие неболь-

шое тело. Потом Георгий услышал:

- Мы, конечно, примем по вам меры. Будьте уверены. А сейчас, Фёдор Александрович, - немедленно отремонтировать приёмник! Поняли?

- Так точно, - выпалил старый офицер, забыв, что война давно закончилась.

- Всё, свободны.

Когда они вышли в приёмную и шли по коридору, вид у них, по-видимому, был неважнецкий, и все на них смотрели с сочувствием. А на улице Алексей услышал от начальства:

- Показал бы я тебе в своё время, где раки зимуют. Так, Георгий, сними приёмник с «Волги», я в область еду. заберу. Так надёжней будет.

Вскоре секретаря молодёжь, работавшая с ним, отдала на повышение. Потом он пошёл там, говорят, на понижение. Потом на пенсию. Ну как всегда бывает в жизни. На природу кулаком не стукнешь.

Прошло время. Герка вновь - в родных местах и по случаю зашёл в здание бывшего райкома. Здесь была уже другая организация. Сюда шло старшее поколение с надеждой на лучшую жизнь. Проходя по коридору второго этажа, он увидел одиноко сидевшего старика. Приглядевшись, он узнал. Нет не старика - кресло. Он подошёл.

- Здорово, отец.

- Здорово.

- Как кресло-то?

- С виду вроде ничего. А сел, что-то не то. И зачем его сюда поставили?

- Это, отец, кресло из другой эпохи, а каждому креслу, видно, своё время и место.

- Что-то я тебя не пойму. Может, оно и так. Я во многом сейчас уж не особо разбираюсь. Время-то покажет, - дипломатично, с русской хитрецой ответил старик.

ЦЕЛИТЕЛЬ

Он проснулся и лежал на спине, не шевелясь. Боли, которая долгое время мучила, не было, и ему в это трудно было поверить. Он не двигался, боясь, что боль вернется, а он так не хотел этого! В доме было тихо. Солнце заглядывало в окно, и в душе становилось светлее, уютней. «Жена ушла, наверное, в магазин», - подумал он. Вначале он пошевелил пальцами ног. Боли не было. Сделал движение ступнями - тоже. Он осторожно, с опаской согнул правую, а затем и левую ногу и всё ждал: вот сейчас пронзит, и искры из глаз, хоть прикуривай. Нет. Нет боли! Он осторожно спустил ноги на пол. Нет! Потянулся за махоркой и спичками. Любил он это курево. Оно успокаивало и отвлекало в его положении. Хотел закурить, но передумал. Взял клюшку и, ещё не веря в произошедшее, прошёлся по избе. Вернулся за куревом и вышел во двор, присел на лавку у крыльца, где он часто сидел, размышляя, в хорошую погоду. Цветастый петух покосился на него вначале одним, потом другим глазом, взмахнул крыльями и запел.

До этого жена помогала ему выйти из дома и, усаживая, говорила: «Крикнешь, помогу зайти в избу». Он закурил и начал вспоминать, что произошло вчера:

Сосед, Женька, бывает у него такое, получка, што ли, калым ли. Загудел, одним словом, и к вечеру так наклюкался, мозги у него, точно, поплыли. Начал своих учить. А моя меня ко двору, к завалинке вывела. Так. Это я хорошо помню. Помню, ребяташки выбежали соседские. Малость погода шум, крик, жена Женькина выбежала и в сад. За ней Женька с ружьём. Редко с ним такое. Или жена его уж очень достала, или был самогон шиферный. А чтоб стрелять, отродясь не было. А тут на тебе. Палить начал. Помню, я его, дурак, успокаивать стал. Раньше вроде слушался, а это зарядил, целит и орёт: «Тебе какого надо? Пристрелю». Тут я плохо помню, моя-то говорит, вскочил я и через изгородь в сад, а он, стервец, в меня, правда по верху, шамальнул. Я-то через другую изгородь, в другой сад, в чью-то баньку, и закрылся. Там она меня потом и нашла. Принесла клюшку. Спрашивает: «Ну, как ты? Пошли домой. Женька вроде уговорил, уснул. Идти-то можешь?» Я за клюшку, а

спина-то не болит, а сколько мучился! Идём - не болит, я своей говорю: завтра с утра в магазин. Возьми литровку, мы с Женькой это дело отметим. Меня ведь где только не лечили а он, стервец, в один миг!

Размышления прервала вошедшая во двор жена:

- Как ты?

- Нормально. Как новенький. Вот стервец! Принесла? Давай, пойду. Да закусить дай.

Когда Сан Саныч пришёл к Женьке, тот ещё спал, лежа поперёк кровати, умаянный бурным днём.

- Вставай, давай отметим.

- Ты чо припёрся? Чо надо-то? Чо отметим? А мои где? А клюшка у тебя где?

- Давай выпьем. Целитель...

- Кто?

- Целитель. Ну это кто исцеляет, лечит, как врач. Давай.

- Ну а я-то ково вылечил?

- Ково? Меня!

- Брось, да ну!

- Сам же видишь, без клюшки я. Давай выпьем, и я всё расскажу по порядку. Не помнишь, небось, ни хрена?

Прошло недели три. У Женькиного дома остановилась машина. Вышел человек в милицейской форме, и ещё кто-то сидел в машине. Женька, считая всё на пути, ринулся в сад. Ко двору вышла его жена и долго беседовала с приехавшими, размахивая и показывая что-то руками. Потом машина уехала, и она пошла искать Женьку в сад, но не могла найти. Звала, но он не откликнулся. Она направилась было уже домой. И вдруг за спиной - она даже вздрогнула - чей-то испуганный голос: «Кто там? Зачем?»

Она оглянулась, но ничего не увидела, кроме копны сена, а когда присмотрелась, разглядела среди травы несчастные Женькины глаза:

- К кому приехали?

- К кому, к тебе.

- Чо, забирать? Да?

- Нет.

- А чо?

- Лечиться. Исцелитель!..

ПЛАТОК

Отец пришёл необычно рано. Такого никогда не было. Он всегда пропадал на работе. Совещанья, заседания, а уж когда была радиоперекличка, приходил под утро. И когда я спрашивал мать, где отец, она говорила: «Вон, на радиоузле» (тот был от нас недалеко). - «Орут на весь район: давай зерно. А где его возьмешь, если не уродилось?»

На этот раз отец пришёл, молча поставил клюшку, разделся и прилёг. Мать сразу поняла: что-то не то, и ринулась к нему:

- Что случилось?

Отец был внешне спокоен, но заметно было: застряли в его голове какие-то мысли...

Он был с детства инвалид, да и детство у него было непростое. Мать его мучилась с четырьмя сыновьями, подрабатывая стиркой, а отец служил царю-батюшке. Жили бедно, но жили.

Шурка росмышленный, мозговитый. Несмотря ни на что, пошёл учиться и учился хорошо. Но нужда заедала сильно. Он старался, чем мог, помогал матери. Ему нравилось что-нибудь продавать. Оно ведь конечно, село было купеческое, и он видел: купцы-то живут крепко, богато. Шурка собирал разные железяки: гвозди, скобы, накладки и другую рухлядь и придавал ей товарный вид. Гвозди он связывал десятками. Раскладывал всё на мешке и частенько стоял со своим скобяным товаром на рынке. Доход приносили и собранные, отмытые бутылки, особенно на Николу. Паломники их брали под святую воду и особо не скупились. Товар был ходовой. Но заготовливать его приходилось долго, да ещё конкуренты. Раскупались и меловые камешки с замысловатыми таинственными рисунками природы, якобы несущими в себе загадочные божественные приорицания.

Мытарился Шурка, но учёбу не бросал, нравилось. Октябрьская революция застала его в Красной школе. Он хорошо запомнил этот день. А как не запомнить! Как и во все учебные дни, он начался с молитвы. Всех выстроили в самом большом и свет-

лом классе на восточной стороне школы. В простенке между окнами на северной стороне висел большой портрет царя Николая Второго, самодержца всея Руси. Как положено, руководил всем батюшка, преподававший Закон Божий. Когда они вместе с преподавателями не очень дружно запели «Боже, царя храни», произошло то, что заставило всех сразу замолчать. Что-то звонко ударило по стеклу портрета и рассыпалось по полу. Это был горох. После некоторого замешательства батюшка твёрдо и настоятельно произнёс: «Кто это сделал?» Но все молчали. Да когда это было, чтоб при всех учениках школы выдать однокашника! Да Бог с ним, с царём. Но случай-то какой. А? Узнают, и тогда что? Бились долго, ни в какую. Пришлось доложить директору. И вот сам Преображенский, вид исключительный, представительный, нетороплив, грозен: «Кто посмел? На портрет - на самого помазанника Божьего, на царя-батюшку...» «А царя больше нет,» - раздалось из школьных рядов. «Как нет? Кто сказал?» «Народ говорит», - тот же голос ученика. «Этого не может быть!» - уже немного растерянно сказал директор, переглянувшись с недоумевающими учителями: «Я сейчас». Потом видели, как он чуть ли не бегом скрылся за зданием недостроенного храма. Класс придавила тишина. Все молчали. Что творилось в душах учителей и учеников, можно было только догадываться. Но точно можно было сказать: такое же разное, как сами они. Время не шло, оно тянулось. Но вот вернулся директор. Он ходил в волостное правление, там была связь с губернией. Вид у него был встревоженный. Войдя в класс, он изменившимся голосом произнёс: «Да, царя-батюшки больше нет... Уроков сегодня не будет... Все свободны», - и вышел из класса. Все знают, что происходит во все времена с учениками после таких слов. А вот учителя были подавлены и растеряны. Так пришла в промзинские края Февральская революция.

Худо-бедно карабкался Шурка по жизни, добывал знания. Сельская школа, двухклассное училище, четырёхклассное, школа второй ступени - вот тут-то он и забуксовал да крепко.

Ни средств, ни здоровья, революции одна за другой, как их ни назови - бунт, переворот, но простой народ понимает: запросто так и чирей не садится, нет дыма без огня. Помнит Шурка: после Февральской революции приехал молодой, статный, красивый офицер. Перед волостным правлением народ собрали, с балкона речи какие-то толкали, какие - плохо помнит, а вот когда у офицера отцепился и с балкона упал кортик, помнит хорошо, как бросились с ребятишками поднимать и рассматривать, а затем, вставая на плечи, друг другу подавали его. Это помнит.

В разгар Гражданской войны Шурке - шестнадцать лет, и холодно, и голодно, как говорят. Но он нашёл себе работу, причём настоящую. Теперь он телеграфист Промзинской почтово-телеграфной конторы - образование позволяет. Азбука Морзе, точки-тире, а самое главное, оклад. Ну а дальше пошло. Новая советская власть заметила молодого, грамотного, трудолюбивого телеграфиста. Назначили заведующим общим отделом волостного исполкома, затем заведующим военным отделом. Появилась в Промзине ячейка большевиков, а за ней комсомольская. Молодёжь всегда, во все времена тянуло к новому. Шурка стал посещать комсомольскую ячейку. Мать взбунтовалась, она была глубоко верующая. Да и две тётки тоже. Скандал да ещё какой. Шурка уходит жить к бабушке. Вскоре он становится комсомольцем, но какой ценой! А затем и коммунистом. Работа, работа. Новые должности. Новые места. В тридцатом году - председатель вновь организованного колхоза в Барышской Слободе. Семья. С таким трудом созданный колхоз. Первые успехи, но почти всю продукцию подчистую надо было сдавать государству. А нет - тогда до свидания. И поехал Шурка в Чапаевск, затем в Куйбышевский край, в Свищёвку, вот тут-то он и загремел под «панфары». Тридцать седьмой год. Тюрма. В тридцать восьмом - «оттепель», выпустили. И опять работа. И опять на новое место, в Саранск. А тут война. На фронт не взяли - инвалид. А работать хоть за троих. За месяц до войны умерла мать. Отец, старик, один. Удалось вер-

нуться в родные места. И вновь работа. Бросали в те места, где было трудно, как на фронте - на прорыв. А в общем, это тоже был фронт, только трудовой. И награда за доблестный труд во время войны. Теперь, после войны, он заведующий торговым отделом райисполкома. Тяжко: ни транспорта, ни товаров, но медленно жизнь выправляется. Первые снижения цен. И народ начинает задумываться, что купить...

И так вот у него это в один миг сумбуром пронеслось в голове. Он даже прикрыл глаза.

- Ну ты што молчишь? Чо случилось? - вновь надела на него мать.

- Ничего смертельного, уволили с работы, - сказал отец, стараясь быть спокойным.

От неожиданности мать села на стул.

- Как уволили? За что? - пауза.

- За пуховый платок. Тебе же форсить надо, ну вот теперь и форси. Я же тебе говорил: не надо. И кто это тебя надумил? Наверно, специально, чтоб меня убрать. Или кому-то не досталось! Я же тебе говорил: их на базу всего три поступило. А ты: купи да купи, вот и купили.

- А как узнали?

- Кто-то анонимки в райком написал. Показывали. Одна детским подчерком, на школьном листе, с кляксами. Вот народ, чему детей учат, а? На меня секретарь, Татьяна, уж больно надела. Уволить и работы не давать... Да чо ты, не хнычь. Проживем, труднее было. Пчёл разведём побольше. Конечно, трудно-вато будет. Старшему институт заканчивать, этому школу. Да не хнычь, говорю. А в войну как было? Пережили, и это переживём. Надень-ка эту шубу из кролика из крашеного да новый платок. А то я ведь и не видел ещё. Да ты ж у меня красавица будешь!

РАДИО

Герка рано заинтересовался предметом, который висел в передней на стене. Он чем-то напоминал ему сковороду, на которой готовила мать, заталкивая её вместе с чугунами под своды русской печи - оттуда исходил приятный аромат наваристых щей или тушёной картошки на молоке, а уж запах куриного супа нельзя было сравнить ни с чем. Его Герка улавливал даже на улице, возвращаясь от друзей. Хотя такое было нечасто, но было. Мать умела готовить. Это у неё было от природы, или, как говорят, от Бога. Да ещё от того, что, как только начала себя помнить, стояла у русской печи и помогала или матери, или тётке. Готовить приходилось на огромную семью. А в летние полевые работы - и не на одну. Запомнил на всю жизнь Герка пироги на противне или сковороде. С мясом или с сурной рыбой, сомятиной или стерлядь. Такое забыть невозможно. Как говорят, ум отъешь. А уж долгожданных гостей сурчане обязательно старались попотчевать такими пирогами да и ухой знатной тоже.

Герку с малого возраста занимала всякая ерунда. Его привлекали трещины на потолке с глиняной штукатуркой. Проснувшись, он подолгу лежал в кованой железной кровати и рассматривал потолок, складывая из трещин различных сказочных героев, забавные рожи, причудливые деревья, загадочных зверей и птиц. А в зимние морозные дни подобное он проделывал с рисунками на оконном стекле. Большой загадкой были для него и старинные часы, которые висели на стене над его кроватью. Он подолгу смотрел, что это за штука, а в ней блин мотается из стороны в сторону, да ещё две какие-то чёрные палочки бегают по белому кругу друг за другом. И вот однажды он дотянулся и открыл дверцу, и поймал этот блин, и он замер. Он и не знал, что остановил время. В детстве это ещё чуточку возможно. Потом он слышал, как отец спрашивал мать: «Почему это у нас часы встали?» При этом посматривал на Герку, но никак не мог предположить, что это сделал он.

Но ещё большей тайной обладала эта чёрная «сковорода» на стене, от которой тянулась верёвочка. Особенно после того, как отец что-то делал с ней, и она начинала говорить дребезжащим человеческим голосом, или в «сковороде» начинали петь, или просто играла музыка. Герка часто подходил к этой чёрной вещице и внимательно рассматривал её со всех сторон. Он начал думать, что есть какие-то маленькие человечки, которые сидят в ней, потом понял, что нет. И тогда он спросил отца: «Что это?» Отец сказал: «Это радио. Ты видел столбы на улице, а к ним один провод прикреплён, он к нам в дом идёт?» «Видел». - «А видел провод из земли у дома по заваulinке в дом идёт?» «Ну». - «Вот по этим проводам с радиоузла, который там, за углом, всё и передают. Понял?» - «Ах-га».

Герка знал, где этот радиоузел. С друзьями постарше через огороды он иногда наведывался туда, чтобы раздобыть столь необходимый провод для рогатки или подобрать выброшенную диковинную железяку и потом выменять на что-то более нужное. Иногда мальчишки заглядывали в открытую дверь каменного помещения, где внизу, как будто в погребе, сильно что-то тархтело и ярко светилась какая-то стекляшка - дома такого не было. Дома была керосиновая лампа.

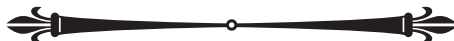
Про радиоузел Герка, стало быть, хорошо знал, но он не предполагал, что оттуда по проводу в эту чёрную «сковородку» и песни, и музыку передают. Мудрёно. И теперь он начал воображать, как приходящие на этот радиоузел мужики и тётки говорят там, играют на гармошке, поют, и всё это бежит по проводу к его чёрной «сковороде». Да не только к его и к другим - у других тоже ведь есть. И поэтому он очень стал завидовать одному мужику, который каждый день ходил на радиоузел.

Герка рос, и его представления о чёрной говорящей «сковороде» стали меняться, и он очень радовался тому, что никому об этом никогда не говорил. Тогда бы друзья постарше точно поизмывались бы над ним, а от них порой и так доставалось.

Отец иногда утром чертыхался, включая радио: «Опять чо-

то оборвалось, говорит чуть слышно, ничего не разберёшь». Герка уже мог давать советы: «Землю», чай, наверно, парни откусили». Отец шёл на улицу ко двору. Через некоторое время в репродукторе слышался вначале треск, а потом он начинал работать. «Ну как?» - кричал отец. «Да вроде нормально», - отвечал из дома Герка. Входя в дом, отец ворчал: «Точно ты говоришь: или клещами, или напильником. Вот оглоеды. Узнать бы, кто. Да палку обломать. Делать, што ли, нечего?» Частенько такое бывало - резвились парни, возвращаясь за полночь с улицы домой, и тогда у многих на порядке радио молчало. А заодно они могли и дрова на «попа» поставить или калитку ими припереть. Вот такое оно, радио, получалось.

Много всякого услышал Герка из этой «сковородки». Особенно ему нравились радиоспектакли. Это было что-то удивительное! И так ему жалко, что не сохранил он эту «сковородку!» Может, она не всегда говорила правду, да где, и кто, и в какие времена эту правду доподлинно говорил, да и будут ли говорить? Хотя в правде - огромная сила. А слушать так же, как и смотреть, надо уметь, а это непросто.

ОГУРЦЫ

Григорий лежал вниз лицом в огурцах, уткнувшись в небольшую кучку навоза, приготовленного для удобрения. Упал, как знаменосец на поле боя: широко раскинув крепкие босые ноги, мёртвой хваткой сжимая метров пять железной полудюймовой трубы. Его широкая загорелая спина и короткая толстая шея сильно покрылись потом. Он глухо стонал. Ему казалось, что он на какое-то время потерял сознание от сильной, жгучей боли в затылке.

Когда он падал, он думал: неужели кто-то с соседнего огорода половинкой, да с какой силой, но вроде ничего не пролетало, да там и нет никого. Может, пуля шальная? Тьфу, ерунда какая-то. Откуда? Он приподнял голову, не выпуская трубы, она как будто прикипела к его волосатым рукам. Затем мотнул головой, стряхивая с лица прилипший навоз. Голова гудела, как телефонный столб или роевой улей, а может, как всё вместе взятое.

Наконец он заставил себя оставить эту трубу и, опираясь на руки, встав на колени, пошатываясь, двинулся к бочке с водой. Со стороны, среди сада он походил на странное раненое животное средних размеров. Он опустил голову в ведро с водой, которое стояло около бочки и открыл глаза. Через слой воды увидел, то ли от боли, то ли с испуга, как ему показалось, огромного червяка, похожего на змею. Он вскочил на ноги и наконец-то окончательно пришёл в себя. Увидав сигареты на скамейке, присел и со сладкой радостью закурил. Потрогал затылок. Он припух немного, но горел и болел уже меньше.

«Что же это случилось? Не пойму. Щас покурю, успокоюсь и разберусь», - так соображал Григорий, изредка поглаживая затылок. Он не торопясь докурил и аккуратно притушил окурок. Подошёл к трубе и вновь взял её в руки.

«Так, я вначале взял и вбил две рогульки. Логично. Потом положил левый конец трубы на рогульку, что у забора. Логич-

но. Стой, стой, а это чо там на заборе? Чо за груша? Ни хрена себе! Осиное гнездо! Вот это логично. А когда трубу на правую рогульку клал, повернулся и задел. Ещё логичней. Они меня и шарахнули. Точнее не бывает... А здоровые какие... То-то я мордой сразу в дерьмо. Логично», - Григорий в гневе бросил трубу. «Щас я вам устрою Варфоломеевскую ночь!» - выдал он вслух цитату, всплывшую откуда-то в его ещё болевшей голове. И он, прыгая через грядки, припустил в сарайчик, радуясь предстоящему отмщению. Оттуда он вышел, держа в одной руке канистру с бензином, в другой - наскоро сделанный факел.

Гришка забыл про всё и запалил факел. Если уж не повезёт, так не повезёт, как говорят, и от радостей заболеешь. Канистра, поставленная на компостную кучу у забора, опрокинулась, и бензин стал разливаться по ней. Факел оплавился, и весёлая змейка скользнула с него к земле. И только длинный черен спас Григория. Рвануло так, что Григорию показалось: он вновь в Афгане. Его отбросило на грядку с морковкой. Брюки его занялись и горели. Он катался по земле, сбивая пламя. Потом ловко прыгнул в бочку с водой. Выпрыгнув из бочки, он увидел горящую компостную кучу и большую часть забора, по которому огонь мог добраться до строений. Он схватил ведро и начал тушить. Поддавалось плохо. Бензин. Тогда он схватил лопату, дело пошло лучше. Сбежались соседи, стали помогать. Кто-то вызвал «пожарку». В общем, обошлось, справились. Потери были минимальные.

- Григорий, чего это у тебя вдруг?

- Да сам не пойму, - натурально удивлялся Григорий.

- Трава тут у меня сухая да солома на куче была. Ну а я тут шевырялся. Ну курил, конечно - вдохновенно заливал Григорий. - Потом в сарайчик пошёл. Выхожу, ну вот...

- Что-то ты больно шибко закурил! - съязвил кто-то.

- Ну что вы к мужику пристали! Ему и так до себя, - заступился за Григория Сенька, сосед. Они частенько после получки в саду посиживали. - Вы это, спасибо всем. Всё под контролем.

Можно по домам.

Пожарники уехали. Разошлись и соседи. Только Сенька хлопотал возле друга.

- Вот не слушаешь ты меня. А сегодня праздник большой, работать грех. Видишь, что получается. Я тебе сказал, приду после обеда, посидим.

И, помолчав, добавил:

- А что осталось в тот раз от канистры, я в малине прикопал.

- Вот придёт Телескоп, тогда будет дело, - словно не слыша, сказал Григорий.

Телескопом за глаза он «ласково» называл жену. Название это было как бы собирательное. Оно появилось, наверное, оттого, что супруга преподавала в школе астрономию. К тому же носила очки. А ещё, когда Григорий возвращался с работы домой, она метров за сто могла определить, сколько он сегодня «принял на грудь». Тут же уходила в дом и, когда он умывался, спрашивала:

- Ну, сколько сегодня выпил? Двести пятьдесят? Да?

- Ну почему двести пятьдесят. Двести пятьдесят пять, - отвечал Григорий, поражаясь точности оценки.

- Ах, так! На стол собирай сам! - и, хлопнув дверью, ушла.

- Ты куда улетел, Гриша? - вернул его к действительности Сенька. - О чём мечтаешь? Пейзаж у тебя, конечно, будь здоров! При движении где-то там срам мелькает даже. А личико - как копчёный поросячий зад. Давай меняй пейзаж. А то свою ласточку перепугаешь, у неё душа интеллигентская, тонкая, нежная.

- Ладно. А ты, Сенька, давай, организуй тут. Стресс-то снимать надо!

И только Григорий успел умыться и переодеться, скрыв последствия чрезвычайной ситуации, явился его «ангел с тонкой и нежной душой».

- Гриша, ты где?
- Да здесь я, в саду.
- Ну что, сделал, как я просила? Огурчики подвязал?
- Сделал. Подвязал, - не очень весело ответил Григорий.
- Григорий, а брюки хорошие зачем надел? Я и так заму- чилась стирать. А это что такое?! - закричала жена, увидев об- горевший забор. - Опять выпил? И зачем это я жизнь с тобой загубила?
- Ксюша, да я...
- Слышать тебя не хочу. Ты бы посмотрел, как у Николая всё сделано, бездельник! - Ксюша, всхлипнув, стремительно скрылась в доме.
- Да -а-а, обстановка военная, - раздался Сенькин голос из зарослей вишни. - Ну что, опять стресс? Это уже который?
- Третий.
- Как?
- Вот так. Ещё осы были.
- Да-а, те тоже сильно жалят, - понимающе заключил Сень- ка. - А что за Колька больно хороший?
- Рыжий агроном. Учёный. Она ему всё очки строит: Нико- лай Косьяныч, Николай Косьяныч, да какие семена лучше, да когда сажать лучше, да чем удобрять лучше. Тьфу. А у самого баба осенью помидоры с рынка прёт.
- Это кто? Это который в комсомоле девок щупал, да? Хи- трый такой. Аккуратный. В туалет, наверно, по расписанию ходит. И фамилия у него заковыристая такая. Как же, знаю, - сказал Сенька, увлекая Григория в глубь сада.
- Ты это, нервы не рви, - продолжал Сенька. - Я тут при- нёс. Сам гнал, настоял на травах, и название сейчас придумал - «Антистрессин». Ну как? Нормально? Давай по чуть-чуть, - и Сенька расположился на траве.
- Знаешь, кабы не сорваться, - с грустью произнёс Григо- рий. - А впрочем, давай... И ты вот мне, Сенька, скажи, почему бабам всегда чего-нибудь да не хватает?!

ЗА ЁЛКОЙ НА ОДНОЙ НОГЕ

Последняя ёлка ну никак не хотела продаваться. А была она такая густая, пушистая, исключительно красивая! Колька старался изо всех сил, зазывая покупателей. Было тридцать первое декабря, и Кольке хотелось пораньше прийти домой. Он так закружился с этими ёлками, что ещё свою не успел поставить. А начальство - давай и давай, чтобы все срубленные ёлки были проданы, чтобы как можно больше людей любовалось зелёными красавицами, встречая Новый год. Ну и чтобы лесхоз получил какие-то средства за нанесённый ущерб природе.

- Бабулечка, миленькая, - ходил кругами Колька вокруг пожилой женщины, залюбовавшейся ёлкой. - Купи ёлочку. Смоди, какая красавица!

- Да покой она мне?

- Внучата придут. Вместе порадуетесь. Возьми. Последняя осталась, - взмолился Колька. - Дешевле отдам. Ну, бери.

- Да я и не знаю, - замялась старуха. - А как я её донесу?

- Эй, ребята, идите-ка сюда. Помогите бабушке ёлку донести. Ну, вот видишь. Давай деньги, и порядок, - и Колька с удовольствием стал пересчитывать выручку.

- Серёга! - окликнул он водителя, дремавшего в кабине «уазика». - Ну чо, задание мы с тобой выполнили. Вперёд ко мне. Ставим ёлку, а вечером прошу на маскарад. Понял? Слушай, Серега, а где моя ёлка-то? Я её вроде в кузове оставлял? Не понял... Ты чо, все, што ли, выгрузил?

- Ты же сам твердил: надо все продать.

- Здравствуй, Коля, Новый год! Меня же домой без ёлки не пустят! И чо делать?

- Давай в лес махнём. Крутнёмся на одной ноге туда-сюда, и готово.

- Ладно, давай ко мне. Скажу своей: на кордон послали к

Виктору. И крутнёмся. Давай быстрее.

Галина, жена Николая, обрадовалась, что он освободился пораньше.

- Ну что? Всё? Неси ёлку, ставь. А мы готовить будем.

- Ты понимаешь, нас срочно на кордон к Виктору. Не знаю, чо там. Но мы мигом.

- Ты поешь хоть.

- Нет, некогда. - Колька быстро вышел из дома и сел в машину.

- Ну чо, рванули? - сказал Сергей, включая скорость. Надавил на газ, и машина начала свой быстрый рейс по зимней дороге к лесу. Николай думал о своём, Сергей о своем, но обоим хотелось побыстрее привезти новогоднюю ёлку. Вдруг машину стало водить по дороге. Мужики переглянулись и оба поняли: колесо.

Замена колеса сильно затянулась. Запаска была спущена. Домкрат то и дело вылетал. Гайки не отворачивались. А время шло. И когда они приехали в ельник, где заготавливали ёлки, их накрыли сумерки. Они быстро срубили ёлку и положили в кузов. Стали разворачиваться. Мотор начал давать сбои, но потом заработал нормально. Каждый в душе сказал, наверное: «Ну слава Богу!» - и облегчённо вздохнул.

Радовались недолго. Двигатель, поработав с перебоями, замолчал. С большим трудом они завели его и поехали. И вновь встали. И уже не могли завести мотор. Их окружали высокие сосны, стоявшие в снегу. С неба смотрели и подмигивали звёзды. Они посмотрели на часы. Время тихо и настойчиво завершало старый год и приближалось к новому. Стоял лёгкий мороз. Они развели костёр. Сделали факелы. Осмотрели и ощупали почти всю машину. Но она не хотела заводиться.

- Ну чо, Серёга, Новый год будем в лесу под соснами встречать?

- Нет! - взревел Сергей - Всё равно заведу! - и вновь нырнул в мотор. Сиденья он вынул из кабины и повесил на борта «уази-

ка», чтобы не мешали.

- Точно, не подаёт нормально бензин из бака. Где-то воздух сосёт.

Пламя костра плясало на сучьях сушняка и отбрасывало тени машины и людей в лес. Серёга неистово метался от мотора к бензобаку и обратно, что-то бормоча. Вдруг он остановился и резко отпрыгнул от машины. Закричал: «Бежим!» - и помчался в лес. Николай от неожиданности замер. Первое, что он подумал: «Серёга с колёс съехал».

- Опомнившись, закричал: «Сергей, ты куда? Стой. Стой, говорю». и Сергей остановился.

- А кто там, в кузове?

- Где?

- Да там они, на меня из кузова...

- Да где? Кто?

- Да вон!..

- Да это же сиденья от машины.

- Мне показалось, на меня из кузова прыгнуть кто-то хочет, - смутившись, сказал Сергей. Помолчал немного. - Ты уж, Николай, это... Никому не говори, ладно? Я щас сделаю и поедем.

И Сергей сделал, и они поехали, и уже не смотрели на часы - они почему-то верили, что успеют. За час до Нового года они уже ставили и наряжали ёлку. А за пять минут до боя курантов Николай салютовал шампанским. Пробка угодила в люстру, и долго вращалась в ней и под аплодисменты упала в праздничный торт. Разливая, Николай поглядел на Сергея и сказал:

- Ну, Серёга, всё - таки мы дома встречаем Новый год! А эти... пусть там, в лесу.

- Кто «эти»? - спросил кто-то.

- Кто-кто. Привидения, вот кто! - выпалил Сергей и вдруг заорал: - С Новым годом!!! Ура-а-а!!!

ПОДЛЁДНЫЙ ЛОВ

Славка плохо спал всю ночь, хоть и завёл будильник, - боялся проспать. Раза два он вставал, сначала смотрел на часы, потом брал фонарик и светил в окно, бросал взгляд на недавно выпавший снег. Потом он пристально вглядывался в шкалу термометра, прибитого за окном. Славка собрался на первую зимнюю рыбалку в этом году и страшно боялся, что небольшой мороз, который сковал озёра, не дай Бог, вдруг сменит оттепель. Тогда мечты о рыбалке, о первом подлёдном лове рухнут. Под утро на него набрёл сон, от которого ему стало так страшно, что он начал громко кричать. Вскочил с кровати, тяжело дыша. Встала и перепуганная жена:

- Что с тобой?

Славка посмотрел на неё непонимающими глазами и проормотал:

- Не знаю... Ничего... Сон... Надо ведь, как наяву, - начал было объяснять Славка. - Помнишь? Мы ещё на старой квартире жили. На октябрьскую, на праздник, тоже был снег, немного подморозило. Ты тогда упёрлась: «Никуда не пойдём. Никаких праздников, никаких гулянок, никаких компаний. Надоело всё, давай дома отдохнём».

- Ну, знаешь что, - строго перебила жена, - хватит! И надо так орать! Со мной аж плохо стало. Я думала, ещё чего. Дай отдохнуть, и в выходные мне покоя нет. Давай, или спи или вставай, готовься куда собрался. А то вскочишь: «На автобус опаздываю. Где то, где это».

Славка хотел матюгнуться, но передумал. Он вспомнил, что жена очень не любила эти «народные» слова. Скажешь, война будет, и от рыбалки потом никакой прелести.

А жена, как бы прочитав его мысли, продолжала:

- А то ты отдохнуть поедешь, а я весь день - полы, посуда, стирка.

Славка засопел и ничего не сказал и на этот раз, а так хотелось. Он только вспомнил, как после подобных речей когда-то взял летом жену с сыном на рыбалку. Накачал лодку и уплыл на

прикормленное место рыбачить. И как через час жена, отдохнув и нарыбачившись, попросила сына звать отца и тот на всё озеро кричал: «Папа, поехали домой!». А когда Славка не обратил на это внимания, как бы не расслышав, присоединилась к сыну. Славке пришлось, как говорят, сматывать удочки, а, как назло, так клевало...

Славка снова прилёг. И надо ведь, всё во сне, как наяву, отпечаталось. Он вновь вспомнил тот ноябрьский день. Тогда стоял лёгкий морозец, улицы чуть припудрило снегом. Славка вышел во двор. Полюбовался прелестями погоды и подумал: «А в лесу-то и на озере ещё лучше!» Прошёлся по двору. Под ногами похрустывал ледешок в промёрзших лужах с большими белыми воздушными пузырями. «А на озёрах держит, что ли?» - спросил он сам себя. Он прошёлся по двору и зашёл домой. Включил телевизор. Шёл парад на Красной площади. Славка смотрел куда-то за экран и видел покрытое льдом озеро, на нём рыбаков и самое главное: они ловят рыбу, а он - дома! Такое не может терпеть ни один уважающий себя рыбак. Он встал и пошёл на кухню. Жена что-то готовила.

- Мотоцикл, что ли, новый обкатать? - начал с подходом Славка.

В ответ громыхнула посуда.

- Давай-давай. Ледешок проверить хочешь. Да? Давай. Нет бы с семьёй, с сыном побыть.

Эти слова вызвали в Славке прилив упрямства. Он боднул головой воздух и твёрдо сказал:

- Надо обкатать. Погода - самое то, греться не будет.

Славка нашёл и надел ватные брюки, валенки с глубокими галошами, старую меховую куртку, а на голову - большую рыжую цигейковую ушанку. Выходя из дома, услышал слова жены:

- Смотри, сам не перегрейся где с друзьями!

Но эти колкости уже никак не могли задеть его, окутанного рыбацкой одеждой и мыслями. Он вывел из гаража мотоцикл, привязал пешню, сунул в карман несколько блесен, а за пазуху - удочку для блеснения.

...Он вырвался из посёлка, занятого праздничными хлопотами. Дорога, поднявшись по улице в гору, врзалась в лесной массив, оставив позади сельский погост и одетые лесом бугры, обступившие посёлок. Скоро остались где-то там, за спиной, лесная пожарная вышка, Озерский овраг и Фомичёва караулка. Дорога вырвалась на Полянскую стрелку. Впереди притихли на бугре домишки. Дорога прыгнула через мосток и покатила по окраине села, затем вдоль Долгого озера. Славка свернул направо - к речке. Проехал ферму. Слева за деревьями притаилось большое красивое озеро, Старая Сурка, старица Суры. Снегу здесь было гораздо больше. Хорошо были видны следы мотоциклов и машин. Славка дрогнул: «Неужели лёд держит? Неужели ловят?» Мотоцикл сам рванулся быстрее. Но когда он поехал вдоль покрытого льдом пустующего озера, в голове мелькнуло: «Недолго музыка играла... Нет, не держит». Славка остановился. Заглушил мотоцикл и слез. Подошёл ко льду. Место, где соединялись несколько отрогов озера, называлось Кресты. Было видно: многие подъезжали, подходили, пробовали пешнёй, и всё. Но ему так не хотелось домой, в душную комнату! Он невесело скользил взглядом по тонкому, припудренному снегом льду, по берегу, по редкому кустарнику и одиноким деревьям. Взгляд его остановился на огромном сломанном дереве, нежно обнятом первым льдом. «Так. Может с него попробовать? Ветки, чай, до дна. Да и рыба у коряг и упавших деревьев любит собираться».

С этими рассуждениями Славка сделал первый шаг по стволу дерева. В одной руке он держал пешню, в другой - удочку с блесной. Второй шаг, третий - и дерево начало погружаться в воду. Потеряв равновесие, Славка рухнул на молоденький лёд, пробив его, оказался по горло в воде.

Вначале ему показалось, что его сунули в кипяток. Потом он попал в ледяные тиски. Зубы лязгнули, ко рту подступила вода. Славка подумал, что вокруг никого нет никого, и страшно испугался. И вдруг он вспомнил случай из раннего детства. Бабушка летом взяла его на Суру полоскать бельё. Пока она занималась

делом, Славка купался и забрёл в глубокую яму, окунувшись с головой. Возраст был такой, что не только плавать, он думать-то толком не умел. Но вдруг откуда-то услышал голос:

- Выходить надо.

И тогда на виду у перепуганных женщин он появился из воды. Потом на протяжении многих лет он не мог понять, что это был за голос. И стал подумывать: наверное, откуда-то свыше.

Немного и на этот раз успокоившись, сказал себе: «Как-то надо выбираться». Он посмотрел вверх и увидел спускающийся куст вербы. Дотянулся до ветки, но она сломалась. Повторил попытку, и опять неудача. Ноги всё глубже уходили в тину. Вода стала доходить до глаз. Да ещё шапка сползла на глаза. И Славка уже не помнил, как он ухватился за куст и стал подтягиваться, хватаясь за прочные ветки, оставляя на крутом берегу след от стекающей с него грязной воды. Отдышавшись, он встал, завёл мотоцикл и поехал. Вот ферма, дом для животноводов, а одежда уже покрылась ледяной бронёй. Дрожал он сильнее, чем работающий мотоцикл, а лязг зубов заглушал, как ему казалось, звук двигателя. Когда он ввалился в дом, то у сторожа, растапливающего печь, выпало из рук полено: «Сынок, ты чо, утонул, што ли?». И кинулся раздевать Славку. Притащил откуда-то старые халаты и фуфайки, стал растирать трясущееся Славкино тело, придвигая к огню и укутывая. Сухой на Славке осталась только цигейковая шапка с развязавшимися полуопущенными ушами.

- Слу-ш-ш-ш-а-ай, д-д-дед, - выстрадал из себя Славка, - у м-м-м-е-е-ня д-д-друг Са-а-ашка рядом живёт, п-п-по-з-з-зови.

- Знаю, знаю, тоже рыбак. Я тебя мигом отвезу, у меня лошадка!

И вскоре Славка уже сидел в жарко натопленной избе, Сашка с отцом и матерью хлопотали вокруг него. Отец налил гранёный стакан водки:

- Ну-ка, давай. И сразу весь.

- Ты на-ко, сынок, чайку горячего... А ты Саньк! Одежду-то на печь, а валенки-то на шесток, - суежилась Сашкина мать.

- Давай ещё по пять капель, - предложил отец, поглаживая

порозовевшую лысину, - и лезь на печку, тебе прогреться надо.

Славка растянулся на тёплых кирпичах и ощутил блаженство, которое он испытывал только в детстве, когда приходил зимним морозным вечером с улицы в родительский дом и располагался на печи. Звуки в трубе, букет запахов и какой-то неповторимый живой дух исходили от этой русской печи, приносившей тепло, уют и такое ласковое спокойствие. Только умный, добрый и душевный народ мог создать такой источник домашнего тепла. С этими мыслями Славка провалился в приятную яму глубокого сна.

Когда он проснулся, тихие сумерки вползали в окна деревенской избы. В доме никого не было. Старенькие ходики равномерно отстукивали время, расталкивая его качающимися маятником. «Пора, - подумал Славка, - дома, наверное, уже хватились». Он слез с печки, надел приготовленную ему одежду, вышел во двор, завёл мотоцикл и покатил. Колёса дружно отмеряли метры замёрзшей земли. Синева вокруг густела и всё плотнее окутывала со всех сторон. Славка включил свет, и он заплесал перед мотоциклом, раздвигая сумрак. Дорога пошла на подъём. «Ну вот, скоро вышка, а там и до дома недалеко, - подумал Славка, - расскажу жене и сыну о моих приключениях».

Мотоцикл вдруг так кинуло в небольшой колее, что Славка еле удержался на нём. Мотор смолк, свет погас, и навалилась настоящая тьма. Славка сразу всё понял: слетела цепь, заклинило колесо.

- Да што это такое?! А? - взвыл он. - За што? Вот это денёк!

Дальше он изрёк такое, что, наверное, с трудом восприняла и поглотила лесная тишина. Немного успокоившись, на ощупь приступил к ремонту. Он сломал все ногти, ободрал все руки до крови, но, увы, колесо не поддавалось. Славка так согрелся, что от него валил пар, а из-под шапки по лицу стекал пот. И за всё это время никто не проехал по дороге. Все нормальные люди сидели за праздничным столом.

Немного отдохнув, Славка волоком оттащил мотоцикл в кювет. «Пусть лежит. Пойду за подмогой». Спотыкаясь и скользя, в чужих, не по размеру, ботинках он зашагал в посёлок. Подхо-

дя к своему дому, Славка столкнулся с соседом. Тот и в будни, и в праздники всегда был трезв. Славка кинулся к нему:

- Сергей, выручай! Давай на твоём «жигулёнке» доедем, я в лесу свой мотоцикл оставил. Посветишь, я колесо отремонтирую и пригоню.

- А ты что за барахло на себя нацепил?

- Сергей, поехали, а то мотоцикл упрут! Я тебе всё потом расскажу.

- Ладно, сейчас. Дома ключи только возьму. Жди.

Славка тоже кинулся домой. Увидев его, жена остолбенела. А он молча метнулся на кухню, схватил кусок хлеба и колбасы и вылетел из дома.

И вот они с Сергеем уже мчатся к месту, где осталась сложенная техника. За это время Славка, как удав, проглотил еду и вкратце, но смачно и с картинками рассказал свою историю.

- Я тебя, Славка, никак не пойму. Как это тебя тянет от горячей бабы к холодному льду? Вот отморозишь свою удочку, бросит тебя баба... Слушай вот. Один рыбак собрался на зимнюю рыбалку. Вышел рано утром, а на улице мороз, буран. Он потоптался-потоптался и опять домой. Разделся и опять молчком к жене под одеяло - мырк. А она прижалась к нему и говорит: «А мой-то дурак в такую погоду на рыбалку поехал!»

- Анекдот, да? Сам придумал или кто рассказал? Стой, вон мотоцикл лежит! - выпалил Славка. - Ты давай развернись и свети.

Сергей стал разворачиваться, и машина, вдруг скакнув на кочке, смызнула в кювет. И как они ни бились, и что они ни делали, не могли вызволить её оттуда.

- Ну чо, грешник великий? Топай за машиной. Иначе хана, - попытожил Сергей.

Славка вновь поплёлся в посёлок, в душе проклиная всех и вся. «Это, чай, она намолила», - вспомнил он и жену. - Пойду в ментовку, может, помогут». Когда он зашёл в милицию, дежурный вначале не узнал его, а признав, спросил:

- Ты что в таком наряде в праздник да среди ночи?

- Слушай, - взмолился Славка, - машина нужна!

- Ты чо, какая машина? Ты посмотри, время два часа ночи.

Мы водилу домой отпустили.

Но, сжалившись, посоветовал:

- А ты до скорой дойди. Может, помогут.

Славка, весь разбитый и измученный, призывая вех богов на помощь, направился в скорую помощь, и хорошо, что она находилась рядом. Славке повезло, дежурил знакомый врач, хороший мужик, сам любитель охоты и рыбалки.

- Что случилось? Заболел кто? - спросил он.

- Да нет. Тут вот такая история, - поведал Славка.

- Ладно, у нас в той стороне посёлка вызов, - сказал врач, - садись в машину. Мы больного обслужим ну и проскочим.

Славка не поверил своим ушам.

...В Славкином доме не ложились спать. То сын, то жена поглядывали в окно. Переговаривались и думали: что же случилось и что делать. Вдруг около дома остановилась машина. Жена посмотрела в окно.

- Ну вот, иди, сынок, погляди. Нарыбачился твой папаша. Выгружают, винца напоролся и мотоцикл где-то бросил, - как из ружья, выпалила она. Сын долго и внимательно смотрел в окно, потом произнёс:

- Да нет, мам, это папа из «скорой помощи» мотоцикл выгружает. А вон и дядя Серёжа подъехал.

Немного погодя Славка втащил в комнату Сергея.

- Давай, давай, заходи, раздевайся, сейчас праздновать будем.

- Ты же знаешь, я только чай.

До утра в Славкином доме горел свет, и он, разгоряченный и хмельной, рассказывал:

- И когда я это, нырнул с дерева в воду, там рыбы - тьма. Окунь вот такие!

На то он ведь и рыбак.

...Вот от такого сна проснулся и всех всполошил криком Славка. Он тихо встал, собрался, подошёл к двери, чтобы выйти из дома, и услышал голос жены:

- Ты уж, пожалуйста, не как в том году!

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

Они наконец-то уговорили Юрку, он согласился:

- Ладно, слетаем. И чтобы деньги, пузырь и чего-нибудь занюхать! А грузить кто? Вы учтите, я грузить не буду, сразу говорю, и не дотронусь. Трое вас будет. Ну лады.

- Дрова за Сурой, как переедешь сурной мост, по гати, после третьего моста, и налево, в делянку.

- Знаю. Был. А дрова-то - не того? Выписаны? Ну мне-то что, вы в ответе. В общем, после работы, часов в шесть, раньше не могу, сами понимаете. За Промзой, за мостом ждите. Если малость задержусь, не разбегайтесь. Слетаем. Машина военная, шофёр - лейтенант. Мама не горюй. Держите краба, - и Юрка протянул мужикам руку водилы, пропитанную машинным маслом. Водил Юрка знаменитую «полуторку», которая помогла победить в войне и выжить после неё и которая благодаря таким вот рукам, несмотря на ветхость и плохие дороги, заводилась и ездила, да ещё как!

Горела осень. Солнце ушло за посёлок и золотило облака в густой синеве осеннего неба. Было тепло, для октября - даже очень. В потерявшей свою летнюю красоту траве пели последние песни кузнечики. За Сурой млел в красках осени лес. Трое молодых мужиков блаженно поваливались на откосе насыпи на фуфайках, вслушиваясь в звуки уходящего дня и с надеждой посматривая на высокий деревянный красавец-мост через Промзу. Но машины, которую они ждали, всё не было.

- Ну он чо, оборзел совсем. Скоро темнеть начнёт.

- Может, сломался?

- Пошли домой.

- Нет, давайте ещё немного подождём.

- А с пузырём чо?

- Чо, выпьем - и по домам.

Они подождали ещё. Надвинулись лёгкие сумерки. Стали доставать бутылку. И вдруг - звук мотора.

- Едет!

- Где?

- Да вон, на мосту!

И вскоре, лихо тормознув, Юрка остановил свой «агрегат», обдав парней пылью.

- Ну ты чево?!

- Чево-чево, машина-то не своя, еле вырвался, я уж и так, и эдак. Садись. А вы в кузов прыгайте. Счас слетаем. Не машина - ласточка.

Повидавшая виды полуторка, гремя бортами, поднимая пыль, подпрыгивая на кочках, весело побежала к Суре. А из кабины слышались слова песни: «Мы вели машины, объезжая мины, вёл машину фронтной шофёр!»

В кабине, несмотря на отсутствие стекла дверки, чувствовался запах спиртного.

- Юрка, ты чо, дербалызнул, что ли? - спросил Виктор, сидевший с ним кабине.

- Да так, чуть-чуть, устал, как собака. Оборвали мне всю мою нервную паутину. Одна машина на всю контору. Юрка сюда, Юрка туда. Я же не железный, а железо и то устаёт...

Переехали сурной мост. Полуторку затрясло по гати, в её весёлых звуках появились жалобные нотки. После третьего моста через озёра машина нырнула с насыпи, выехала на поляну. Здесь кое-где были небольшие лужи. Углубились в лес. И вдруг дорогу перегородило упавшее дерево. Песня оборвалась.

- Это называется - лесопривал, - сострил Юрка. - Но ничего, у меня в кузове есть топор дровосека и устройство «тебе-мне».

- Это чо такое? - не понял Виктор.

- Пила, вот что это. Пошли дорогу чистить.

Пока убрали дерево, стемнело.

- Ничего, долетим, - заверил Юрка. Завёл машину и включил свет. На первом дрыжке сначала погасла правая фара, потом левая. Юрка остановился, выскочил из кабины и стал отвешивать фарам довольно внушительные оплеухи. Правая поддалась «ре-

монтажу», но светила не очень ярко. Юрка нырнул в кабину.

- Контакты, мать иху, ну как-нибудь доедем. С левой стороны дорогу было видно плохо. Колея стала глубже. И Юрка открыл дверь, сбавил скорость и стал при надобности заглядывать в колею. В темноте стояли притихшие деревья. Лесная тишина приглушала звук мотора. И вдруг среди этой тишины раздался пронзительный вопль:

- Ребята, за что? Ребята, за что? - и удаляющийся треск сломанных сучьев, как будто по лесу бежал сильный и крупный зверь. Мотор заглох. Погас свет фары. Только некоторое время всхлипывала приоткрытая дверь. Всё молчало. Мишка с Лёнкой в кузове ожили первыми.

- Витёк, чо случилось?!

- Не знаю, - заикаясь, выдохнул Виктор, контуженный воплем Юрки. - Заорал «за что?!» - и в лес.

- И чо это с ним? Вот те и слетали. Вот и шофёр - лейтенант. Они долго обсуждали случившееся, но так и не могли понять, что произошло, и оставались в полном недоумении. Время шло. Надо было что-то делать. Витька забрался в кузов к друзьям. Они решили кричать, звать Юрку. Кричали хором:

- Юрка! Ты где?! Иди к нам! Что случилось?!

Но лес молчал. Время шло. Вдруг неподалёку - шорох.

- Юрка, ты?

- Я. Вы за што меня по башке шарахнули?

- Кто? Мы? По какой башке?

- По такой, вот смотрите. Кто-то из ребят зажёг спичку, и все увидели, что голова у Юрки разбита. С левой стороны виднелись огромная шишка и рана, из которой сочилась кровь. Лицо тоже было перепачкано кровью.

- А кто же это тогда меня?

- Слушай, а может, ты, когда бежал по лесу, башкой в дерево врезался?

- Да нет.

Все спрыгнули с кузова на землю. Лёнька, нагнувшись, вы-

свечивая спичками, что-то рассматривал в колее под передним левым колесом.

- Так, понятно! Свет надо налаживать и дверку не открывать. Хотя ты сейчас вообще без света должен ездить, Юрок.

- Как без света?

- Ну да, после того, как тебя шарахнуло, долго искры в глазах будут, будешь видеть ночью, как днём.

- Да, вам бы так! Не пойму, кто же это меня?

- Кто-кто, машина твоя, - сказал Лёнька. - Ты дверь-то открыл, башку высунул, так?

- Ну.

- В колее лежала вот эта дубина. Ты колесом наехал, она сломалась и стрельнула, ладно, не убило.

- А мне показалось, это вы меня. Я долго лежал в лесу, всё думал - за што? Потом подкрался к вам послушал, думаю - не вы. Ну вот и долетели... Ну вы, мужики, больше-то никому... А пузырь-то где? Давайте костёр разведём и грамм по пять. Я отойду немного, свет наладим ну и помчимся. Лады?

ВЕСЁЛЫЕ СЛЁЗЫ ВОЙНЫ

Многое мы слышали о войне и разное. Некоторые, побывав в этом аду и каким-то только, наверное, Богу известным образом выжившие, вспоминая о фронте, постоянно говорили: «Вот я!». Часто в рассказе звучало: «Я командую, я приказываю, я говорю, я делаю». Другие молчали и даже на вопросы, за что

получил награды, отвечали: «Дали приказ, выполнил, просто, наверное, повезло». А некоторые молчали и пили, заглушая только им известную боль.

А в общем, много душ война выковала на свой лад. Иные, а их было очень и очень мало, попросту их было единицы, рассказывали о войне по-своему, так, как только они могли и никто другой. Это уж был особый талант.

...Он появился в нашем посёлке не сразу после войны. Привёз с собой жену и детей. Устроился в школу преподавать военное дело и физкультуру, а потом гражданскую оборону. Фамилия его была очень звучная - Мацкевич. Был он по характеру незлой, невредный, незлопамятный, в общем, как говорят, мужик нормальный. Геннадий Иванович - так звали учителя. Чуть выше среднего роста. Крепкого телосложения. В фигуре просматривалась военная выправка. Продолговатое лицо с немного выступающей вперёд нижней челюстью, чуть длинноватый прямой нос, припухлые губы, пышная шевелюра тёмных слегка вьющихся седеющих волос, тёмные густые брови, а под ними спокойные, ясные, невинные глаза, обращённые хитроватым взглядом немного в себя. В то время было не совсем принято надевать по торжественным случаям все свои боевые награды, но мы знали, что Геннадий Иванович - фронтовик, защитник Родины.

Говорил он с явным акцентом, подчёркивая твёрдое «эр». Иногда выдавал интересную тираду: «Возьмём мокрую тряпку и мокрой тряпкой проведём по голому бруху». И становилось ясно, что он точно «берорус», как он говорил. Правда, в других случаях, наоборот, менял твёрдое «эр» на мягкое. Вообще трудно было понять, из каких он мест. Стоило кому-то заговорить о каком-то городе, посёлке, о какой-то местности, он сразу перехватывал инициативу и начинал рассказывать, что он там был, жил или воевал, или, по крайней мере, проезжал, и приводил такие факты и подробности, что приходилось вежливо улыбаться, скромно и понимающе молчать или растерянно поддакивать.

Живой походкой он передвигался по школе, и многие ученики успевали пообщаться с ним ещё до урока, в коридоре. Он вдруг резко останавливался перед каким-то старшеклассником, вольготно стоявшим с засунутыми в карманы брюк руками. Вначале он молча протягивал руку, как бы прося чего-то. Ученик непонимающе смотрел на учителя, затем начинал озираться по сторонам. Тогда, дождавшись нужного эффекта, Геннадий Иванович, говорил: «Дай!» Ученик непонимающе бормотал: «Чего?» - «Дай! Говорю!» - «Чего?» - «А что у тебя в карманах?» - «Да нет у меня ничего!» - «Как нет?» - «Нет!» - «А что рюки в карманах держишь?»

Немая сцена. Военрук, что поделаешь. Геннадий Иванович, довольный проделанной воспитательной работой, шёл дальше. И вдруг видел компанию старшеклассников в дали коридора - кто-то из них тоже держал руки в карманах. Он вновь останавливался и, сгибая палец, начинал подзывать компанию к себе. Те наперебой спрашивали: «Ково?», «Меня?..», «Меня?..», «Меня?» И когда отвечал нужный ученик, говорил: «Тебя, тебя!» Тот, вынув руки из карманов брюк, подходил к нему. Тем временем Геннадий Иванович, достав ключ, протягивал ученику. Тот с удивлением спрашивал: «Зачем?» - «Возьми!» - «Зачем?» - «Возьми, карманы закрывать будешь!»

Он был неповторимый, неподражаемый рассказчик, и многие произведения его «устного творчества», его шедевры ходили среди учеников и учителей. Многие выпускники, разные поколения, это уж точно, с улыбкой вспоминают этого учителя, его уроки и общение с ним. Знания во все времена, конечно, на первом месте - «учиться, учиться и учиться». Но ученика испокон века не интересовало и, я уверен, никогда не будет интересоваться, по какой системе его будут учить, по какой методике, а вот если интересно, тогда да, и если свободно и на душе «не жмёт», то ради Бога.

Рассказы Геннадия Ивановича живы в учениках того времени, хотя учителя давно нет. И если при встрече в группе солидных седоволосых людей, вспоминающих школьные годы,

слышен громкий хохот, будьте уверены: они вспоминают истории, выданные военруком.

- А помнишь его самое знаменитое? «Пошли мы в атаку. Кругом взрывы. Одному голову оторвало, а он ещё сто метров бежал и ура кричал!»

- Ну как же. Разве такое забудешь.

- А нам он рассказывал тоже: пошли в атаку, ворвались в окопы. Врукопашную. Геннадий Иванович говорит: «Схватился я с немцем. Здоровенный, рыжий. Я чем его только... Ни в какую. Потом потерял сознание. Очнулся, немец рядом мёртвый. А у меня в руках его пистолет. Хотел встать - не могу. Ранило. Стал звать на помощь - никого. Все ушли вперёд. Ну что, думаю, надо ползти. А холодно, снег! Полз-полз, смотрю деревня. Подполз к крайнему дому, заполз на крыльцо, постучал в дверь. Потерял сознание и свалился в траву».

- А вот ещё: «Бежим в атаку. А со мной рядом майор. Ну, как положено, кричим ура. Вокруг взрывы. Как рвануло. Очнулся. Глаза открываю. Рядом майор лежит. Совершенно голый. И ни одной царапины. Живой. Стонет. Контузило. Посмотрел вверх. Рядом дерево. А на нём его гимнастёрка, брюки, кальсоны, в общем, всё обмундирование. И всё в клочья. А на нём ни царапины».

И вновь дружный гогот.

- Про аэродром помните? «Идём мы, - говорит, - с другом по тропинке. Он впереди, я отстал. Рядом аэродром. Бомбардировщики там разные, и бомба лежит. Наверно, с тонну весом. Ну друг возьми и пинни её по стабилизатору. От друга ничего не осталось. И ров - три метра глубиной и триста длиной»

Кто-то уже от смеха утирает слёзы.

Слушайте ещё. «Зима, - говорит. - Снег. Мы в фуфайках, в валенках. Пошли в атаку. И вдруг пулемёт. Меня очередью подкосило. Короче, ранило. Лежу, кровью истекаю. Ползёт санитарка и прямо ко мне. Спрашивает: живой? Говорю: да. Она меня прямо поверх фуфайки забинтовала и потащила. А кругом

пули, как пчёлы, рой. Ну ничего, вытащила. Меня - на машину и в город, в госпиталь. Сразу в операционную. Бинты и фуфайку разрезали. Поставили на ноги. Доктор говорит: вздохни. Я вздохнул, а у меня кровь из одной раны на два метра, а из другой - на три метра как сикнёт! А ранило-то в живот. Хирург говорит: на стол. Стали пули искать. Искали-искали, не найдут, и всё. Заштопали, забинтовали - и в палату. День лежу, другой, неделю. Легче стало. Есть начал. В туалет захотел. Встал и потихоньку дошёл. Сижу и никак не могу нужду справить. Вдруг слышу: «тук», потом, малость погода, опять «тук, тук». И что вы думаете? Пули!».

После этого воспоминания все уже задыхались от смеха.

- Слушайте, - вдруг говорил кто-то, - а вот об этом написать бы.

- Не поверит ведь никто. Да и не напечатают.

- Жаль...

МАЧО

- Нет, ты Расскажи, как встречал Новый год в школе! В юности далёкой! Каким был ты мачо! Каким рыцарем! - просила Виктора жена Ирина за праздничным столом. При этом глаза её загорались зелёным огнём, как у хищника, который решил поиграть с пойманной добычей.

- Ну, Ирина, я же тебе рассказывал.

- Нет, ты всем Расскажи. Пусть послушают и оценят.

- Правда-правда, Расскажи, - зашумели за столом.

- Да ничего особенного. Дружил я с девчонками с нижней улицы. Иногда провожал их домой. Да, провожал! Что ты на меня так смотришь? Вот однажды, за неделю до Нового года, вечером одна из них приглашает нас к себе домой в гости. Предков, говорит, нет. Да ты не улыбайся, всех приглашает, не меня одного. Ну сидим, чай пьём, в карты играем. Смех, шум. Вдруг за окном какой-то крик. Я только разобрал: «Выходи!» Всё ясно, думаю, морду бить будут. Девчонки переглянулись, притихли. Потом пошептались и говорят:

- Ты, Вить, не выходи, их там, наверно, много, это наши, зареченские. Мы сами с ними поговорим.

Минут через десять стало ясно: переговоры ничего не дали.

- Вить, ты оставайся. Родители вернутся - тебя проводят.

- Ну да, как же, кем я тогда в глазах девчонок буду? Что же делать? - думаю. - А много их там?

- Пять человек. Вовка у них там командует, ты его знаешь.

Как не знать, с ним одним и то трудно справиться. Может, огородами?

Снегу много, да и бежать не знаю куда, да в глазах девчонок это не то.

- Так, девочки, пошли во двор, там у вас дырн какой-нибудь есть? Ну палка поздоровей.

- Вить, а они тоже с палками.

- Ничего, пошли. Я возьму дырн, разбегусь, вы открывайте дверь шире, и когда я заору, вы тоже орите что есть мочи. По-няли?

Со страшным воплем я вырвался на улицу, задел кого-то

дрыном, сам получил по хребту и почесал вдоль домов со скоростью приличного рысака. Преследовать меня начали поздно, я уже нёсся по переулку, затем по улице к большой дороге, к заветному перекрёстку - негласной границе, которую зареченцы не могли так легко пересечь.

Но это ещё не всё. На новогоднем балу в школе я вновь встретился с Вовкой и его друзьями и, когда я проходил мимо, услышал: «Витёк, ты что-то в гости больше не ходишь!»

- Ты давай короче, Виктор, старый год провожать надо, - раздалось за столом.

- Ну так вот, короче. Вышли мы с Вовкой за школу, и началась битва. Всё по-честному, всё по правилам, как говорят: рефери (судьи) в зале, рефери (судьи) на ринге. Бились-бились, устали, на ногах не стоим, а победителя нет. Ребята кричат: «Хорош, в новом году победителя выявите, замёрзли все, и вообще - хорош».

Пошли в школу. И кто-то по дороге предлагает: «Слушайте, а пусть они в коридоре, ну там, где отгорожено, разбегутся и лбами стукнутся, кто не устоит на ногах - тот проиграл». Отошли мы в затемнённую отгороженную часть коридора. Дверь открыли, чтобы было немного светлей. По команде мы побежали друг на друга, наклонив головы. И надо же в этот миг появиться директору школы. Кто-то тотчас закрывает дверь. И говорит: «Здрасте, Михаил Иванович. С наступающим Новым годом!» А в это время в абсолютной темноте мы, как два разъярённых быка, проносимся мимо друг друга, и Вовка бьёт головой в дверь, а я в стену. Дверь с грохотом падает с лежащим на ней Вовкой, на лбу у него растёт огромный лиловый рог. «Володя, - узнав его, говорит директор, - ты не торопись так, к Новому году успеешь. А там кто? Виктор, а ты что здесь делаешь? Сквозь стену пройти хочешь?»

- Ну вот, видите, что делает любовь с мужчинами, - говорит с грустью Ирина.

- А я предлагаю тост, - говорит симпатичная блондинка за столом. - Чтобы в новом году было больше настоящих мужчин с крепкими головами, - и бросает нежный взгляд на Виктора.

СЕКВЕСТР

Дед уставшей походкой семенил к дому после ночного дежурства. Он часто вспоминал, что должен бы жить при коммунизме, который он строил. Но, видно, плохо строил. Вроде бы и не воровал, и шагал вместе со всеми. А вот те на, всё повернулось, как после сильного похмелья, когда с трудом определяешь, где пол, а где потолок. Опять куда-то повели или повезли, но только уж в другую сторону, в обратную. «Вот и приходится на пенсии подрабатывать. А куда деваться? То какой-то «деф-ролт», то кризис, ну, в общем, это когда у них пей - не хочу, а у нас на пиво не хватает. Хе-хе-хе. Да ну её на хрен, всю эту политику хитропопую. Щас приду, зубы прилажу, пожую, чайку попью цветочного с вареньем... Бабуля, наверно, всё пригостила. Она у меня деловая, заботливая. Отосплюсь, а после обеда - на рыбалку. Правда, она теперь не как в те времена, когда вода была слаще. Одним словом - «экология».

Так в дедовой голове крутились по-своему, по-простому нехитрые мысли. Они даже нравились ему, и от этого на душе становилось чуть веселее. Он дошёл до перекрёстка. Ему надо было пересечь главную улицу почти в центре посёлка. Раньше его называли рабочим посёлком, а ещё совсем здорово - посёлком городского типа. Во как, не меньше. Но при новой жизни многие предприятия «лопнули», и рабочих поубавилось. А вот магазинов здорово прибавилось. Чего только не продают, были бы деньги. «Тыфу ты! Опять деньги. Помешались все на деньгах. Душу, и ту готовы продать».

Вдруг из-за угла разлилась вокруг него огромная стая собак разных пород, мастей и калибра, штук двадцать, не меньше. «Собачья свадьба» - мелькнуло в голове деда. Он невольно взмахнул рукой, отпугивая свору. И это была его промашка. Кобели, бросив ритуал обхаживания, набросились на деда. Вот тут он и пожалел о забытом склерозной головой верном оружии - лыжной палке. Он отбивался, как старый, больной,

ослабевший лев. Спасали ватная куртка и штаны. Он в очередной раз дал пинка здоровому кобелю, особо сильно надававшему на него и, не удержавшись на ногах, упал на подтаявший снег. «Ну всё, - подумал дед, - загрызут», - и закрыл голову руками.

Мимо пронёсся автомобиль. Дед сквозь лай своры услышал звук затормозивших на асфальте колёс. Машина дала задний ход. Открылась дверь крутого внедорожника, и дед услышал негромкие хлопки и визг разбежавшихся собак, а потом голос:

- Ну что, дед, крути механизм. Вставай на копыта. Живой, что ли?

Дед вначале встал на четвереньки. Мотнул головой, стряхивая с лица прилипший грязный снег. Поднялся и поправил на голове сдвинутую шапку. Затем внимательно посмотрел на спасителя, который убирал в бардачок, как потом понял дед, пневматический пистолет.

- Как, дед? Собаки тебе секвестр не сделали?

- Чево-чево? Какой ещё секестр? Чо, русских слов, што ли, нет? Или сел не иномарку и забыл?

- Да я спрашиваю, ничего не откусили? Бабку не обидели?

- Знаешь, это ты свой секестр береги. Понял? - обиделся дед. Он повернулся и хотел уйти, но передумал и сказал:

- Ну а за то, што выручил, спасибо. А то ведь сейчас ваш брат и не глядит. А эта игрушка дорогая, што ли? Ну из которой ты по собакам палил.

- Да нет. А что, дед, надо тебе?

- Нет. Палка надёжней. Вот на грех забыл.

- Ладно, дед, гарцуй домой. Чао.

- Тьфу ты. Весь язык исковеркали.

И, махнув рукой, дед пошёл дальше. Он шёл своим переулком, и его настроение, так-то не очень весёлое, совсем испортилось от того, что с ним приключилось. Дед как-то невольно вспомнил детство, когда он жил в родительском доме. Те далёкие годы, трудные, но такие безумно светлые. Тогда люди ещё

не отгораживались друг от друга заборами, и, выйдя из дома, можно было видеть улицу, огороды и соседние дворы. Увидев что-то интересное, свободно пойти и посмотреть.

И вот однажды рядом со своим домом, во дворе маленького домишка, больше похожего на баню, где проживала большая семья, он увидел Саку. Все звали его так. Вообще-то имя у него было Саша, но когда он был маленьким, то плохо и непонятно говорил и на вопрос «Как тебя зовут?» отвечал: «Сака». Да и когда он вырос, речь его осталась довольно своеобразной. Детство его выпало на годы войны. Он нигде никогда не учился и потому был абсолютно неграмотный. Но он был страстным охотником и рыбаком и, надо сказать, очень удачливым. А это давало большой семье одну из возможностей к существованию. Дед вспомнил, как за сданную пушнину Саке дали премию - наручные часы. В то время это было что-то. Все приставали к нему: «Скажи, сколько время?». На это Сака важно засучивал рукав, долго и внимательно смотрел на часы и говорил: «Стхелка на стхелку захезла». Это вызывало неистовый смех. А Сака был доволен, хитровато улыбался и наверняка думал про себя: «Смейтесь, смейтесь, а у вас часов-то нет».

В тот день, вспоминал дед, Сака вернулся с рыбалки. Он вынес и перебирал во дворе больших красных карасей, которые на солнце блестели чешуёй. Дед всё помнил, как будто это было вчера. Тогда ему захотелось посмотреть улов поближе, и он направился напрямки через огороды. Вдруг из соседнего сарая, крытого соломой, выскочила небольшая собачонка и яростно набросилась на него. Она повалила его на землю и начала кусать. Если бы не Сака, трудно сказать, что было бы дальше. Но собаки страшно боялись Саку, на каком-то инстинктивном, им только понятном уровне. А бояться было чего. Каждый год по заданию местных властей и заготконторы Сака регулярно отстреливал бродячих собак из своего старенького, но верного ружья. Он ходил по улицам посёлка, а за ним двигалась повозка, в которую собирали убитых собак. Ничто не могло оста-

новить Саку - ни ругань, ни угрозы односельчан. Он никогда и никого не боялся и строго выполнял данное ему поручение. Хлеб-то надо было зарабатывать.

Вдруг, оборвав воспоминания, дед встал как вкопанный. Вначале он не поверил, подумал, послышалось, но нет. Ребятишки лет, чай, по девять, не больше, мальчишки и девчонки, шли в школу, бросались снегом, и в воздухе летали не только снежки, но и отборные матерные слова. Опомнившись, дед решил навести порядок.

- Вы чево это? Сейчас уши надеру.

Ругательства смолкли, и один симпатичный мальчуган с раскрасневшейся рожцей спокойно и нагло вато сказал:

- Щас. Обкакаешься, дед. Понял?

Все засмеялись и убежали. Дед был сражён. Ему сделалось не по себе. «Это надо?!. Если бы в наше время! А?!». Он не успел завершить свои мысли, навстречу шли ребята постарше. В руках у них тоже были снежки. Они подбрасывали их в воздух, ловили, замахивались друг на друга, но не бросали. «Эти, чай, поумней, што ли, те ведь глупые ещё», - подумал дед. Но, не доходя до ребят, он вдруг услышал:

- Слушай, братва, давай деду между фар снежком врубим?

- Давай, - подхватил другой. - А я на сотик сниму. - И, поняв, что дед слышит их, «геройски» добавил: - Ну чо, дед, вьехал? Чо жабрами водишь?

Нет, они ничего не сделали ему. Они прошли мимо, упражняясь в блатном жаргоне, таком несопоставимом с красивейшим русским языком. За ними проплыл аромат дорогих сигарет, купленных на незаработанные деньги.

Дед был окончательно раздавлен и унижен. Он с трудом добрался до дома. Жена, открыв ему дверь, сразу поняла: что-то произошло.

- Да што случилось? На тебе лица нет.

- А-а... Ничево... Сердечко што-то прихватило... Дай, лекарства хвачу...

Бабка захлопотала вокруг мужа.

- Может, поешь?

- Не... Не буду пока. Отдохну, полежу...

Он прилёг и стал успокаивать себя: «Да што это я? И на кой они мне сдались?» Понемногу дед пришёл в себя. Через некоторое время даже задремал. Как въявь, пришли видения. Ему виделись улицы, по которым бегали стаи собак. Они лаяли, страшно и злобно рычали, оскаливая огромные пасти, кусали друг друга и пронзительно визжали. Потом стали появляться монстры с туловищами людей и головами собак. Они вытворяли что-то ужасное. Они жгли и взрывали дома и машины. Стреляли, резали друг друга. Они разговаривали друг с другом лаем, попеременно с непонятными словами. Деду привиделось, что кто-то ломится в его дом. Он заорал, как взрывной волной, его подбросило в кровати. Он проснулся весь в холодном поту. Прибежала бабка, засуетилась:

- Да што с тобой?

- Ерунда какая-то привиделась, мать её за ногу... Нервы.

- Может, поешь?

- Нет.

- Телевизор тогда посмотри... А мне тут сходить надо ненадолго.

Бабка оделась и ушла. Дед прошёлся по квартире. Посмотрел на градусник за окошком: «Весна. Скоро вовсе тепло будет. Снег растает. Летом-то намного веселей. Ну-ка, чо там по телику?» Он включил телевизор. Шёл иностранный боевик - мордобой, стрельба, насилие. Дед переключил на другой канал. Там в подробностях ограбление. «Што ты будешь делать. Словно показать больше нечево». Он перещелкнул снова и прислушался. Диктор говорил про Америку. Что-то о казни на электрическом стуле. А в это время за окном по дороге с лаем двигалась свора собак. Дед взглянул в окно и сразу узнал обидчиков. И так в нём всё заиграло!

- Щас я вам устрою сикестр.

Он ринулся в чулан. Нашёл длинную переноску. Оторвал розетку и оставил только вилку. Вместо розетки он быстро приладил к проводам два гвоздя. Схватил кусок мяса, приготовленный бабкой для щей, и воткнул в него гвозди. Открыл форточку, просунул мясо - и бегом на улицу. Он положил кусок ближе к дороге, всё время приговаривая: «Будет вам сикестр». Так же бегом он вернулся домой и с вилкой в руках уселся у окна рядом с розеткой. И стал ждать.

Собака, пробежавшая по другой стороне переуллка, вдруг остановилась и начала принюхиваться. Дед напрягся. И вот собака подбежала и схватила мясо. Дед тут же включил электричество. Собака так скакнула ввысь, как ей никогда не приходилось. Кусок выпал из пасти, она сделала переворот через голову и рухнула на дорогу. Дед подумал: «Ну всё, кранты ей». Но нет, через некоторое время собака очухалась, села и непонимающе посмотрела по сторонам. Потом увидела мясо. Протянула к нему лапу, но вдруг, что-то вспомнив, остановилась, помахав лапой, подняла морду к небу и завывала. Это привлекло другую собаку. И всё повторилось. И вскоре почти вся свора «перепробовала» мясо. Собаки сидели вокруг куска, внимательно, с недоумением смотрели на него, поднимали морды и выли. Дед, увлечённый экзекуцией, не заметил, как вошла бабка.

- И чево это ты, старый, удумал? С ума, што ли, сошёл? А? Чо люди-то скажут?

Деда словно самого токомшибануло от этих слов.

- А ну давай, сматывай свою удочку... Чево удумал? А?

Сматывая провод, дед виновато пробурчал:

И вправду, помутнение какое-то нашло.

ЧИБИС

Герка долго и внимательно присматривался к мужику, стоявшему на перроне. Что-то давно знакомое было в нём. Такое далёкое, что уходило в самые уголки памяти его детства. Кто? Кто? Ну кто же? Эти карие грустные глаза в узких щёлочках век, смотрящие на убегающие вдаль рельсы. Эти тёмные прямые волосы, чёлкой спадающие на лоб. Чёрные брови, прямой нос с чуть раздутыми ноздрями. Тонкие плотно сжатые губы и смуглая кожа. Ну кто? Герка, боясь ошибиться, с какой-то сладкой болью начал трясти прошлое. И вдруг в его совсем немusикальной голове зазвучало: «У дороги чибис, у дороги чибис, он кричит, волнуется, чудак...» «Неужели он? Женька? А фамилия? Да какая фамилия. Его все звали Чибис, и моя мать, и отец, да и вся школа».

Как в цветной сладкий сон, раскрашенный всеми цветами радуги, нырнула Геркина душа в воспоминания. Он вспомнил начальную, или Красную, школу. Называли её так за то, что, будучи построена деревянной, она была потом облицована красным кирпичом. Герке всегда было приятно вспоминать, что в Москве есть Красная площадь, а в его маленьком посёлке - Красная школа. А здорово ведь! А?! И совсем здорово, что в ней учились его отец и дед. И, как все, Герка, конечно, помнил свою первую учительницу, Анну Васильевну. Она из того времени, когда к учителю относились с настоящим уважением. Она всегда была подчёркнуто просто и аккуратно одета. А её красивая речь напоминала Герке звуки весенних ручьёв под тёплым и ласковым солнцем. Правда, бывало, набегали и тучи, погромыхивал гром. Но как же без справедливой строгости.

У Герки был самый большой и светлый класс на восточной стороне. Три ряда старинных парт с ящиками и откидывающимися крышками, которые порой так предательски громыхали. А вот ящики были удобны и вместительны. Туда много чего могло поместиться: портфель или сумка, мешочек с завтраком,

мешочек с чернильницей, а порой и рогатка. Особым шиком считалась кирзовая полевая сумка, но многие ходили с тряпичными. Больших хлопот доставлял мешочек с чернильницей. Она ведь только называлась «непроливайка».

Герке нравилось ходить в школу. Шёл он туда порой с разными чувствами, но всё-таки в конечном счёте с удовольствием. Выйдя из дома, вначале немного проходил по своей улице вдоль волнистого штакетника парка, потом поворачивал направо и шёл другой улицей, мимо всё того же парка. Здесь раньше стояли деревянные дома священнослужителей, и место называлось Попов порядок. Дома эти сгорели во время сильного пожара. С левой стороны на Герку смотрели развалины, а раньше здесь была красавица церковь. Рядом, в уцелевшем домике-складе, где раньше хранили пожертвования прихожан, располагалась пожарка. Со временем к дому приладили сруб - второй этаж, а на него - высокую деревянную вышку со смотровой площадкой. В развалинах церкви соорудили гаражи для пожарных машин и конюшни для лошадей. На месте входа в церковь стояли скособооченные ворота. Герка шёл вдоль парка и огибал выступ деревянной изгороди, где на каменном постаменте возвышался памятник вождю пролетариата Владимиру Ильичу Ленину (это Герка знал с раннего детства). Ленин указывал вытянутой рукой на восток, на восход солнца, на восход новой эры. Но Герке иногда казалось, особенно в тёплые весенние дни, когда так уже не хотелось идти в школу, что он указывает на речку, на её золотые пески.

Дальше он проходил мимо деревянной трибуны. В праздничные дни, Первого мая и Седьмого ноября, сюда на площадь колоннами от различных организаций сходил народ. Играл духовой оркестр. С трибуны выступали. Громко говорили речи. Народ хлопал в ладоши, высоко поднимал флаги и транспаранты. Потом под музыку оркестра, а иногда железного громкоговорителя, «колокола», издававшего вместе с музыкой треск и шипение, люди расходились по организациям и домам и там

продолжали празднование. Напротив трибуны, на другой стороне площади, находилось здание РДК - районного Дома культуры. С высоты птичьего полёта да и с пожарной вышки оно походило на букву Т. Раньше его называли - Народный дом. В нём проходили концерты, конференции, крупные собрания. Это, как говорили, был очаг культуры. В выходные по вечерам там были танцы. Дальше Герка шёл мимо Госбанка, который располагался в каменном доме рядом с парком. В этом доме когда-то жил поп. Отец говорил, что в подвале под домом хранили деньги. Но Герку интересовало другое: иногда из дверей выходил молодой мужчина в странной для этих мест шапке-кубанке, в кителе, брюках галифе и надраенных до зеркального блеска хромовых сапогах, но, самое главное, у него на поясе в кобуре - настоящий наган. Тут приходилось немного притормозить.

А дальше Герка, конечно, смотрел налево, а там, там было кино, киношка. Да что там говорить - что это такое было в то время! В то время надо было жить... Вначале в этом старинном здании размещались торговые лавки, потом соляные склады, а уж потом - кинотеатр. Когда Герка не мог сам прочесть афишу, он кого-то спрашивал: «А сегодня детский фильм есть?» За десять копеек - полтора часа счастья! Десять копеек, два литра керосина. В керосиновой лампе за месяц не спалишь. Они, десять копеек, в то время на дороге не валялись.

И вот справа - центр посёлка, центр района, а для Герки это был чуть ли не центр земли. Ему казалось, что всё вращается вокруг вот этого красивого двухэтажного здания на углу. Могли же раньше эти богачи строить, и было на что. Здесь расположились райком КПСС и райполком. Тут, если повезёт, и машины можно было увидеть, «Победу» или вездеход-«лягушку». А где ты больше их увидишь? Геркин отец с большим уважением и даже, как казалось сыну, с лёгкой боязнью говорил иногда о райкоме, а если ругал, то плотно закрывал двери. Мать говорила, в тюрьме сидел. Научили.

В здание деловито входили и выходили люди, иногда до-

вольно быстро. Герка бывал в этом здании с отцом, на первом этаже там находилась партбиблиотека. Строгую таинственность наводило оно на Герку. А напротив был Дом пионеров. Туда Герка ходил часто, даже ещё не будучи пионером. Там было интересно.

С разными детскими мыслями, блуждавшими в его голове, он продолжал шествовать в школу. На его пути попадались ещё очень знакомые и интересные места. Вот, например, керосиновый ларёк - каменный подвал, в котором торговали керосином, без него ни одна семья в посёлке не могла обходиться. С утра здесь порой толпилась очередь. Рядом в каменном приземистом одноэтажном здании располагался нарсуд. Сюда, Герка видел, иногда милиция приводила людей. Как ему казалось, страшных преступников. А раньше это здание было двухэтажным, и в нём находилась аптека. В общем, здесь всегда «лечили» людей, но только по-разному.

До Красной школы оставалось рукой подать. Герка переходил «гать», «большую дорогу», мощённую камнем, и шагал мимо старого, большого, красивого, двухэтажного купеческого дома. Порой глядел на крышу и на круглые окна чердака и соображал, где же это там во время какого-то «чапанного восстания» стояли пулемёты. Теперь здесь живут студенты. Общага техникума молочной промышленности, приехали со всей страны. А вон там, говорят, собор строили, до самых куполов почти уже возвели. А сейчас нет ничего, как корова языком слизнула. Только вон там - огромный деревянный чан для воды на случай пожара.

Целых четыре года пришлось Герке топтать дорогу по этим местам, дорогу к знаниям. Было у него много друзей. Учился он легко и свободно. Но один предмет крепко засел в его душе. Это было чистописание. Вырванные листки из тетради, новые тетради, ошибки, кляксы от чернил, эти нажимы, перья, ручки. По сто раз переписанные слова и предложения. Пот и слёзы. Вот что такое было чистописание.

А самое приятное - это были утренники, а на них, особенно, подарки. К утренникам готовились выступления. И тогда большой класс превращался в зал. Однажды среди сценок, стихов и вокала Герка услышал одну песню. Пели тогда без всякой музыки. Пел её какой-то смуглый мальчишка, года на два или три старше его, и как пел! Все невольно притихли.

«Мы друзья пернатых, мы твоих, твоих не тронем чибисят»... - звенел его голос в просторном классе. Когда он закончил петь, ему все так громко хлопали! Учителя одобрительно кивали головами. Многие из ребятишек, наверное, в этот момент завидовали певцу. Герка толкнул в бок сидевшего рядом друга и спросил:

- Кто это? Тот ответил:

- Женька.

- Какой Женька?

- Женька Чибис. Какой-какой, из детдома. Так его прозвали.

Он часто эту песню поёт.

Герка знал, что в посёлке есть детдом. Туда из многих мест свезли детей военной и послевоенной поры, оставшихся без родных и близких, порой вволю хлебнувших беспризорной жизни.

При детдоме была своя школа, но некоторые ребята учились в Красной и в семилетке. Их было немного. Они были дружны, держались независимо. В обиду себя не давали. И зазря никого не обижали. Чего греха таить, ведь мимо детдома некоторые местные ребятишки побаивались ходить. Там могли поймать и наказать или, позавидовав на чужую, отнять.

- Слышь, а здорово поёт! - сказал Герка другу.

- Ахга, нормально, - ответил тот. Но знакомство с Женькой Чибисом на этом не закончилось. Однажды отец пришёл домой на обед не один. Мать позвала Герку:

- Иди, познакомься, отец тебе друга привёл. И когда Герка из передней комнаты вышел в заднюю, то увидел отца, а впереди него - мальчишку. Он сразу узнал его. Это был Женька.

- Ну вот, - сказал отец, - знакомься, это Женя.
- А я его знаю. Он в нашей школе учится, - сказал Герка.
- Ну вот и хорошо. Мать, давай корми нас обедом. Женя, проходи, садись.

С этого дня Женька стал приходить к Герке. Не сказать, чтобы очень часто, в общем, когда хотел, ведь в душе он был вольной птицей. Мать кормила их. Потом они играли. К удивлению всех, Женька был спокойным. И как бы им ни было весело в игре, всё равно где-то там, в самой глубине его тёмных глаз, таилась чуть заметная грусть. Когда Женька уходил, Геркина мать давала ему что-то с собой.

- Возьми. Друзей там угостишь, - говорила она.

Как-то она стала расспрашивать отца, как он познакомился с Женькой.

- Да иду я как-то мимо детдома, смотрю: стоит мальчишка. И вдруг он ко мне: «Дяденька, дай денег на тетрадку». Ну, думаю, нет. Ты ведь, друг, пойдёшь и на базаре махорки купишь. Я ему говорю: «Пошли со мной». «А это ещё куда?» «На работу», - говорю, - «там я тебе и тетрадей, и ручку, и карандашей, и перьев, и стёрку дам». Ну вот, пошёл он со мной. Мы ему там всё собрали. Кто-то ещё сахару дал. Смотрим, он повеселел. «А хотите, я вам спою?» - говорит. «Ну что же, - говорим, - давай». И он запел. Да как запел, мурашки по коже. Женщины у нас некоторые даже прослезились. Вот так.

- Я даже знаю, какую песню он пел, - перебил отца Герка. - Про чибиса.

- Точно! А ты откуда знаешь?

- Это его любимая песня. Он её и в школе поёт. Его за это Чибисом прозвали.

- Прозвали. Ты вот учись тоже, - сказал отец.

- А чо, и я спою, - сказал Герка.

- Спою. Лемешев! - подтрунил отец.

Герка засопел и ничего не ответил.

- Ну вот, стал он к нам на работу приходить. Я думаю, дай с

Геркой познакомлю. Да придёт, поест хоть домашнего. Надоели, чай, казённые харчи.

- Ну и правильно, - сказала мать. - А он вправду, на какую-то птичку похож. А глаза всё время грустные.

Герке здорово засели в голову слова отца. Он решил спросить учителя.

- Анна Васильевна, а кто такой Лемешев?

- Это, Гера, очень знаменитый певец. Его часто по радио передают. У вас есть радио? Ну вот и послушай.

И теперь Герка стал внимательно следить за передачами. А когда оставался в доме один, то что есть мочи «помогал» певцу. Ему казалось, получается нормально. И вот Герка решился. Он подошёл к учителю:

- Анна Васильевна, а можно я на утреннике спою?

Учительница с некоторым удивлением посмотрела на Герку. На уроках пения она не замечала за ним особых музыкальных данных, скорее напротив. Однако она сказала:

- Ну что же. А что ты будешь петь?

- Не знаю. Может, военную какую.

- Слушай, может, про пограничника? У меня вот тут где-то и слова были.

- Давайте.

В общем, Герке дали слова, напели мелодию, и он начал репетировать. Порой ему приходилось под каким-то предлогом выгонять всех из дома. Мать с отцом переглядывались: «Что это с ним?» Но вот настал день выступления. Всё шло по программе. Сценки, стихи, песни сменяли друг друга. Герка в бутфорском костюме петуха с косой на плече вначале участвовал в сценке. Надо было сказать пару слов и два раза кукарекнуть. Получилось нормально. Когда переодевался, учительница даже похвалила:

- Молодец, хорошо. Посиди, отдохни, потом будешь петь.

И вот объявили его. Герка вышел на середину класса. И вдруг - он один, один в центре класса, а вокруг десятки глаз,

смотрящих на него. Герке стало страшно, как никогда. Какой-то невидимый зверь сдавил его горло. Герка раскрыл рот и, как казалось ему, начал петь, но его уши почти ничего не услышали. И вот уже кто-то из хулиганистых ребят, что постарше, начали кричать:

- Герка, прибавь звук!

- Слышь, иголку у патефона смени.

Такого Герка, конечно, вынести не мог. Судорожно глотнув воздух, он кинулся из класса. Опомнился только во дворе школы, слёзы обиды невольно текли по щекам. Когда он немного успокоился, то услышал Женькин голос: «У дороги чибис, у дороги чибис, он кричит, волнуется чудак: «А скажите, чьи вы, а скажите, чьи вы, и зачем, зачем идёте вы сюда? Не кричи, пернатый, не тревожься зря ты...» И надо же, слушая его, Герка успокоился. Женька потом нашёл его.

- Ну что ты, не получилось первый раз, другой раз получится. Давай вместе попробуем.

- Нет. Я петь больше не буду, - твёрдо сказал Герка и добавил: - Пусть Лемешев поёт. Помолчав, попросил:

- Знаешь чо? Вынеси мне одежду, я домой пойду.

- Слушай, а подарки?

- Потом получу. Вынеси.

Вскоре Женька перешёл учиться в семилетку и стал реже заходить к Герке. Он подрос и повзрослел. Петь стал реже. А потом, окончив школу, куда-то исчез. Отец сказал:

- Зашёл ко мне на работу, говорит, уезжаю, а куда - не сказал.

- Бог с ним, - сказала мать. - Вольному воля.

Звук маневрового паровоза на железнодорожных путях вернул Герку к реальности. Тот мужчина всё стоял на перроне. Герка сделал шаг вперёд и подошёл к нему.

- Извини, друг. Тебя не Евгением зовут? Ты не в детдоме воспитывался?

- Да, - коротко ответил тот.

- Ты меня не узнаёшь?
- Узнал. Ты Герка, - спокойно ответил он.
- Ты куда-то едешь? - спросил Герка, подавив непонятное волнение.

- Нет. Я здесь живу.
- Кого-нибудь встречаешь? Я вот тоже старшего брата с семьёй.

- А я прихожу сюда поезда встречать. Особенно мне нравится, когда с юга прибывают.

- Мд-а-а, - промямлил Герка. - А работаешь где?

- На заводе.

- Семья?

- Есть.

- Квартира?

- Да.

- Поёшь?

- Не-е-т. А ты?

Герка почувствовал, как краска заливает его лицо.

- Отец как? - спросил Женька и, выслушав ответ, сказал:

- Жаль. Нормальный мужик был. А мать? Пирог пекла что надо. Дай Бог ей здоровья. Передай привет.

И с грустью добавил:

- Счастливый ты.

- А ты в наших краях бываешь?

- Нет. Ни разу не был. И что-то не тянет. Знаю - надо бы, а вот нет.

И, помолчав, сказал:

- Вот куда-то на юг махнул бы. Только куда?

Как-то неожиданно быстро к перрону подкатил пригородный поезд, которого ждал Герка. На перрон выплеснуло много людей. Шум, крики, сумки, чемоданы, мешки, толкотня.

- Ты извини, Евгений. Мне брата встречать надо.

- Встречай.

- Ты приезжай!

- Не обещаю. Нет, наверно.

И тут в окне остановившегося вагона Герка увидел брата. Через толпу стал пробираться к вагону. Обернулся, но Женьки больше уже не увидел.

Когда вещи были уложены, все расселись по местам, Герка завёл свой «жигулёнок».

- Ну, с богом.

Отъехав от вокзала, брат вдруг спросил Герку:

- Ты чо-то, брательник, невесел? Не рад, што брат приехал?

- Да нет.

И он рассказал о случившемся.

- Ну и чо ты? Всё у него нормально, - подвёл итог брат. - Давай, рули лучше - не картошку везёшь.

Когда приехали домой, Герка рассказал матери о встрече на железнодорожном вокзале. Она хоть и была стара, но всё же вспомнила:

- Женька. Чибис. Детдомовский. Приходил к нам. Помню, - а потом прибавила: - Пресвятая Богородица! Видно, так и не отогрелась его душа-то.

Так устроен этот мир, всё проходит. Прошло время, и Герка забыл об этой встрече.

Однажды весна так поманила вначале, что в марте растаял снег и стало тепло. Прилетели с юга птицы.

«Природа, - думал Герка, - она живёт и творит по своим, только ей известным законам, и нет ничего сильнее её».

Но вдруг сильно похолодало. Пошёл снег. Прилетевшие птицы повернули на юг. В небе можно было видеть стаи уток и косяки гусей. Более мелкие птицы, обессилев, гибли. Герка как заядлый охотник и любитель природы выехал с охотоведами посмотреть, чем можно помочь гибнущей птице. В одном месте у дороги внимание Герки привлекла стайка птиц, у которых грудь, брюшко и бока головы были белые, голова, шея и зоб чёрные, с сине-зелёным блеском, спина оливково-зелёная, с

пурпурным отблеском. Короткий клюв, на затылке - хохолок из нескольких перьев, короткий хвост чёрного цвета, тонкие ноги. Так близко он этой птицы раньше не видел и не знал её названия, к своему стыду. Птицы стояли, нахохлившись, покачиваясь от слабости, порой чуть не падая, и казались беспомощными.

Герка первым выскочил из остановившейся машины. Он приблизился к одной из птиц и хотел взять её в руки, чтобы отнести в машину и согреть. Но птица ожила, отбежала и перелетела на другое место. Он сделал новую попытку, и вновь неудача. Он пытался сделать это вновь и вновь. И вдруг услышал:

- Иваныч, брось, не получится. Садись давай.

Сев в машину, он спросил:

- А что это за птица?

- Это чибис, - услышал он ответ. - Живёт у болот и на сырых лугах.

- Чибис, говорите?! - воскликнул Герка и повернулся, чтобы вновь посмотреть на птиц.

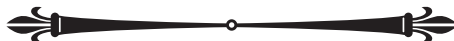
- А что тебя так удивило?

И Герка, не слыша вопроса, пробормотал:

- Так и не дал себя согреть.

- Да чего ты там говоришь?

И тогда Герка рассказал ту давнюю историю.

РЫБКА МОЯ

Лёшка и сам толком не понял, как это всё получилось. Не заладилось как-то с женой. Раньше жили нормально. И называл он её часто «рыбка моя». А тут слово за слово - «акула зубастая» и даже гораздо хуже... И вот однажды она собрала вещи и уплыла к маме в город. Лёшка сильно переживал, хотя вида не показывал. Немного успокоившись, начал писать жене письма. Перед отправкой перечитывал их и сам содрогался от написанного: «Неужели это не тронет, не проймёт её? А?» - с надеждой думал он.

И вот долгожданный ответ: «Может быть, приеду в гости на Новый год».

В душе Лёшка ликовал, но на людях был спокоен, едва скрывая свои чувства. Новый год медленно, как казалось Лёшке, но приближался. Дня за два он решил съездить в лес за ёлкой, а заодно проверить озёра. На некоторых уже прошёл «сгар». «Повезёт, попаду на «сгар», поймаю рыбы к новогоднему столу», - мечтал он, кладя в коляску старенького мотоцикла топор, пешню, черпало и пару мешков.

Мороз и снег не пугали Алексея. От природы он был крепким и здоровым, а помахав в кузне молотом, ещё больше закалил себя. Раскрасневшись от облизывающего его лицо холодного воздуха, он пробирался по снежным волнам лесной дороги. Иногда спрыгивал с мотоцикла, чтобы подтолкнуть, если тот застревал. А вот и еловые посадки. Лёха выбрал приглянувшуюся ёлку.

- Думаю, понравится моей Снегурочке, - улыбался он, нежно укладывая елку в коляску и вслух разговаривая сам с собой.

- Так, а теперь проверю озеро.

Лёшка знал, и не только от рыбаков, что оно «горит» обычно на Новый год или накануне, и крайне был удивлён: на озере не было никого. Взяв пешню, он сошёл на лёд, выбрал место и играючи прорубил майну. Очистил её ото льда. Пристально

глядя в тёмное водяное окно, старался угадать: будет «сгар» или нет. Вода припахивала, «мимра» - мелкая рыбёшка - начала клубиться в майне. Лёшка сделал вывод: надо ждать.

На озеро и окружавший его лес, как-то сразу рухнув, упала ночь. Лёшка наладил костёр. В большой жестяной банке заварил смородиновый чай. Закусил салом с хлебом. Ночевать одному в лесу даже зимой ему было нормально. Он был настоящий мужик - рыбак и охотник. Лёнька дремал у костра, который согревал его тело, а душу грела предстоящая встреча с женой. В дреме ему даже виделись любовные сцены, и он что-то бормотал и улыбался. Временами, стряхивая сон, проверял майну - рыба не шла. Минула ночь. И только днём немного стала тянуться рыба и то периодами. В Лёшке проснулся инстинкт - зов предков. Он прорубил ещё три майны и забыл обо всём на свете. Он метался от одной майны к другой.

К вечеру он наловил целую коляску рыбы, а она всё шла и шла. Он умудрился утопить топор. Попробовал достать палкой, черпалом - не получилось. Надумал нырять. Разделся догола и, попрыгав у майны, не решился. «Да ну его на хрен, ещё русалка утащит или прибор оторвёт», - и, рассмеявшись, мигом оделся и кинулся к костру. Теперь это было тлевшее большое сухое дерево на берегу. Так он вторую ночь ловил, бегал, грелся, дремал. А рыба всё шла. Когда он спал, ему привиделось, будто его окружили огромные чудовища и решили казнить - сжечь на костре. Лёшка вскочил и рванул от чудищ, очнулся в лесу недалеко от костра. Большой палец правой ноги стал мёрзнуть - прогорел валенок. Дыру пришлось заткнуть тряпкой.

Зародилось новое утро. А рыба шла. Лёшка, сломал черпало. А рыба шла. Он наловил ещё два мешка. Сбросил старый шубнячок, закатал рукава и ловил руками. Они стали похожи на красные гусиные лапы. Мужики, приехавшие на озеро, издали с другого берега не могли понять, что это. Что за зверь на льду и что он делает. Подойдя ближе, они всё поняли. А Лёшка, взглянув в их сторону, дико сверкнув глазами, прохрипел:

- Не подходи, это мои майны! Моя рыба. Руби свои!

- Да ты чё, Лёха? Чо с тобой? С Новым годом тебя!

- С каким ещё Новым годом?

- Да сегодня же первое января!

Тогда-то Лёшка пришёл в себя и принял человеческую позу
- встал на ноги.

- Там, Лёха, у тебя вроде жена приехала.

- Не вроде, а точно, - сказал второй мужик, - моя её видела.

Что-то прорывав, Лёшка ринулся к мотоциклу. И вскоре, гружённый рыбой и ёлкой, он летел домой, бормоча: «Рыбонька моя, да что же это я наделал! Рыбонька моя!» Ворвавшись в дом, он увидел мать, хлопотавшую у русской печи.

- Где? - выдохнул Лёшка. - Жена где?

- Где-где. Уехала... Не знай, где тебя носит!

Лёшка молча доскочил до автостанции, но автобус уже ушёл. Можно себе представить, в каком состоянии бедолага добрался до дома. Там его ждали друзья.

- Лёша, да не переживай ты так! Ты пойми: самое главное, что любит она тебя. Дурило! Раз приехала, точно любит! Да ещё не всё потеряно, у нас ещё один Новый год впереди - по-старому! Махнёшь к ней сам, к своей «рыбке»! Ну и рыбки отвезёшь!

ВОВКИН ФРОНТ

Повесть

Как хорошо: не испытали

Войны вы страшные года,

И лишь из книжек вы узнали:

Война - ужасная беда.

Кто и когда назвал Вовку Чёрным, он не помнил. Да особо и не обращал на это внимания. Юрка, брат, тот пошёл в тётку Пелагею. Юрка был старше Вовки. За его кудрявую шевелюру, отдававшую цветом опавшей осенней листвы, его называли Рыжим. И ничего, Юрка ни на кого не обижался. Зато он был умный и ужасно хитрый.

В большой семье Ивана, бывшего балтийского моряка, послужившего в своё время и царю-батюшке, и советам, Вовка, этот черноволосый, круглолицый, чернобровый, с мягкими добрыми чертами лица парнишка, в тёмно-карих глазах которого плясали весёлые искорки, в душе даже немного гордился, что его называли Чёрным. В разговорах односельчан он иногда слышал: «Надо же, и в кого он у них такой?» - «В кого, в кого. Отец-то Иван тоже в молодости чернявый был. Это его время перекрасило. Он ведь в разных переделках побывал. Да и дочь-то старшая, Раиса, в него, тоже чернявенькая». - «Да, но Вовка уж больно...»

В прошлом году, в конце зимы, Вовке исполнилось одиннадцать лет. И вот настало лето. Позади занятия в школе. Вот они - каникулы. Бла-го-дать!..

Хотя и по хозяйству придётся помогать много, но всё равно летом на каникулах хорошо. Купание на речке, рыбалка, а за речкой - лес, где грибов и ягод вдоволь. А ночёвки на сенокосе! А конный двор и купание коней! Да что там говорить!.. Так бы оно, наверное, всё и было бы. Только вот... Этот день... Этот день Вовка запомнил на всю оставшуюся жизнь. Крепко запомнил.

Летом Вовка любил ночевать на сеновале. Зимой-то приходилось спать на полу, на кошке вповалку или на русской печи, когда бывало особенно холодно. Вчетвером на печи тесновато и порой душно. А когда-то и семеро было! Трое выросли. Старшая сестра замуж вышла, уехала. Вторая сестра медицинский институт в городе заканчивает. Брат - в военном. Дом небольшой, тесновато. Только мать с отцом спали на самодельной деревянной

кровати. А летом на сеновале спать - красота. Можно вечером с друзьями подольше поиграть на улице. А утром пораньше, не тревожа никого, уйти на рыбалку. Но в этот вечер игры не ладились. Что-то не получалось и почему-то не хотелось играть, и все разбрелись по домам. Вовка залез на сеновал, расправил на прошлогодней соломе простыню, сшитую из тряпья, и укрылся лоскутным одеялом. Раньше, набегавшись за день, он сразу же засыпал. А сегодня сон не шёл к нему. Он всё ворочался и ворочался. Пахло прелой старой соломой, и её запах перемешивался с вековыми запахами крестьянского двора. Иногда лёгкий ветерок пробежал по соломенной крыше сеновала, а то вдруг приносил запах сада или огорода, запах родной земли.

Вовка вдруг почему-то вспомнил брата Анатолия, который учился в военном училище и скоро должен был закончить его и стать офицером. Вовка и сам мечтал стать военным, но только, как отец, моряком. Он иногда тайком примерял отцовскую бескозырку, которую тот привёз со службы и бережно хранил. Вовке нравилось рассматривать надпись и якорьки на ленте...

Ночная тень обняла притихшее село. Изредка как-то вяло лаяли собаки. Вдруг раздался собачий вой, к нему присоединился ещё. «Чего это они сегодня?» - подумал Вовка сквозь лёгкую дрему. Наступила тишина, и только слышалось мерное похрустывание: в хлеву корова жевала серку. Этот звук немного успокоил Вовкину душу, пришедшую в какое-то непонятное волнение. И Вовку одолел тревожный сон.

Коротки июньские ночи, и когда Вовка проснулся, давным-давно было светло. «Что-то меня сегодня никто не разбудил, - подумал Вовка. - И никаких заданий». Он слез с сеновала и направился в дом, думая, чем же его накормит мать. Открыв дверь, он увидел отца, сидевшего за столом. В комнате пахло махоркой. Обычно отец никогда не курил в доме. Это сразу насторожило Вовку. Отец был серьёзен, как никогда. Он сворачивал самокрутку. На сундуке сидела мать и концом фартука утирала глаза. Сестра Таисия, братья Борис и Юрий сидели в каких-то не совсем естественных позах - кто где. Отец, затянув-

шись, продолжил начатый разговор:

- Этого надо было ждать. В народе-то давно говорили: будет война с немцем.

Вовке слово «война» было хорошо знакомо. С друзьями он играл в войну, это была игра, забава. Но сейчас это слово прозвучало по-другому, как-то зловеще. Вовка застыл в дверях. Мать никак не хотела верить:

- А может, чо напутали? А? Иван?

- Нет, ничего не напутали. Иду я мимо колхозного правления в совет. Открывается окно. Председатель кричит мне:

«Иван, зайди». Я захожу. Он говорит: «А я хотел за тобой посылать». - «Чо такое?» - «Война, Иван, с Германией. Мне из района звонили». Вот так... Ну ладно, я на минуту, сказать. А вы давайте - за дела. Нечего тут расслаживаться.

- Отец, - захлопотала вдруг мать. - Ты бы насчёт ребятишек подумал. У тебя вроде на железной дороге друзья есть. А от туда в армию не берут.

Отец, потупившись, обвёл всех строгим взглядом.

- Нет, мать, давай в этом случае, как положено. И больше об этом не будем говорить.

Вовка, молчавший до этого времени, вдруг спросил:

- Пап, а ты воевать пойдёшь?

- Не знаю Володя. Я ведь уж староват и своё отвоевал. Но если надо, пойду.

- Ну а я?

- А чо ты?

- Ну воевать?

- Маловат ты для этого.

- А я вырасту.

- Вот и расти пока. Только, я так думаю, к этому времени немцев поколотят. Да у нас и воевать-то есть кому. Анатолий, Борис, Юрий, - и он посмотрел на притихших сыновей. - А ты не спеши. Ну ладно, я пошёл. Вы вот што. Пока о чём мы тут - никому. По радио-то сообщения не было. А в таком случае

должно быть. Отец встал из-за стола. Вовке показалось, что он стал немного выше. Его немолодые, но ещё широкие и сильные плечи как-то по-особому расправились, и он решительно шагнул за порог.

Потом было и сообщение по радио: «Граждане и гражданки...» - с шумом и треском вещал репродуктор у народного дома. В общем, точно. Война.

И вскоре Вовка понял: детство кончилось. Вовке казалось, что он находится в каком-то могучем лесу, и буря невиданной силы налетела и хочет сломать и опрокинуть веками стоявшие на этой земле деревья. Но деревья, сгибаясь под этой силой, дружно сопротивлялись ей. Жизнь стала стремительно меняться. Всё больше мужчин, основных работников на селе, уходило на фронт. Их место занимали старики, женщины и подростки. Вовка старался, работал дома и помогал в колхозе. Он ходил на сенокос, на ферму, на конный двор, на склады, и рядом с ним всегда был его друг Лёнька. И что бы они ни делали, о чём бы ни говорили, обязательно разговор заходил о войне, о фронте... И вот однажды Вовка предложил Лёньке:

- Слушай, давай на фронт махнём.

- Как это - махнём?

- Дойдём до станции, а там на поезд, - пояснил Вовка.

- Поймают.

- Надо, чтобы не поймали. Прятаться будем.

- А дома?

- Дома молчи, никому.

- А жратва?

- Вот со жратвой хуже. Давай для начала скопим. А там что-нибудь придумаем. Как отец говорит: «Котомка дорогу покажет». И слышишь - никому!

Прошло время. Припасы собраны: десятка два картошек, сухари, немного хлеба, огурцы, лук, спички.

- Ну чо? Завтра можно махнуть. А, Лёнька?

- А дома чо скажем?

- А мы как будто на рыбалку соберёмся. Вот чо.

Рано утром, взяв удочки и холщовые сумки с припасами, друзья двинулись к реке. Солнце тоже только проснулось и поднимало свою рыжую голову над далёким горизонтом за лесом, за рекой. Оно освещало нежным светом дома родного села, тихо дремавшего на склоне бугра, наклонявшего их в сторону реки. Над рекой местами толпился туман. Солнце, дотронувшись до него, окрасило туман в розовый цвет и превратило в большие сказочные цветы. Друзья, когда вышли за село, разом повернули головы. В их душах появилось что-то такое, чего раньше не было. Лёнька вдруг громко и неожиданно изрёк: «Дайте Вовке вы морковки». А его лицо было таким, будто он откусил что-то горькое...

- Я тебе самому щас дам по морковке. Поэт... Пошли быстрее.

Вскоре удочки они забросили в кусты. И мимо затона и заводей, нижней дорогой, через лес направились в райцентр. Вовка дорогу знал. Он не раз ходил по ней с братьями. Дорога шла лесом через святые колодцы - так в народе называли три лесных родника с хрустально чистой водой. У одного из них они заметили старика, одетого в какие-то лохмотья и подпоясанного обрывком старой верёвки. На ногах его были изрядно поношенные лапти. Было видно: много измерили они вёрст. Рядом со стариком лежали небольшой кошель и подог. Старик стоял на коленях и крестился. Иногда его голова с большущей седой бородой и копной белых волос, опоясанных бечевой, касалась земли. Губы шевелились, произнося молитву. Под густыми лохматыми бровями глаза, как потом отметил про себя Вовка, горели душевной силой. Заметив ребят и закончив молитву, старик повернул к ним голову и сказал:

- А чо, ребята, устали, наверно? Присядьте, отдохните, воды святой испейте. Сил наберитесь. Молиться-то, наверно, не молитесь. А я вот молюсь. Да как теперь не помолиться - в такое время-то да в таком месте. Вы, поди, и не знаете, што это за места?

- Ну што это не знаем места, - присев рядом с дедом, возразил Вовка. - Это святые колодцы, а там дальше святая гора.

Вовка посмотрел на Лёньку, тот опустил глаза. Оба молчали.

- Этот, - продолжал старик, - Георгиевский. Говорят, сам святой Георгий водицу-то из него пил, и коня своего поил, и за деревья здесь привязывал. Отдыхал, стало быть, тут. Сил набирался.

- С чего это он тут объявился? - удивлённо спросил Лёнька.

- Как - с чего? Он же защитник русского воинства, и эти места он от басурман защитил.

- Как - защитил? - почти в один голос спросили Вовка с Лёнькой.

- Когда пришли степняки сюда с войной, Георгий выехал на гору, вынул меч из ножен, поднял над головой, а из меча - свет. Слепил и напужал он всех басурман, и утекли они восвояси. И теперь, стало быть, должен помочь. Вот я и хожу по святым местам, молюсь. Прошу. Может, и вы со мной?

- Нет нам нельзя, нам некогда, - засуетились Вовка с Лёнькой.

И вскоре они были в райцентре. Но в посёлок не пошли. Спустились к реке, а когда сходили с горы, рассмотрели мост через реку. И по берегу вдоль воды направились к нему. Солнце поднялось и нагрело прибрежный песок. С криком носились стрижи, рассекая над водой упругий воздух. В воде, на песчаных отмелях, в заводинках строем плавали мальки.

- Вовка, это там на горе Георгий-то появился? Вот бы нам его меч!

Вовка промолчал, он снял тряпичные тапки с подошвой из приводного ремня и с удовольствием погружал босые ноги в тёплый песок.

- Дома, наверное, уже хватились, - вздохнул Лёнька.

- Да нет ещё, думаю, - оборвал Вовка. - И не стони. Понял?

Вдруг со стороны посёлка они услышали какой то шум, женский плач и крик. Не сговариваясь, они нырнули в прибрежные

кусты и затаились. На дороге, ведущей к мосту, показались повозки с людьми. Их сопровождала милиция. За повозками шли несколько женщин. Одна из них сильно плакала и кричала:

- Отдайте мне её! Как я без неё? Без доченьки-то моей!

Вовке с Ленькой сделалось не по себе.

- Чо это они? - прошелестел Лёнька.

- Чо, отец говорил, ребятишек в ФЗО набирают, на заводы работать.

- А чо плачут?

- Чо те непонятно: мать она есть мать, вот и плачет.

На мосту дорогу женщинам преградили милиционеры, а повозки с грохотом продолжили путь, увозя, по сути, ещё детей в новую тяжёлую военную жизнь. Долго сидели Вовка с Ленькой, пока всё не успокоилось.

- Щас перейдем мост и до первого села, а там спросим, как на станцию пройти, где поезда ходят.

С этими разговорами они шли по деревянному мосту. Навстречу им двигалась повозка. Когда она поравнялась с ними, Вовка с Ленькой застыли на месте. На повозке сидели два милиционера.

- Ну вот и махнули, - выдохнул Лёнька.

Один из милиционеров, что помоложе, ловко спрыгнул с телеги и, взяв Вовку за руку, спросил:

- Ребята, вы тут нигде мужика не видели? Высокий такой, с мешком.

Вовка в ответ промычал что-то непонятное и замотал головой.

- Слушайте, - продолжал милиционер, - А вы чьи будете и куда идёте? - и заглянул к Вовке в сумку.

- Понятно. На фронт собрались? Да? Так, живо в телегу, и без глупостей.

Вечером за ними приехал на лошади Вовкин брат Борис и забрал домой. Ехали молча. Вдруг Борис сказал:

- Вы чо думаете, я на фронт не хочу или Юрка? Вон Анато-

лий и Марина воюют. Придёт время, и мы пойдём. А вот здесь кто хлеб-то растить для фронта будет? А? Вы будете. Здесь, в общем, тоже свой фронт. И опять замолчал.

После этого случая родные стали зорко смотреть за Вовкой и Лёнкой. И они решили временно затаиться. А время шло. Оно то стремительно налегало, как первые наступления немцев, то как будто останавливалось в ожидании новых сокрушительных контрнаступлений Советской армии. В селе вертелась ужасная карусель. На фронт уходили всё новые и новые призывники, а с фронта шли вести о погибших, раненых и пропавших без вести. Рядом поселились радости побед и горе невосполнимых утрат.

Вовке приходилось учиться и работать. Работать за мужика, а иногда и больше. Ушёл на фронт брат Борис, этот мастер, на которого и с завистью, и с любовью смотрел Вовка. Голова и руки Бориса всегда были чем-то заняты. Он всегда что-то придумывал и мастерил в сделанной им в огороде кузне. И вот у Вовки отняли родное, дорогое и светлое. Бориса провожали пешком всей семьёй до самой железнодорожной станции. Вовка готов был ринуться за братом. И только плачущая мать останавливала его. Со станции домой шли молча. И вот с фронта родителям стали приходить благодарственные письма от командования за воспитание сына. Готовился уходить на фронт Юрий. И вдруг страшная весть: погиб Борис. Вовка долго плакал у себя на сеновале. Но слёз никому не показывал. Он клялся отомстить за брата. А вскоре ушёл на фронт, как ни странно, отец. Что-то приключилось на работе. Пустяк какой-то, но время военное, вот и выбирай: или тюрьма, или фронт. Иван выбрал фронт. Вот тебе и возраст... Это событие Вовка перенёс более стойко. По-взрослому. По-мужски. Он как-то сразу повзрослел. После этого Юрий сказал:

- Ты вот что, братишка, не вздумай опять сбежать. Я скоро уйду, а ты за мать и сестру будешь отвечать. Понял? Смотри, мать-то и так вся извелась.

- Понял, - выдал Вовка.

Теперь Вовка часто бывал в правлении колхоза на наряде.

Правление находилось на втором этаже кирпичного двухэтажного дома, отобранного у богатого односельчанина.

В просторных деревянных сенях зимой и летом было полно народу. Старики сидели на лавках, курили махорку и вели разговор. Обсуждали вести с фронта, сельские и районные новости. Пацаны, подростки толпились рядом. Дым от махорки - как говорится, хоть топор вешай. Бабы здесь долго не выдерживали.

Каждый день тут появлялась тётя Паша. Она громко здоровалась со всеми, и люди невольно расступались, пропуская её. На ней всегда был надет старенький китель, а на нём прикреплены всевозможные медали и значки. У неё с серьёзным видом спрашивали:

- Чо, тётя Паша, с проверкой? Порядок навести?

И та серьёзно отвечала:

- Да. Надо маленько.

И когда она проходила, старики сетовали:

- После такого, конечно... Без мужа таких трёх сыновей подняла! И всех, считай, разом на фронт забрали, ни одного не оставили. Она ночи не спала, двух быков выращивала для помощи фронту, а какая-то сволочь взяла и умыкнула их. А тут известия на сыновей. Кто, поди ты, убит, кто без вести пропал. А, вишь, один-то в окружении был. Потом объявился. А она не выдержала. Заболела. Н-да.

- Слушайте, мужики, а про тот самолёт немецкий, что над нами тогда пролетал, так ничего и не сообщали? Тогда за ним наш «ястребок» кинулся. Не знай, догнал, што ли? Вот гад, куда забрался!

- А я вот слышал, у нас тут недалеко наш парень, лётчик, самолёт на заводе получал, ну к себе в деревню завернул. Не знай, правда аль нет. Фёдором вроде зовут.

- А чо, есть такие лихие парни. Не гляди, што с деревни.

- Эх, глян-ко, Ванёк ныне пожаловал. Иди-ка, Ванька, задыми со стариками. Да побай нам чо-нибудь.

- Слышь, Иван, вот ты скажи. Вон Вовка, у него отец Иван.

Стало быть, его Владимир Иванович величают. А тебя как?

Ванька сразу стал серьёзным и задумался.

- Ну как, как... Отца у меня нет, а мать Татьяной зовут. Ну, стало быть, Татьяныч я. Иван Татьяныч.

- Ну ты кончай такие шутки, Татьяныч, а то мы тут в штаны наделаем, - и сизый табачный дым разрывает дружный хохот. Хоть и война, а хорошая шутка - она бодрит, а порой и лечит душу. Так с тех пор стал Иван - Иваном Татьянычем.

- А чо со рвами да пулемётными гнёздами и траншеями будут делать?

- С какими?

- Да што в районе накопили на холмах и в лесу.

- На память останутся, для истории.

- А я вот слышал, в райцентре шпиёна поймали.

- Да ладно. Откуда он там появился?

- Откуда-откуда, жил там. Прямо в центре на перекрестке, а там движение во всех направлениях из нашей области в другие. Дом старинный, деревянный, с мезонином, в нём и жил. Богом, говорят, обиженный, маленький, горбатый. Радиостанция, говорят, была. Передавал сведения куда-то. Какие части куда движутся и ещё чево-то.

- А как же его накрыли?

- А хрен его знат. Мне об тем не доложили.

- Правду говорят, в семье не без урода.

- Ну и к стенке его, конечно?

- Да, наверно, по законам военного времени.

- Фашист теперь уж не оправится. Под Москвой ему прикурить крепко дали. Да и под Сталинградом узнал он, почём у нас тут фунт изюма.

В сени от председателя вышел заведующий конным двором. Это был мужчина средних лет. Чувствовалось, что он из военных. Левый рукав гимнастерки, подпоясанной солдатским ремнём, был пуст.

- Так, - сказал он, обращаясь к Вовке, - вы с Лёнкой и ещё

трое ребят завтра повезёте зерно на станцию. Лошадей не хватает, повезёте на быках.

- Слышь, Терентич, ни Вовки, ни Леньки, ни быков не будет. На фронт утекут.

- Я думаю, они повзрослели. Время военное, и они понимают, что за это будет. А сейчас давайте-ка на конный двор, там кое-что сделать надо.

И началось... На следующий день рано утром «бычья кавалерия» была готова к выполнению задания. Терентич давал последние указания.

- Так, еду взяли, картошку, котелок. За быков и хлеб головой отвечаете. Старшим будет Александр. Вперёд.

Можно себе представить крейсерскую скорость быков. Только в один конец - девяносто километров. Но надо. И, шагая рядом с повозкой, Вовка часто размышлял: «Нет, я в пехоту не пойду. Я, как отец, в моряки. П - е - х - о - т - а, прошла сто вест - ещё охота. Нет уж».

И летними тёплыми короткими ночами, лёжа на лоскутах грязного брезента, которым укрывали зерно, они после скудной трапезы смотрели на звёзды, тихо переговаривались, вслушиваясь в тишину.

- И чо этим фашистам надо? Земли, што ли, мало? Лучше бы придумали, как на звёзды летать. А то война. Кому она нужна?

- Ничо, наши дадут фрицам прикурить. Вот увидите. А к звёздам люди точно полетят. Сделают самолёт какой-нибудь и полетят.

- Слышь, Лёнька. У тебя невеста есть? - спросил вдруг Сашка.

- Какая ещё невеста? Откуда? - удивился Лёнька.

- Откуда? Всё оттуда, - продолжал Сашка. - Вон у Вовки появилась... Чо молчишь? Мне моя Зинаида сказала. А ей Нинка, подруга. Говорит, нравится он ей. А видели, как она на него смотрит? Точно, влюбилась. Жаловалась Зинаиде: «А он, чертяга чёрный, редкий раз на меня взглянет». Ты што теперь?

Проводил бы девчонку, обнял бы да в щёчку чмокнул, - и все дружно рассмеялись.

- Санёк, ты давай кончай свои шуточки. А то ребята взаправду подумают, - как-то неестественно серьёзно сказал Вовка и почувствовал, как полыхнуло его лицо. Про себя подумал: «Хорошо ночь. Ребята не видят. А то бы...» - и вслух добавил: - А то видишь, как Генка ржёт. Все быки разбегутся.

- Нет, погоди, тебе сколько уже? Четырнадцать? Пора, - возразил Сашка. - А мы с Зинаидой после войны поженимся.

Не мог знать Сашка, что, когда призовут его в конце войны на фронт, погибнет он от шальной пули.

- А чо там с Зинаидиным братом приключилось? - спросил кто-то.

- Чо, погиб. Товарищ, с которым на фронт прибыл, письмо прислал. Только на фронт, говорит, прибыли ночью, сразу в окопы. А рано утром Петька высунулся из окопа со словами: «Ну-ка, гляну, што тут за война». И в это время немецкий снайпер, фашиская гадина, прямо в голову. Вот и «чо». Я думал, он сам снайпером будет. Он ведь до самого призыва, поди, камни в карманах таскал. Надо ведь, отберёт, какой по руке. Воробья, поди, на лету камнем сбивал. Да всех колотил - и голубей, и кошек, и собак. А как тренировался! Слепил как-то из глины фигуру в прогале между домами, и давай в неё. И с поворотом, и с разворотом. Потом чучело-то подсохло, а Петяй в него камнем. Ну, конечно, попал, да только камень-то отскочил и в соседское окно на кухне. А там бабка с корчагой. Ни окна, ни корчаги, и бабка на пол от страха брякнулась. Дед его до самой речки, до кустов вожжами гнал. Вот какой Петька меткий был. Я думал, он на фронте немцев больше, чем кошек и собак, набьет, а вишь, как вышло. Жалко.

И все долго молчали, смотря на далёкие звёзды.

- Ну ладно, давайте спать, - подвёл итог Сашка. И под мерные вздохи быков «кавалеристы» заснули.

Порой Вовкин боевой друг, бык Яшка, вставал где-нибудь в самом неудобном месте. В ручье, например, на переезде. Тан-

ком его не сдвинешь. Ни палка, ни матерные слова, ни уговоры, ни слезы - ничего не помогало. И вот однажды на дневном привале к ним подошёл пожилой мужичок. Угостил хлебом, махоркой, попил морковного чаю. Расспросил, откуда. Посочувствовал. И посоветовал:

- Штоб быки шибче шли, вы им головёшку под хвост.

- Это как - головёшку? - не понял Вовка.

- Шучу. Можно картошку из костра горячую, он и попрёт. Попробуйте. Ну, счастливо.

- А чо, можно, - согласился Лёнька. И попробовали. Быки, прижав огненную картофелину хвостами, рванули с удвоенной скоростью. Сначала было нормально. На обратном пути, к концу поездки заметили: быки приуныли. Под хвостами у них всё разнесло, опухло. Приуныли и ездовые.

- Вот чо, давайте домой попозже вечером заявимся. Может, всё и обойдётся. А если нет, то молчите, - подытожил «командир» Сашка.

Несмотря на поздний вечер, Терентьич ждал свою «кавалерию».

- Ну как, хлопцы, порядок?

- Порядок, - ответил кто-то.

- Быков ставьте - и по домам. Можете денёк отдохнуть. Володя, а ты погоди, вместе пойдём.

Вовка почувал неладное. И когда шли, Терентьич, потечески обняв Вовку, сказал:

- Ты, это, крепись, у вас Анатолий вроде как без вести пропал. И самое главное, мать успокой. У меня вот тоже двое голоушки сложили за нашу землю.

И Вовка крепился что было сил. И только забравшись на сушила, дал чувствам волю. Утром, зайдя в дом, он застал мать перед иконами, она молилась и платком утирала слёзы. Подождав, Вовка спросил:

- Мам, а поесть чо-нибудь есть?

Мать подошла и обняла Вовку:

- Небось, слышал уже? А может, и найдётся ещё. Вон у Пелагеи-то...

- Я тоже так думаю, - сказал Вовка как можно уверенней.

- А Юрий где?

- В район ушёл, в военкомат, дезертиров, што ли, ловить. Они на днях в лесу у мужиков кошель с едой спёрли. Воевать надо, а они кошели воруют.

Не успел Вовка закусить, прилетел взволнованный Лёнька.

- Пошли быстрее, Терентьич - ужас што!..

Когда все собрались, Терентьич отвёл их в дальний угол конного двора.

- Ну вы, кавалеристы хреновы, чо с быками наделали?

Все молчали.

- Так, или вы мне всё начистоту, или я в НКВД звоню, а там - сами понимаете.

Пришлось доложить, как было.

- У вас што, своей головы нет? Провокатора послушали. Вы мне его всё-таки получше опишите на всякий случай. А быков у меня день и ночь выхаживать будете!

Вскоре ушёл на фронт Юрий. Он попал на Северный флот. Воевал как положено. Вовка страшно завидовал брату. Юрий ещё писал, что скоро станет, как отец, старшиной.

В свободное время Вовка бегал на реку, там появлялись порой маленькие юркие катерки, за собой они тащили баржи. До войны по реке проходил иногда колёсный металлический двухпалубник, сделанный вроде бы в Америке и прозванный за это «Американцем». Народу смотреть сбегалось - тьма. А во время войны хлеб из района сплавляли на барже, как на плоту, по течению. На барже стояли лошади. От железнодорожной станции баржу, уже гружённую товарами, вверх по течению тащили за канат по берегу впряжённые лошади.

Вовка любил реку. Ему так хотелось стать моряком, для начала хотя бы на этом маленьком катерке.

...Время тянулось ужасно медленно. Все только и говорили о победе. И она пришла, пришла в разгар весны, вместе с

распустившейся листвой в садах, готовых взорваться буйным цветом.

Стали возвращаться победители с войны. Вначале отец с сильной контузией, но ведь живой! Сосед, будучи навеселе, встретив Ивана, закричал на всю улицу:

- Иван, мы непобедимы, ты понял? Ты непобедимый, и я непобедимый!

Потом возвратилась сестра Марина, офицер-военврач, да не одна, а с мужем. И, наконец, старшина Северного флота, брат Юрий. Вовка был бесконечно всему рад, хотя в уголке его души притаилась сильная грусть, которая увеличивалась, когда он видел плачущую мать. Он понимал, что это были слёзы радости за вернувшихся и слёзы горечи за потерянных сыновей.

Однажды Вовка, а ему шёл семнадцатый год, пришёл домой радостный и доложил:

- Всё, в затон катера пригнали, и меня берут матросом. Это вам не на быках ездить.

До самого призыва в армию Вовка ходил по реке на катере. Вначале матросом, потом мотористом и, наконец, штурвальным. В армию Вовку, конечно, призвали во флот. Попросился он на Дальний Восток, точнее, во Владивосток. И полетели письма через всю страну.

Прошло четыре года. У стола в доме хлопочет мать, а за столом - три мужика, два сына и отец. И все - флотские старшины.

- Ну чо, Володя, насовсем? - спросил отец.

- Нет, батя, на побывку. Остаюсь на сверхсрочную.

- Что ж, гляди. Тебе видней. Мать, иди, садись. Ну, давайте за тех, кого с нами нет... Война, будь она проклята. Помолчали.

- А я Борисом сына назвал, - сказал Юрий.

- Так это ж здорово, а у меня Анатолий! - воскликнул Владимир и смутился. Мать с отцом переглянулись.

- Тогда за молодое поколение, - сказал старый старшина. - И чтобы у них войны не было!

КОННЫЙ ДОКТОР

Козёл Яшка, красавец, вожак стада, этот козлиный «фюлер», как называл его дед Матвей, на глазах примолкших ребят-пастушков совершил в раскалённом летнем воздухе невероятный безмолвный полёт над кустами ивняка и, гроыхнув рогами и копытами, рухнул на небольшую полянку меж кустов.

- Всё, амба.

- Да, наверное, мешок с костями.

- Надо к деду Матвею бежать за помощью.

- Да погодите вы, - и Колька, повернув Яшку на бок, при-
слонился к его груди. - Да тише вы!

- Ну и чо? - спросил кто-то.

И в это время Яшка открыл глаза, резво вскочил на ноги и, сбросив с себя Кольку, рванул к речке. Туда, где совсем недавно резвились и блаженствовали в прохладных струях мальчишки. Яшка неистово припал к воде. Бока его стали раздуваться.

- Не лопнет? - спросил кто-то.

- Не знай, как бы ты пил, если бы с полдня повисел на кустах в жару!

Яшка оторвался от воды и повернул морду в сторону ребят. Показалось, что он с укоризной смотрит на них. С его шикарной бороды, блестя на солнце, сбегала струйка воды.

- Нет, надо бросать это.

- Чо бросать? А купаться тогда как же? Этот чёрт рогатый - на него никакая жара не действует. Мотается куда в башку взбрeдёт, и стадо за ним. Лови их.

- Дед Матвей нам правильно подсказал. Затащить его в кусты подальше и подвесить за рога. Он поорал немного и замолк.

- Замолкнешь, когда глотка пересохнет.

- Зато стадо на месте, и не бегай куда. Купайся и загорай вдоволь...

- Вы только про это никому. Взгреют.

- Да, ладно, сегодня обошлось. С кустов Яшку надо было снимать аккуратней. Куст-то здоровый, согнули и не удержали. Вот Яшка у нас в птичку и превратился. Ха! Ха! Ха!

- Ну, хватит, - прервал всех Колька. - Просьбу деда Матвея надо выполнить. А то леденцы-то сожрали, и хорош.

- Чьей козе-то нынче надо захворать?

- Он сказал, бабки Матрёны. У неё банька-то курилась.

- Ладно, давай проволоку и пассатижи.

К вечеру мальчишки стадо пригнали в деревню. Каждый хозяин старался встретить свою скотину, заманить и загнать её

во двор. Здесь была и бабка Матрёна. Колька подозвал друга Ваньку.

- Иди, скажи Матрёне, что Зинка, коза её, прихворнула. Орёт, траву не ест, беспокоится. Пусть присмотрит.

Бабка и сама сразу поняла: с Зинкой что-то не то. Весь вечер она хлопотала, сухотилась около своей любимицы и даже ночью выходила. Утром решила: надо идти к Матвею. Матвей на селе был человек знатный. Во-первых, чапаевец, во-вторых, что очень важно для сельчан, мог лечить скотину. И на деревне уважительно называли его: наш конный доктор, что, конечно, Матвею льстило.

Матрёна сама не пошла, послала за Матвеем Ивановичем внука.

- Ты попроси, пусть, пожалуйста, придёт. Так, мол, и так.

Деду Матвею вроде бы вначале и некогда, и своих дел много, но потом, быстро собрав полевую сумку с инструментом и лекарствами, отправился к Матрёне. Пока шли, завязался разговор.

- Дед Матвей, а ты Чапаева видел?

- А то, вот как тебя.

- И Петьку?

- Ну конечно, и Петьку.

- А Анку? Ну пулемётчицу?

- И Анку видел, и Фурманова.

- А это кто?

- Вот те на! Так это ж наш комиссар был! Здорово живёшь, Матрёна батьковна! Ну, чо стряслось? Где твоя красавица?

- Да там, в хлеву. Не ест, орёт - как сбеленилась. Ты уж помоги, пожалуйста, Матвей Иванович. И Матвей начал врачевать над Зинкой.

- Я ей тут кое-что дам, а ты принеси для неё самогона пол-стаканчика.

- Щас, миленький, принесу, принесу.

И пока Матрёна ходила, Матвей аккуратно снял проволоку

с Зинкиного хвоста, и она начала понемногу успокаиваться.

- На-ка, возьми-ка, - говорила Матрёна, подавая стакан.

- Так, надо проверить качество, - Матвей сделал приличный глоток. - Пойдёт, хороший, - и остатки вылил в глотку козе. Достал из полевой сумки морковку и, откусив от неё, дал Зинке.

Он поглаживал Зинку и что-то нащёптывал ей. А потом вдруг говорил Матрёне:

- А самогон-то ещё есть?

- Есть, Матвей Иванович, есть. Ещё надо?

- Да! Для надёжности.

От этой порции Зинке досталось совсем мало. Ей и так уже было хорошо. Она дёргала освобождённым хвостом и уплетала очередную половинку морковки.

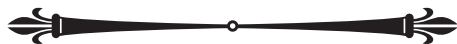
- Ну вот, - говорил повеселевший Матвей Иванович. - Часа через два покормишь. Только не перекармливай. А самогон у тебя, Матрёна, хороший!

И немного погодя Матвей шёл домой. Его полевая сумка издавала сладкий, булькающий звук, а душа Матвея пела, и было слышно: «Гулял по Уралу Чапаев-герой...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	2
«Камешки».....	3
Под Новый год	18
«Леонтьев дом»	21
И был-то всего один раз.	27
Война и время.....	29
Волк.....	42
Татьяна Ивановна	44
Гать.....	49
О, Рио-де-Жанейро	52
Его любовь.....	56
Карнавальный стриптиз	60
А не врѣшь?	61
Кресло	65
Целитель.	69
Платок.	71
Радио.	75
Огурцы.	78
За ёлкой на одной ноге	82
Подлёдный лов.....	85
Ночной полёт.....	92
Весёлые слёзы войны	96
Мачо	101
Секвестр.....	103
Чибис.....	109
Рыбка моя	120
Вовкин фронт.	123
Конный доктор	139

Под редакцией К.А. Ерёминой
Рисунки С.К. Наумовой
Дизайнер О.О. Тюльпа
Корректор И.Н. Сабанова